

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь X.

ВЪ Университетской Типографіи.
у Н. Новикова.

1787.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ВЕЧЕРА.

Исправленная дѣдность.

I,

Доралиса, жена одного Французскаго откупщика, владѣла весьма досташочнымъ имѣніемъ; но разумъ и сердце ея были споль хороши, что не могла она любитьъ пышности и суешнаго великолѣпія. Она знала, что расточительность, всегда порочная, дѣлаетъ еще шѣхъ людей смѣшными, которыя по сосоянію своему освобождены ошъ всякаго рода большихъ издержекъ. Не было у нее брилліаншовъ, и она жила въ домъ маленькомъ, но покойномъ; не давала пиршешвъ, но благодѣшельствовала; и богатство ея, не возбуждая къ ней въ благоразумныхъ презрѣнія, а въ глупцахъ зависти, заставило несчастныхъ благословлять ее, и произвело всеобщее къ ней почщеніе. Со-

всѣмъ не было въ ней щеславїя и безразсуднаго желанїя чѣмъ нибудь блеснуть. Хоша она и въ уединенїи не скучала, однакожь любила и общество. А чшобы въ обхожденїи съ прїятелями находить истинное удовольствїе, шо не отдавала она никакому состоянїю исключительнаго преимущества передъ другими. Никогда не говорила она: шакого-шо состоянїя людей шолько я видѣть хочу, или: шакого-шо состоянїя людей я не хочу видѣть. Она гшова была знакомїться со всякимъ чшловѣкомъ, украшеннымъ хорошими свойствами сердца и прїятностїю разума, шакого бы званїя онъ ни былъ. У Доралисы была шолько одна дочь, кошорая, будучи еще шести лѣтъ, показывала доброе сердце, была шиха, послушна, искренна; у нее не было недостатка ни въ хорошей памяши, ни въ разумѣ, однакожь она была очень лѣнива. Все дѣлала она съ медленностїю, нехотѣнїемъ и небреженїемъ. --- „Какъ, машушка! перервала Елисавета: лѣность доводитъ до всѣхъ шакихъ пороковъ?“, — Подумай хорошенько, такъ и не удивишья. Чшо шакое лѣность? Нѣкоторое расслабленїе, отвращающее насъ отъ всего, чшо шолько хотя мало можетъ ушомить нашъ

нашѣ духѣ, или плѣо наше. Въ шакомѣ расположеніи не хочешся ни бѣгать, ни прыгать, ни панцовать, ни играть въ воланѣ; потому что такіа забавы упоминающѣ. Для того же самаго проповно и ученіе; потому что не хочешся взять на себя труда прилѣжанія. Не спанѣшь ни о чемѣ размышлять, не спанѣшь думать, а будешь жить такѣ, какѣ живущѣ всѣ растенія. Въ шаковомѣ расположеніи была Эгланшина, дочь Доралисина. При ученіи не показывала она никакого вниманія; не слыхала ни одного слова, что бы ей ни говорили, и ни въ чемѣ не успѣвала. Съ другой стороны надзирашельница ея безпрестанно жаловалась на ея безпечность. Да и въ самомѣ дѣлѣ, вездѣ въ домѣ разбросаны были Эгланшинины плашки, перчатки, ножницы и игрушки. Она хотѣла лучше все расперять, нежели прибирать и прятать; въ комнатахъ у нее было все въ безпорядкѣ, все въ нечистотѣ. Эгланшина, принужденная нѣкопорую часть дня проводить въ опысканіи своихъ книгъ, рукодѣлія и игрушекъ, мучилась скукою, и въ такихъ непріятныхъ упражненіяхъ теряла драгоцѣнное время, которое бы она могла употребить

въ пользу, или по крайней мѣрѣ въ свое удовольствіе.

Всякой день надобно было ее бранью принуждать вспавать съ постели, а послѣ того снова читали ей проповѣдь о порокахъ сонливости, изъ которой она обыкновенно болѣе часа послѣ пробужденія своего не выходила, и которая обнаруживалась частымъ званіемъ. По шомъ слѣдовали упреки за медленность завтрака; а наконецъ прогулка, гдѣ опять начиналась брань, по тому что Эгланшина не хотѣла ходить, а все садилась, и жаловалась то на холодъ, то на жаръ. Часы ученія не лучше проходили: безъ слезъ и сопрошивленія Эгланшина ни за что не принималась. Время отдохновенія было также непріятно; всегда надобно было собирать игрушки въ разныхъ мѣстахъ, и всегда насказывали ей за то много непріятностей.

Доралиса имѣла всѣ дарованія хорошей воспитательницы, но не имѣла еще опытности. Она еще никого не воспитывала, кромѣ своей дочери; во всѣхъ вещахъ надобно научаться ошибками, и въ семъ случаѣ сдѣлала она весьма великую. Она не предвидѣла всѣхъ шѣхъ ху-

худыхъ слѣдствій, кошорыя могли выпсти изъ господствующаго порока ея дочери, такого порока, кошорой вѣ самомъ дѣлѣ шрудно исправить. Она надѣялась, что лѣша и разсудокъ непримѣнно выведутъ Эгланшину изъ ея разслабленія; и шакъ довольствовалась тѣмъ, что, вмѣсто наказанія, по временамъ ея бранила, и ошибку свою почувствовала она уже тогда, когда поправитъ ее было поздно. — „Вы думаете, что Эгланшина бы исправилась, ештли бы сшали ее наказывашъ?“, — Такихъ насильственныхъ средствъ не нужно употреблять для исправленія чувствительныхъ дѣшей, кошорыя все принимаютъ живо: бездѣлка прогаешъ ихъ, и одного слова довольно для ихъ наказанія. Но холодные характеры приходятъ вѣ движеніе не скоро: по временамъ надобно имъ давать толчки, чшобы вывести ихъ изъ дремоты. — „Какъ же бы вы, машушка, наказали Эгланшину?“, — Самымъ шрогимъ для нее и простымъ наказаніемъ. Ештли бы вѣ прогулкѣ не захошѣла она бѣгать, а шаралась все садиться, шакъ бы я заставила ее прогуливашься часомъ долѣе; ештли бы она лѣниво училась, шакъ бы я заставила ее учицься вдвое долѣе. Такимъ бы обра-

зомъ Эгланшина, чшобы избавитсья отъ труда, спала принуждать себя, и показывала бы по крайней мѣрѣ наружную дѣяшельность, которая кончится всегда истинною; и такимъ бы образомъ мало по малу перемѣнила она характеръ свой. Но мать ея шякого средства совсѣмъ не употребляла, и въ послѣдствіи весьма въ томъ раскаявалась.

Видя, что Эгланшино небреженіе со дня на день увеличивается, вздумала Доралиса вести ежедневную роспись всѣмъ шѣмъ вещамъ, копорыя она теряла, съ означеніемъ ихъ цѣны. Въ роспись вносила она изодранныя, или расперянные книги, изломанные игрушки, замаранные новыя плашья, копорыхъ уже въ другой разъ и надѣшь было не лзя; разбросанные по всѣмъ комнашамъ куски хлѣба, исковерканные коробочки, бумагу, перья и карандаши, копорыя она извела на пущое. Всѣ такія худо употребленные вещи, присоединенныя къ пошеряннымъ, при концѣ мѣсяца составляли девяносто девять ливровъ, то есть около дващцати пяти рублевъ. — „Боже мой! закричала Катерина: это почти невѣроятно. Я, слава Богу! въ цѣлой годъ пошеряла только

на

на десять рублей.», — Правда, отвѣчала Гж. Добролюбова: однакожь на щепѣ клали только пошерянное шобою, а не испорченнос. А какѣ я не богата, по и не носишь ты ни Голландскихѣ плашковѣ, ни шипыхѣ накладокѣ; по чему и не лзя шебѣ было пошеряшь ничего дорогаго. У шебя только однѣ соломенные и деревянные коробочки, а богатыхѣ никакихѣ нѣтъ; да и всѣ твои игрушки не стояшь болѣе двухѣ рублей. — „Это гораздо лучше, мапущка, отвѣчала Капшерина: я думаю такѣ, какѣ Генріешпа, Докпорская дочь; я чувствую, что богатыхѣ плашья меня бы только опягощали. Дорогой передникѣ съ накладкою заспавилѣ бы меня плакать; пошому что и я, такѣ какѣ Дельфина, хочу рвать розы безѣ страха изорвать его.», — Такое хопѣніе очень естественно. Однакожь помни, что Генріешпа, не любившая ничего богатого, была шебя гораздо разсудительнѣе; пошому что она никогда и ничего не шеряла. Помни и по, что ты, потерявши свой коспаной наперстокѣ и Англійскія свои ножницы, по соразмѣрности имущества сдѣлаешь мнѣ такой же убышокѣ, какой бы сдѣлала Эглантина своей мапери, потерявши золошой напер-

спокѣ и ножницы съ богатою насѣчкою. ---
„Да для чего Доралиса воспивывала дочь
свою такъ пышно? Накупая ей мно-
жесство дорогихъ бездѣлокъ, она не на
доброе употребляла богатство свое. —
Доралиса владѣла большимъ имуществомъ;
издерживая для себя очень немногое, могла
она опѣ избытка своего удѣлять нѣчто
и на удовольствіе своей дочери. — „Да
развѣ шѣмъ не вселяла она въ нее любви
къ бездѣлкамъ? — Тогда бы она при-
вязывала ее къ бездѣлкамъ, когда бы ими
сама занималась, а не ей отдавала. Для
чего у васъ, мапушка, спрашивала Эглан-
тина у Доралисы, часы просто золотыя
и на шелковой цѣпочкѣ? Для того, оп-
вѣчала она ей, что простыя часы но-
силь гораздо удобнѣе и пріятнѣе, нежели
дорогія. „Для чего же вы пожаловали
мнѣ часы съ эмалью, съ брилліансами и
съ богатою цѣпочкою? — Для того, что
въ швей лѣта любящъ бездѣлки и не умѣ-
ютъ основательно разсуждать; привязы-
ваются ко всему блестящему: къ жемчугу,
брилліантамъ, кулкамъ и другимъ игру-
шкамъ. Давая тебѣ всѣ такія малости,
почишаю я тебя ребенкомъ. — Доралиса
говорила самую правду. Да и въ самомъ
дѣлѣ, человекъ въ совершенныхъ лѣтахъ,

находящій еще удовольствіе въ такихъ малоспяхъ, имѣетъ такой же разумъ, какъ шестилѣтнее дитя. — Возвратимся къ нашей исторіи.

По прошествіи года показала Доралиса дочери своей щетъ всему пому, что она потеряла, или сдѣлала негоднымъ для употребленія; по цѣнѣ выходило эпова болѣе, нежели на тысячу двѣсти ливровъ. Эгланшина, кошорой погда минуло полько семь лѣтъ, была нѣмъ очень не сильно пронупа. Мать ея, надѣясь, что она приметъ по сѣ большею чувствительностію, когда узнаетъ цѣну денегъ, сѣ такою же почностію продолжала дневную записку. Эгланшинина надзирапельница всякой вечеръ подавала ей еще на листочкѣ обспояпельную роспись потеряннмъ, изломаннмъ, изодраннмъ, или измараннмъ ею при ней вещамъ. Всѣ пакіе листочки клала Доралиса въ ящикъ, не привязывая ихъ къ шой книгѣ, въ кошорой она ежедневно сама вела записку. Скоро надавала надзирапельница снолько листочковъ, что надобно было употребить очень много времени на вычисленіе всей суммы. Доралиса рѣшилась уже сдѣлать полной щетъ погда, когда Эгланшина придетъ въ шѣ лѣта, въ кошорыя

рыя разсудокъ начинаешъ сильнѣе дѣйствовать.

Между тѣмъ Доралисина записная книга доказывала, что Эгланшининъ порокъ не только не уменьшался, но еще и увеличивался. Эгланшина часто ходила прогуливаться въ Булонской лѣсѣ, гдѣ въ чепыре мѣсяца поперяла она разныхъ вещей на пятьдесятъ, или шестьдесятъ луйдоровъ: по перяла кольца, по бублички съ духами, по медаліоны, не щипая уже плашковъ и перчашокъ, которыя оставляла на шравѣ. Сверхъ того всякой день обыкновенно ломала она опахало, колесо и стекло въ часахъ своихъ, и поршила репещицію, такъ что безпрестанно надобно было къ часовщику опсылать по запискамъ деньги. Во время зимы издержки были еще гораздо болѣе. Эгланшина, подобно всѣмъ лѣнливымъ людямъ, была чрезвычайно знобка. Безпрестанно сидѣла она передъ каминомъ, — роняла въ него все, что только у нее въ рукахъ было, и жгла на себѣ платье, такъ что всякой почти мѣсяцъ надобно ей было шить нѣсколько паръ новаго. Сверхъ того у нее всегда болѣла голова, когда приходили учители, такъ что ей и учиться было нельзя. Учителю давали билетъ, опсылая

его

его назадъ. ----- „Какъ, мамушка! сказалъ Петръ: такъ у насъ въ самомъ дѣлѣ голова болѣла?„ ----- Нѣтъ, она нарочно больною припворялась, чѣобы ничего не дѣлать. ----- „О! эшо уже очень дурно: вишь она лгала?„ ----- Въспъ до чего доводитъ лѣность, хопя эшошъ пороки и кажешся сначала неважнымъ. Такимъ образомъ всякой пороки, коль скоро дашь ему надъ собою власшь, будешъ имѣшь самыя несчастныя слѣдствія. Эгланпина была ошъ природы искренна, однакожь лѣнь въ ней еще сильнѣе дѣйствоваа. Для избѣжанія малѣйшаго принужденія, прибѣгала она ко лжи, хопя и съ угрызеніемъ совѣспи; однакожь лѣность всегда почти брала верхъ. Наконецъ спала она выходить изъ дѣлспва; ибо ей исполнилось уже десяти лѣтъ. Мать наняла для насъ новыхъ учиселей.

Эгланпина, наскучивши клавесиномъ и ни мало не научившись играть на немъ, призналась, чѣо имѣешъ непреодолимое отвращеніе ошъ сего инструмента, и сказала, чѣо она хочешъ лучше учиться играть на люпнѣ. Доралиса позволила ей оставить клавесинъ, хопя она уже пять лѣтъ училась на немъ играть, и наняла ей учиселя на люпнѣ. И такъ
пре-

пропали всѣ деньги, заплаченныя учителю за приходъ, за ноты, за клавесинъ, за піано-форто, и за наспройку обоихъ инструментовъ, такъ что издержку сію, проспировавшуюся до осьми тысячъ ливровъ (*), внесла Доралиса въ записную свою книгу. Эглантина играла на люпнѣ только одинъ годъ; учитель ее оставилъ, не примѣшивши въ ней никакого прилѣжанія. По помѣ училась она играть на цитрѣ съ такимъ же малымъ успѣхомъ. Наконецъ и цитра была также оставлена, какъ клавесинъ и люпня, и арфа заступила мѣсто сихъ прехъ инструментовъ.

Сверхъ

(*) Въ пять лѣтъ сумма такая очень вѣроятна. Хорошему клавесинному учителю надобно въ Парижѣ плащить ежемѣсячно за три урока въ недѣлю по три луйдора; но надобно плащить гораздо дороже, еслии будетъ онъ учить всякой день. Хорошій клавесинъ стоить пятьдесятъ луйдоровъ, а піано-форто пятнадцать, или дватцать. Наспройка обоихъ инструментовъ будетъ стоить въ мѣсяцъ пятнадцать ливровъ. Музыкальныя же ноты сѣмѣнно дороги.

Сверхъ того было у Эгланпины много другихъ учителей. Она училась рисованію, Географіи, по Англійски и по Испански. У нее былъ танцмейстеръ и пѣвецъ, музыкантъ, кошорой на скрипкѣ долженъ былъ аккомпанировать, и учитель письма: въ мѣсяцъ споили они двадцать луйдоровъ. Лѣнивая Эгланпина ничему не научилась, а издержкамъ конца не было. Въ три или чепыре мѣсяца всѣя ношы, книги и ландкарты были издаваемы въ кусочки, и надобно было покупать новыя. Не имѣя никакого попеченія о своей арфѣ, часто оставляла ее въ сырости прошивъ открышаго окна, такъ что всякой день надобно ее было снова наспроивать. Спрунъ, карандашей и бумаги исходило вчепверо болѣе того, что бы можно было издержать при бережливости.

Почитая опъ чрезвычайной лѣности всякой родъ принужденія несноснымъ, была она и великимъ врагомъ чистоты. Въ два мѣсяца надобно было въ горницѣ ея два раза перемѣнить всѣ креслы, спулья и столы: она снимала со спульевъ подушки и марала ихъ пудрою и помадою. Иглы всегда она по полу разсыпала; платье же на ней бывало вымарано краснымъ каран-

карандашемъ, углемъ и чернилами. Такая неопрятность обезобразивала природную ея красоту. Она чрезмѣрно долго сидѣла за уборнымъ своимъ столикомъ, потому что все дѣлала съ чрезвычайною медленностію, но при всемъ томъ очень дурно одѣвалась; она смотрѣла, не видя, и все дѣлала безъ мыслей; коротко сказать, она ни въ чемъ не имѣла вкуса. Пріятности въ ней совсѣмъ не было. Не надевавши никогда перчатокъ, сидѣла она руки свои смуглыми и грубыми; ноги были у неѣ толсты; а походка ея казалась очень непріятною, для того что она носила всегда шупли.

Такова была Эгланшина на тринадцатомъ году. Доралиса купила ей хорошую библіотеку, надеясь, что она полюбитъ чтеніе. Эгланшина, повинувся матери своей, читала за уборнымъ столикомъ и послѣ обѣда, но естъ, она держала въ рукахъ книгу, но читала безъ всякаго вниманія, такъ что не получала отъ того никакой пользы. И на шестнадцатомъ году была она въ великомъ невѣжествѣ, которое было шѣмъ непростибельнѣе, что для воспитанія ея ничего не щадили. Она не знала ни Исторіи, ни Географіи, ниже правописанія, и не умѣла

умѣла сама написать письма. Хотя училась она десять лѣтъ ариѳметикѣ, однако же всякой осьмилѣтній ребенокъ зналъ щепѣ лучше ее.

Около сего времени познакомился съ Доралисою Виконтѣ д' Арзель, молодой человекѣ, дваццати прехъ лѣтъ, почищаемой по своему разуму, доброму сердцу и поведенію болѣе, нежели по знапному своему рожденію, великому имуществу и личнымъ преимуществамъ. По видимому, весьма онъ старался угодить Доралисѣ и пріобрѣсти ея дружбу. Онъ чувствовалъ всю цѣну ея простоты, крохоты и разсудительности; не менѣе любилъ онъ и разговоры ея, основательные и пріятные. Онъ часто видѣлся съ нею у одной изъ ея родственницъ, да и у нее въ домѣ былъ нѣсколько разъ: однакожь Эгланшины не видалъ еще никогда. Однажды пригласила его Доралиса къ себѣ ужинашь. Въ девять часовъ явилась Эгланшина въ столовой комнатѣ. Въ тотъ день одѣвала ее сама Доралиса. На головѣ у нее не было никакого пышнаго убора, однакожь волосы по плечамъ не висѣли, уши не были покрыты пудрою и помадою, а руки тогда она вымыла. Виконтъ разсматривалъ ее съ великимъ вниманіемъ: сперва показалась

она ему прекрасною; черезъ минуту примѣнилъ онъ, что въ ней не было никакой пріятности, а черезъ четверть часа совсѣмъ переспалъ на нее смотря, и забылъ, что она была въ горницѣ.

Между тѣмъ часто посѣщалъ онъ Доралису. Однажды, нашедши ее одну, говорилъ онъ съ нею такъ искренно, что Доралиса вздумала спросить его, намѣренъ ли онъ когда нибудь жениться. Намѣренъ, сударыня, отвѣчалъ онъ; но хотя родители мои и отдають мнѣ выборъ на волю, однакожь чувствую, что онъ будетъ для меня затруднителенъ. Богатство и знатность меня не прельщаютъ, а слѣпая спрасъ не скоро доведетъ меня до дурачества. Я хочу жениться не для денегъ, не для чиновъ, но для счастья своего; и такъ мнѣ надобно найти такую особу, которая бы была совершенно хорошо воспитана, имѣла доброе сердце, хорошій разумъ и пріятности. Надобно также имѣть ей и достойныхъ родителей, чтобы я могъ ихъ любить и почитать; а мать ея, на примѣръ, должна обладать всѣми тѣми свойствами, которыя васъ украшаютъ: потому что ей надобно быть наставницею моей жены. ----- Приходъ одного гостя помѣшалъ имъ продолжать раз-

разговоръ свой. Черезъ нѣсколько дней услышала Доралиса, что Виконшъ черезъ людей своихъ навѣдывался у нее въ домъ о Эгланшинѣ, и что сверхъ того говорилъ со многими ея учителями, которые все рассказали ему, такъ что онъ вѣрно узналъ, сколь мало воспользовалась Эгланшина драгоцѣннымъ и спарашельнымъ воспитаніемъ. Съ того времени показывался Виконшъ въ домъ у Доралисы гораздо рѣже, а скоро и совсѣмъ пересталъ посѣщать ее. Доралиса, увѣренная, чпобы онъ спалъ свататься за Эгланшину, еспли бы нашелъ ее любви достойною, очень сожалѣла, что дочь ея лишилась такого выгоднаго замужства, болѣе по тому, что и по однимъ личнымъ достоинствамъ предпочла бы она Виконша всѣмъ.

Она еще перпѣла чуспвипельнѣйшія горести. Эгланшина, сдѣлавшись еще лѣнивѣе прежняго, всякой день причиняла ей новую печаль. На семнадцатомъ году училась она еще всему, чему обыкновенно переспашютъ учиться на четырнадцатомъ; она не любила никакихъ упражненій. Но имѣя доброе сердце и любя мать свою, спаралась она иногда побѣдить природную свою лѣдность. Тогда надобно было

удивляясь разуму и способностямъ ея; чувствительное Доралисино сердце исполнялось надежды и радости, однакожь всегда не надолго. Черезъ пять или шесть дней, Эгланпина впадала опять въ прежнюю свою бездѣйственность. Она чувствовала нѣсколько свой порокъ, но сіе чувство, вмѣсто исправления, приводило ее только въ уныніе. Сверхъ того, не привыкнувши разсуждать, никогда не могла она оцупить всей своей неблагодарности, плачивши пакъ худо за попеченія нѣжнѣйшей матери. Она пакъ единственно размышляла: „Правда, что я заспаваю мамушку дѣлать много напрасныхъ издержекъ, однакожь онѣ очень неважны въ сравненіи съ тѣмъ большимъ имуществомъ, которымъ владеетъ бабюшка. Я молода, богата, да мнѣ же говорятъ, что я и хороша: и пакъ мнѣ не нужно многому научаться. — Все одно, естли бы она и пакъ думала: *Я могу быть и неблагодарною противъ матери, могу и не думать о ея благополучіи, могу также не стараться и быть любви достойною.* Вотъ какъ можно заблуждаться, не привыкнувши разсуждать справедливо!

Эгланпина, не справшаяся нравиться окружавшимъ ее, никѣмъ въ домъ не была уважаема; слуги и пріятели Доралисины

почитали ее ребенкомъ. Въ обхожденіи была она сполько непріятна и спранна, и пакъ часпо говорила вздоръ, что была всѣмъ въ пягоспъ. Всякое принужденіе казалось ей несноснымъ, и все почпи было для нее принужденіемъ. Всѣ мірскія обыкновенія казались ей пиранспвомъ; по, что называющъ учпivosпю, было для нее очень пягоспно: по чему самое большее удовольспвіе находила она въ обращеніи съ людьми низкаго соспоянія, съ людьми худо воспитанными. Въспо того, чпобы пребовашъ совѣшовъ, копорые были ей очень нужны, она ихъ боялась, чувспвуя, что не имѣешъ силы имъ слѣдовашъ. Когда Доралиса предспавляла ей худья слѣдспвія нравспвеннаго ея расположенія, Эгланшина слушала ее болѣе съ досадою, нежели съ раскаяніемъ. Слѣдспвіемъ пакихъ предспавленій со спороны Эгланшининой было всегда огорченіе и неудовольспвіе, копорыхъ она ни скрышъ, ни преодолѣшъ не могла; пошому чпо она привыкла всякія впечашлѣнія принимашъ безъ сопровивленія, и, не могши никакъ управляшъ собою, хопѣла она лучше увеличипъ пороки свои, нежели взяшъ на себя шрудъ поискашъ средспвъ къ исправленію своему.

Умножая такимъ образомъ недоспашки свои, не исправилась Эгланпина ни отъ одного изъ пороковъ своего дѣтства. Два года получала она для собственныхъ издержекъ столько денегъ, какъ бы уже была за мужемъ; но не смотря на то, одѣвалась всегда очень дурно и входила въ долги. Наконецъ минуло ей семнаццаць лѣтъ, и пришло для нее то щасливое время, въ которое надлежало опустить всѣхъ ея учителей. Въ сей день пришла Доралиса рано поутру къ ней въ комнату. Она держала въ рукѣ книгу, положила ее на столъ и сѣла подлѣ своей дочери. Теперь, сказала она, вступаешь ты на осьмнаццацатой годъ. Въ это время обыкновенно оканчивается воспитаніе женскаго пола. Я все то для тебя дѣлала, что только человѣку возможно. Я принесла къ тебѣ доказательство эпова. Вотъ та записная книга, о которой я часто тебѣ говорила. Въ ней найдешь подробную роспись всему, что ты съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ потеряла, и что для тебя безъ всякой пользы издержано было; нушъ же приложила я и старыя записки твоей надзирашельницы и приборщицы. Все вмѣстѣ составляетъ сто при тысячи ливровъ. — Ахъ, мапушка! можно ли бытъ этому!

закричала Эгланшина., — Повѣрь еще, что я не клала на щепѣ нужныхъ для себя издержекъ и плашы шѣмъ учителямъ, опѣ которыхъ ты чему нибудь научилась. На прим. ты изрядно пишешь и довольно хорошо разбираешь ношы: деньги, заплаченныя эшимъ двоимъ учителямъ, не внесла я вѣ записную книгу, хотя бы при большемъ прилѣжаніи ихъ опѣ тебя и гораздо ранѣ оппустишь было можно. Напротивъ того, должно мнѣ было внести вѣ число бесполезныхъ издержекъ шѣ деньги, которыя заплачены учителямъ разныхъ инструментовъ, рисованіа, Географіи, Исторіи, Геральдики, Ариѣметики, и проч. плашу шой женщицѣ, которая два года учила тебя шить, и издержки на шелкѣ, шениль, вишее золото, апласѣ, бархатѣ и проч. что все испратила ты на пустое, не вышивши ничего. —

„Да спо при тысячи ливровъ . . . Эпова я не могу понять., — Изумленіе швое пройдешѣ, ешьли ты вспомнишь слова мои, часто шобѣ повпоряемыя; что ешь, что самыя неважныя издержки, ешьли будущѣ умножены, могушѣ довести наконецъ до разоренія. Тебѣ можно изъяснить это примѣромъ. У шобя двои часы: съ осьмага года до нѣнѣшняго дня

всякой мѣсяцѣ ты опсылала ихъ къ часовщику, или къ ювелиру, чшобы вспавить стекла, сдѣлашь новыя колесы, поправишь репешицю, вспавить камни и проч. Всякой мѣсяцѣ споила починка часовъ семь или восемь франковъ; иногда же надобно было плашшь по три и по чешыре луйдора, такъ что въ десятъ лѣтъ заплачено за эшо сто восемь луйдоровъ. Надобно жалѣшь о шѣхъ деньгахъ, копорыя такимъ образомъ на пустое издержаны, подумавши, какъ бы хорошо ихъ употребить было можно. Сто три тысячи ливровъ, копорыя ты въ печь бросила, могли бы пропитать болѣе дваццати несчастныхъ семействъ.

Послѣднiя Доралисины слова заставили Эгланшину пролить слезы. Она схватила руку у своей матери, и, цѣлуя ее, воскликнула: Ахъ, какъ я виновата! Однакожь, мамушка, я все еще сколько нибудь помню, чему меня учили, хопя у меня и нѣтъ дарованiй. ---- У тебя есть дарованiя, отвѣчала Доралиса, и еспьли бы ты захошѣла, такъ бы могла еще воропить часъ поперянныхъ денегъ; однакожь для эшова тебѣ надобно употребить такую же великую прилѣжность, какую лѣность пока-

показывала ты во всемъ до шеперешняго времени. --- Тупъ Эгланшина вздохнула, и задумалась. --- Знаю, продолжала Доралиса, что богатство свое и похвалы, которыми осыпающъ красоту свою, вселили въ тебя предразсужденіе, что достоинства и пріятности тебѣ менѣе другихъ нужны; однакожь обладая самыми ненадежными преимуществами, менѣе всѣхъ прочихъ почтенія достойными, должно ли презирать шѣ, которыми только однѣ могутъ сдѣлать насъ любезными? Красота ли намъ любовь пріобрѣщаетъ? Если не соединится съ нею пріятность, такъ едва ли она кому понравится. Богатство ли дѣлаетъ насъ щастливыми? Но не считаешь ли ты, и не такъ ли ты довольна всѣми, какъ и собою? Сверхъ того знаешь ли ты состояніе имущества отца своего? Ну, если оно пришло въ упадокъ? --- Тупъ снова возбудилось Эгланшинино вниманіе. Она съ ужасомъ смотрѣла на мать свою. Доралиса переспала говорить, подняла глаза на небо, и послѣ минушнаго мрачнаго молчанія, которое Эгланшина перервала не смѣла, начала она опять говорить, перемѣнивши только содержаніе разговора; черезъ четверть часа послѣ того встала и вышла вонъ,

Б 5

вонѣ, оставивши дочь свою въ великомѣ
смятеніи и безпокойствѣ.

Заботы Эгланпинины были не безосно-
вательны. Мондорѣ, отецъ ея, которой
былѣ сполько же ненасытимѣ, сколько мать
ея умѣренна, не удовольствовался 200000
лировѣ ежегоднаго дохода: вошедши въ
безразсудныя предпріятія, скорыми ша-
гами спѣшилѣ онѣ къ своему разоренію.
Доралисѣ не извѣстно было все несчастіе
дома ихѣ, однакожь она подозрѣвала, что
ихѣ состояніе не очень хорошо; почему
и говорила она съ дочерью своею такимѣ
языкомѣ. Мондорѣ, зная лучше об-
стоятельствъ свои, старался сокрыть ху-
дое положеніе своихѣ дѣлѣ, надѣясь на
кредитѣ свой; но скоро многіе сопова-
рищи его сдѣлались банкротами, и все
вышло наружу. Мондорѣ не имѣлѣ му-
жества снести своего злополучія: онѣ за-
немогѣ опасною болѣзнію, и попеченія су-
пруги и дочери не могли спасти его отѣ
смерти. Онѣ умерѣ, проклиная свое ко-
рысполубіе, такѣ какѣ причину своего
разоренія и смерти своей. Доралиса
всячески старалась удовольствоваться его
заимодавствѣ. Имѣнія Мондорова недо-
спало. У Доралисы была земля, прино-
сшая ежегодно пятнадцать тысячѣ лив-
ровѣ

ровъ дохода, на которую заимодавцы не могли объявить никакихъ требованій; но чтобы заплашить всѣ долги своего мужа, уступила она имъ на шесть лѣтъ доходы съ своей земли, которая составляла уже все ея богатство. Эгланшина, слѣдуя примѣру матери, пожертвовала всѣми своими драгоценностями, которыя она ошѣ нес получила.

Послѣ сего распоряженія не осталось у Доралисы на шесть лѣтъ ничего, кромѣ брилліаншовъ и серебра; она продала все и взяла двадцать тысячъ франковъ. Намъ должно, сказала Доралиса дочери своей, удалиться въ такую землю, въ которой бы могли мы прожить шесть лѣтъ оставшимися деньгами. Я намѣрена ѣхать въ Швейцарію, и жить тамъ до того времени, въ которое мы опять вступимъ во владѣніе уступленной нами земли. --- Ахъ, мапушка! воскликнула въ скорби Эгланшина: и такъ двадцать тысячъ франковъ составляютъ уже все наше имѣніе! . . . Какъ я мучусь, вспомя, чего вамъ стоила! --- Забудь это, перервала Доралиса, обнимая ее. Если бы я несчастіе наше предвидѣла, такъ бы ты никогда не видала росписи издержкамъ, которая теперь умножаетъ твою печаль; я всѣ записки сожгла,

И

и содержаніе ихъ испребила навсегда изъ памяти своей. — Тутъ упала Эгланшина къ ногамъ мапери своей. Я чувствую такое раскаяніе, сказала она ей, что никогда не могу забыть тѣхъ пороковъ, которые вы мнѣ великодушно прощаете. Одно желаніе, одна надежда исправить ихъ и васъ утѣшить, привязываютъ меня къ жзни. Я увѣрена, мапушка, что несчастіе ваше можетъ облегчить достойная васъ дочь. И такъ я постараюсь исправиться и приобрести тѣ добродѣтели, которыхъ теперь не имѣю. Вамъ надобенъ другъ: я буду имъ — а чтобы удостоиться такого драгоцѣннаго имени, такъ я все изъ себя сдѣлаю.

Доралиса съ восхищеніемъ смотрѣла на Эгланшину, которая, обнимая съ горячностію ея колѣни, обливалася слезами. Поднявши дочь свою, схватила она ее въ свои объятія и прижимала къ своему сердцу. Въ теперешнюю минушу, сказала она, наполнила ты сердце мое величайшею радостію, какую только сердце мапернее ощущать можетъ. Перестань вздыхать о судьбѣ моей. — При сихъ словахъ не могла уже Доралиса отъ слезъ удержаться; но такихъ сладкихъ слезъ она еще никогда не проливала. Въ самой

же

же попѣ вечерѣ спала Эгланшина жаловаться на головную боль, а на другой день пришла къ ней лихорадка. Доралиса послала поспчасѣ за Докпоромѣ, копорой, осмопрѣвши больную, сказалѣ, что вѣ ней показывались всѣ признаки оспы. Онѣ не обманулся. Оспа начала высыпать, самая сильная, и Докпорѣ признался, что она будепѣ сливчивая и самая худая. Доралиса, исполненная опчаянїя, не опходила опѣ Эгланшининой поспели, и цѣлые чепыре дни провела вѣ шакомѣ ужасномѣ безпокойспвѣ. Эгланшина, вѣ совершенномѣ безпамятспвѣ не могла видѣть попеченїй своей мапери; бывши вѣ ея обѣяспїяхѣ, звала ее къ себѣ и сѣ горестїю восклицала: *Матушка меня оставляетѣ! — Я достойна этого! — Я не хотѣла сѣвлатѣ ее благополучною! — Я умираю безѣ ея благословенїя! — Боже мой! прости меня. —*

Сїи слова, перерываемыя вздохами и рыданїемѣ, терзали сердце Доралисино. Напрасно опвѣчала она дочери своей, напрасно омывала ее своими слезами: Эгланшина не понимала ее и безпрестанно возобновляла свои жалобы. Между шѣмѣ оспа усиливалась, осыпала у Эгланшины все лице и покрывала глаза ее полспвою

корою, такъ что она совсѣмъ слѣпая стала. Сей случай, весьма обыкновенной при такихъ болѣзняхъ, не наводилъ сперва никакого безпокойства, но въ послѣдствіи привелъ Доктора въ страхъ, чтобы она и навсегда зрѣнія не лишилась; онъ не могъ сокрыть сего отъ Доралисы. Боже мой! воскликнула несчастная мать: дочь моя ослѣпнетъ? — Это несчастіе, сказалъ Докторъ, можно еще предупредить; я предложу вамъ средство, которое въ подобномъ случаѣ мнѣ удалось. Надобно привести въ печеніе жидкость, покрывающую глаза. Денги могутъ все сдѣлать, а особливо въ Парижѣ. Можетъ быть не трудно будетъ найти какого нибудь бѣднаго человѣка, которой бы взялся оказать дочери вашей самую горькую услугу; надобно только, чтобы онъ былъ совершенно здоровъ (*). Какую услугу?

(*) Если бы сіе было выдуманно, такъ бы ничего не значило. Непроспительно, если въ выдумкѣ введешь такія обсиплятельства, которыя возмущаютъ воображеніе и чувства; но сіи подробности украшаютъ исторію, въ истинѣ которой нѣтъ никакого сомнѣнія. Авторъ

услугу? спросила съ жаромъ Доралиса: что вы говорите? Надобно, опвѣчалъ Докпоръ, чтобы кто нибудь согласился потихоньку высосать ядъ, покрывающій глаза вашей дочери. Боже, Боже мой! воскликнула она, поднявши вверху руки: благодарю Тебя, что Ты даровалъ мнѣ чистую кровь и совершенное здорье! теперь чувствую всю цѣну сего благодѣянія. Пойдемте, государь мой, продолжала она: не надлежитъ перячь времени; пойдемте къ дочери. — Какъ, сударыня! вы, вы хопите на себя взять такую ужасную операцію? спросилъ Докпоръ: вы бы, могли за деньги . . . „Кто? я? мнѣ упошребить во зло бѣдность несчастнаго и заспавить его мучиться тѣмъ, что для меня самой очень легко? вмѣстѣ спого, чтобы показать матернюю любовь, сдѣлать такое безчеловѣчное и подлое дѣло? и могли оказать дочери важную услугу,

знаетъ лично ту почтенную мать, которая принесла сію жертву дочери своей. Одинъ уже такой поступокъ оправдываетъ довѣренность, которую показала къ сей особѣ одна великая Принцесса, поручивши ей воспитаніе дѣтей своихъ.

услугу, откажешься отъ такой священной должности?», — Да будетъ ли въ васъ, сударыня, сколько твердости? — „Я мать, дочь моя въ опасности, а вы сомнѣваетесь въ моей твердости?», — Вы здоровьемъ жертвуете. — „Пойдемте поскорѣе, пойдете», — Не слушая ничего, что говорилъ Докпоръ, пошла она Доралиса съ собою въ комнату къ своей дочери. —

Тутъ Гжа. Правосудова посмотрѣла на часы и сказала, что время уже перервать повѣсть. Дочь ее встала и послала дѣшею ложиться спать, сколько имъ того ни не хотѣлось. — На другой день Гжа. Добролюбова продолжала рассказывать исторію Эгланшины.

Эгланшина была въ совершенной памяти, когда къ ней вошла мать ее. Доралиса старалась ее уговорить на предложенное Докпоромъ средство, не сказывая ей, что она сама беретъ на себя операцию. Я сыскала такую женщину, говорила она, которая охотно хочетъ оказать тебѣ эту услугу; а я съ своей стороны такъ ее награжу, что ты не будешь имѣть причины сожалѣть о ней. Можно ли, сказала Эгланшина, не жалѣть
миѣ

мнѣ о помѣчкѣ, котораго бѣд-
ность заставляетъ рѣшиться на такое
оправдательное дѣло! Не уже ли какимъ
инымъ средствомъ не лзя мнѣ возвра-
тить зрѣнія? . . . Одна мысль, что эта
несчастная женщина спрдасть будетъ,
возмущаетъ сердце мое . . . Позволяетъ
ли человеколюбіе прибѣгать къ такой
помощи? — Подумай же и о своей ма-
тери, отвѣчала Доралиса: подумай о
помѣчкѣ, которое раздра-
етъ ея душу. Сверхъ того, на этой
женщинѣ была уже оспа; и такъ къ ней
пристать она не можетъ. А какъ она,
въ чемъ повѣрь мнѣ, думаетъ только о
своемъ выздоровленіи и своемъ награ-
жденіи, то операція и не будетъ для нее
мучительна. Коротко сказаъ, я пре-
бую эпова отъ себя. — Вамъ повинно-
ваться почиаю я за первую свою дол-
жность, сказала Эглантина: вы приказыва-
ете, и такъ мнѣ не позволено уже
пропивиться.

Тогда призвали въ комнату женщину,
которая твердымъ голосомъ увѣряла
больную въ своемъ усердіи и въ рѣши-
мости своей. И такъ начинае опера-
цію, сказала Доралиса: я васъ оставлю
и возвращусь по окончаніи ее.

Она сдѣлала такое движеніе, какъ бы шла вонъ изъ горницы; а послѣ того подошла пошхоньку къ Эгланшининой постелѣ, и спала намѣсто приведенной женщины, поставивши ее за себя, чтобы Эгланшина могла опять слышать неизвѣстной голосъ, когда надобно будетъ говорить.

Эгланшина, думая, что мать ее ушла, просила Доктора на нѣсколько минутъ оплохитъ операцію. По томъ, думая, что подлѣ нее спойтъ незнакомая женщина, схватила ее руку и сказала: не обвиняй меня, несчастная, въ той ужасной чрезвычайности, до которой доводишь тебя судьба твоя . . . Боже мой! рука твоя трепещетъ! . . ты жмешь мою! . . Не о милосердіи ли ты просишь меня? Не превышаетъ ли предпріятіе силы твоей? . . Ахъ! я этому вѣрю . . . Боже мой! она обнимаетъ меня! . . она рыдаетъ. --- Рѣчи ваши, перервалъ Докторъ, и ваше человѣколюбіе прогаютъ ее; ревность ее сдѣлаетъ вамъ услугу превращаете вы въ нѣжнѣйшее стремленіе. Тутъ незнакомая спала говорить, и увѣряла, что рѣшеніе ее непремѣнно, и что она терпитъ гораздо менѣе, нежели Эгланшина воображаетъ. --- Послѣ того приказалъ Докторъ всѣмъ бывшимъ въ

комнатѣ молчать, и началась операція, продолжавшаяся около шести минутъ. Докторъ отослалъ женщину, велѣвши ей прилечь опять ввечеру; Эгланшина благодарила ее самымъ чувствительнымъ образомъ, и увѣряла ее въ вѣчной своей признательности.

Сей способъ, будучи нѣсколько разъ повторяемъ, произвелъ видимую пользу. На третій день сказалъ Докторъ, что болѣе одного раза не надобно уже употреблять сего средства, столько чувствительнаго для Эгланшины. Въ продолженіи послѣдней операціи Эгланшина вдругъ воскликнула: я вижу свѣтъ! Она подняла голову, чтобы увидѣть ту, копорая возвратила ей зрѣніе. Но въ какое пришла она изумленіе, въ какой ужасъ, когда вмѣсто незнакомой женщины увидѣла любезнѣйшую свою мать! — Боже мой! закричала она: это вы, вы, мапушка! — Рыданіе не дало ей говорить. Она бросилась въ объятія къ Доралисѣ, и только однимъ слезами могла изъяснить восхищеніе своей благодарности. Докторъ подтвердилъ ей, что она возвращеніемъ зрѣнія своего обязана одной родительницѣ. Ахъ, мапушка! воскликнула Эгланшина: какъ мнѣ теперь жизнь драгоценна! Какъ бы при-

скорбно мнѣ было лишиться ее, не доказавши вамъ безпредѣльной моей любви и благодарности! Для вашего благополучія только я жить хочу, и только вы можете меня сдѣлать щасливою. — Эгланшина говорила съ такою чувствительностію и горячностію, что Докторъ боялся худыхъ слѣдствій столь чрезвычайнаго движенія, и усиленно просилъ ее замолчать, чтобы не удвоить лихорадки своей.

Съ того дня болѣзнь никакъ уже не была опасна; только Докторъ сказалъ, что она оставитъ непріятные слѣды на лицѣ у Эгланшины. Въ самомъ дѣлѣ Эгланшина потеряла красоту свою. Хотя и не очень много осталось на ней рябинъ, и на лицѣ не было у нее ни одного рубца, однакожь ее съ трудомъ узнать было можно. Она лишилась прекрасныхъ своихъ волосъ; нѣжныя черты ея сдѣлались грубѣе, и на лицѣ ее не было уже того блестящаго цвѣта, которой происходитъ отъ ослѣпляющей бѣлизны. Зная, какія сдѣлались въ ней перемѣны, не имѣла она никакого желанія посмотретьсь въ зеркало. Однакожь, вспавши въ первый разъ съ постели, не могла она избѣжать того. Доралиса повела ее на канапе мимо зеркала. Эгланшина, бросивши глаза на зер-

зеркало, не могла удержаться, чтобы не поспомрѣть. Это ли лице за три недѣли передъ симъ осыпали похвалами? сказала она, остановясь. — Учасъ бывшая была мучительна, опвѣчала Доралиса, естъли бы ты по безумію дорого цѣнила наружную красоту, копорой одна минута лишитъ можешъ, и копорую черезъ нѣсколько лѣтъ необходимо переряпъ будешъ должно.

„Мнѣ кажется, мапушка, перервала Елисавета, что Доралиса для упѣшенія дочери своей сказала уже лишнее; попому что съ молодостию красота еще не пропадетъ. — Нѣтъ, красота не лзя бытъ безъ молодости. — „Да вишь Госпожу Миловидову, копорую всѣ называютъ красавицею, не можно уже назватъ молодою; попому что ей, какъ говорятъ, минуло уже трицать шесть лѣтъ „ — Да она уже и не красавица; видно только, что она была такова. Ей конечно всякой день твердятъ, что она никогда не была лучше, и что по виду не лзя ей сказать болѣе осьмнадцати лѣтъ, и проч. Когда она была молода, то многія женщины не хвалили ея вида; но теперь всѣ онѣ хвалятъ ее, попому что уже она не такова, какъ была пре-

жде. Молодые люди знаютъ, что однѣ
 приятности юношескихъ лѣтъ бываютъ
 предпочитаемы наисовершеннѣйшей пра-
 вильности лица тридцати-шестилѣтняго
 человѣка; а женщины, приближающіяся
 къ сороковому году, по большой части
 тридцати-шестилѣтнюю красоту пред-
 предпочитаютъ двадцатилѣтней. Вотъ для
 чего многія люди утверждаютъ, что Гж.
 Миловидова лучше Графини Красовой.
 Первая въ паденіи своемъ не возбужда-
 етъ ни въ комъ ревности, а другая въ
 цвѣтѣ своемъ возбуждаетъ подлую и смѣ-
 шную зависть во всѣхъ безразсудныхъ
 и тщеславныхъ женщинахъ, считающихъ
 красоту за величайшее преимущество.
 Что до меня касается, такъ я никогда
 не видала такой женщины, которая бы,
 переступивши за тридцать три года,
 была столько же хороша, какъ въ осмь-
 нацать лѣтъ, и которая бы прелестна
 была безъ помощи искусства, то есть
 безъ румянъ, безъ припудренія, или безъ
 свѣчь. — „Теперь вѣрю, матушка, ска-
 зала Елисавета, что Доралиса ничего
 лишняго не сказала, и что она по справе-
 дливости привязанность къ такому не-
 долговременному преимуществу называла
 безуміемъ. Сдѣлайте только милость,
 ма-

машушка, продолжайте рассказывать прекрасную вашу историю. Я уверена, что Эгланпина уже навсегда исправилась, и что она сдѣлаетъ мать свою щасливую.,,

Ты не обманываешься, отвѣчала Гж. Добролюбова. Эгланпина, наученная несчастіемъ и благодарностію, старалась награждать всѣ свои недоспалки, и спала столько же разумна, во всемъ прилежна и любви достойна, сколько прежде была несвѣдуща, лѣнива, небрежлива и легкомысленна. По совершенномъ ея выздоровленіи Доралиса немедленно отправилась съ нею въ Швейцарію. Онѣ поѣхали сперва въ Лионъ, а оттуда въ Женеву, и проѣхали чрезъ Форшъ л'Екюзъ, находящійся между Шамиллономъ и Колонжемъ, и весьма примѣчанія достойной рѣдкостію своего положенія. Въ Белльгардѣ на нѣсколько времени онѣ остановивались, дабы узнать, что тамошніе жители называютъ *сокрытіемъ Рона*. Сіе мѣсто находится подлѣ моста Люсы (*), гдѣ Ронъ дѣйствительно скрывается подъ огромными камнями въ глубокихъ разсѣлинахъ, и послѣ опять показывается,

(*) Одна половина сего моста принадлежитъ Франціи, а другая Савойѣ.

свергаяся съ другихъ камней. Сіе мѣсто, окруженное горами, глубокими пропастями и каменными утесами, обросшими мохомъ и травою, можетъ навсегда отвратить отъ холодныхъ садовъ Англійскихъ, гдѣ смѣшнымъ образомъ подражаютъ такимъ великимъ картинамъ Природы. Пробывши нѣсколько дней въ Женевѣ, обвѣхала Доралиса прескрасные берега озера, въ намѣреніи сыскать мѣсто для своего жилища; и наконецъ рѣшилась поселиться въ Моржѣ, очень хорошемъ городѣ между Женевою и Лозанною (*), стоящемъ на берегу озера и имѣющемъ пріятное положеніе.

• Въ семъ городѣ наняла себѣ Доралиса маленькой домикъ. Съ одной стороны зала была окнами къ плодоноснымъ полямъ, а съ другой къ Женевскому озеру, за копорымъ видны были ужасныя ледяныя горы, до облаковъ простирающіяся. Горъ сихъ никакъ вообразить не возможно. Въ одинъ день являющъ онѣ отъ различнаго дѣйствія свѣта тысячу разноцвѣтныхъ видовъ. При восхожденіи зари верьхи

и

(*) Пять Французскихъ миль отъ Женевы, а двѣ отъ Лозанны.

и камни ихъ кажутся розовыми, а ледъ на нихъ представляется въ видѣ прозрачныхъ облаковъ. Когда солнце восходитъ выше, тогда принимающъ горы шемайшіе цвѣты, и показываются по голубыми, по виолетовыми, по пурпуровыми. При захожденіи солнца онъ позлащающъ; кажется, будто видишь неизмѣримыя кучи топазовъ, и глаза ослѣпляются блиспаніемъ ихъ цвѣтовъ. Женевское озеро представляетъ такія же пріятныя перемѣны. Когда оно тихо, тогда чистая и прозрачная вода его отбрасываетъ цвѣтъ облаковъ; но пришедши въ волненіе, уподобляется морю, производитъ сильной шумъ и является величественнымъ. И въ спокойствіи и въ волненіи привлекаетъ оно къ себѣ взоры, прельщаетъ и перемѣнными зрѣлищами удивляетъ глаза.

Эгланпина не могла насмотрѣться на такія восхитительныя картины. Все видѣнное мною, говорила она, ничего не значить противъ эпова. Съ какимъ равнодушіемъ буду я смотрѣть на Парижскія окрестности, на однообразныя долины и расхваленныя сады! Съ нынѣшняго времени не спанутъ привлекать къ себѣ взора моего искусствомъ проведенныя рѣки,

маленькіе каменные ушсы и сметанные пригорки. — Еспьли бы пы, примолвила Доралиса, побывала вѣ Италіи, такѣ бы и ня искусственныя развалины спала смодрѣшь безѣ всякаго удовольствія. — Мнѣ кажется, сказала Эгланшина, что спикопворцы и живописцы должны прежде обѣздить Швейцарію и Италію, а послѣ уже изображать красоты Природы. Я съ побою согласна, отвѣчала Доралиса: Шареншенѣ можетѣ вдохнуть нѣсколько изрядныхѣ спиковѣ, но не вдохнетѣ никогда тѣхѣ великихѣ мыслей, копорыя производяшѣ безсмертныя шворенія вѣ семѣ родѣ. Лудвигѣ Бакгуизенѣ, славной Голландской живописецѣ (*), нѣсколько разѣ пускался вѣ волнующееся море во время жестокайшей бури, чтобы размапривать движеніе волнѣ, удары и оспашки разбившихся о подводные камни кораблей, работу и смятеніе устрашенныхѣ мапросовѣ. Славной Ругендасѣ (**),

жи-

(*) Онѣ умерѣ вѣ 1709 году.

(**) Умерѣ вѣ 1742 году. Послѣ болѣзни не могѣ онѣ нѣсколько времени рисо-
вать правою рукою; началѣ рисо-
вать

живописецъ сраженій, былъ при осадѣ, приступѣ, взятіи и разграбленіи Аугсбурга. Онъ нѣсколько разъ презиралъ смерть, чптобы удобнѣе видѣть дѣйствіе ядеръ и бомбъ и всѣ ужасы приступа. Онъ рисовалъ среди кровопролитія, и изъ сраженія возвращался съ чертежами, копорые съ такимъ раченіемъ были отдѣланы, какъ бы и въ кабинетѣ. Ванъ-деръ-Мейленъ (*) былъ съ Лудвигомъ XIV во всѣхъ его походахъ, срисовывалъ укрѣпленные города съ окружностями, разные походы войска, лагери, оспановки, сшибки и проч. чптобы сочинить послѣ картины, взявша имъ изъ исторіи сего Монарха. Вотъ примѣръ дѣяельности и мужества, копорый можеть вдохнуть благородное желаніе въ чемъ нибудь возвеличиться! Но кто истинной славѣ предпочипаетъ минувшыя выгоды, тому не нужно ни ученіе, ни познаніе: онъ оспается дома, рисуешь или пишешь безъ жара и безъ истины, а слѣдственно и безъ души, и пользуется двудневною похвалою.

Эглан-

вашъ лѣвою, и скоро замѣтила она у него правую.

(*) Умеръ въ Парижѣ въ 1690 году.

Эглантина слушала мать свою съ пакимъ удовольствіемъ, какого она еще никогда не ощущала. Будучи нечувствительна къ пріятностямъ дружескихъ разговоровъ, по лѣности и разсѣянью своему не брала она прежде въ нихъ никакого участія; но несчастіе произвело въ ней скорую и удивительную перемѣну. Характеръ ея сталъ совсѣмъ иной: она рассуждала, живо чувствовала, и находила сладкое удовольствіе въ разговорахъ съ своею родителемъ. Сверхъ того, желая загладить всѣ шѣ неудовольствія, которыя причинила Доралисъ своею лѣностью, занималась она чтеніемъ, музыкою и рисованіемъ съ великою прилѣжностію, сначала ее упомыавшею, но скоро по помѣ преспаавшею опягощають ее; скоро нашла она въ упражненіяхъ своихъ и пріятнѣйшее удовольствіе. Сперва принялась она за то въ угожденіе матери, стараясь доказать ей свою благодарность; но послѣ, будучи восхищена скорыми своими успѣхами, училась она для собственнаго своего удовольствія: ревностію и терпѣніемъ своимъ наградила она наконецъ потерянное время. Она получила основательныя познанія, и природной разумъ ея сдѣлался гораздо острѣе. Пріятное мѣсто

жилища ея установилося для нее со дня на день прелестнѣе.

Она не чувствовала потери имущества своего; попому, что прѣмѣ тысячами ливровъ можно въ Моржѣ прожить годъ очень хорошо. Она жила въ порядочномъ домѣ, въ которомъ былъ у нее прекрасной кабинетъ. Сидѣвши за письменнымъ своимъ столомъ, видѣла она озеро и горы; такой видъ казался ей превосходнѣе вида Сены и Булеvara. Она ѣла съ большимъ вкусомъ, нежели во время своего богатства; хорошіе плоды, дичина, густое Швейцарское молоко и вкусная рыба изъ Женевскаго озера, лучше всѣхъ приправъ Французскаго стола. Моржъ, окрестности его и Лозанна надѣляли ее сверхъ того всѣми выгодами общезжитія, какихъ только пожеласть можно.

Въ сей щасливой странѣ, не испорченнои еще роскошію, видна вся простота чистыхъ нравовъ; женщины тамъ любезны, разумны и добродѣтельны.

Доралиса съ дочерью часто ѣздила въ Лозанну. Тамъ познакомились онѣ съ одною молодою вдовою, именемъ Изабеллою, копорую украшали не только внѣшнія

нiя прелѣсти, но и прiятныя внутреннiя дарованiя: живой, острой и просвѣщенной разумѣ, чувствительное сердце и привлекательнѣйшiя свойства. Она подружилась съ ними, часто ѣздила къ нимъ въ Моржѣ, и вмѣстѣ прогуливалась по окрестностямъ Женевскимъ. Иногда капались онѣ по Женевскому озеру, иногда собирали въ Моржѣ нѣсколько хорошихъ прiятелей и составляли концерты; или давали сельской балъ подѣ въпывистыми деревьями, обвѣшанными множествомъ связокъ полевыхъ цвѣтовъ. Эгланшина прiятностию своею и своимъ разумомъ болѣе прочихъ украшала такiя веселiя. Не лзя уже было называть ее красавицею, однакожь въ сiе время была она въ тысячу разъ любезнѣе, нежели тогда, когда удивлялись правильнымъ чертамъ и бѣлизнѣ лица ея. Станъ ея былъ самой стройной; всѣ поступки ея были прiятны. Она одѣвалась не пышно, однакожь со вкусомъ. На нее смотрѣли безъ удивленiя; но чѣмъ болѣе ее разсматривали, тѣмъ болѣе она нравилась. На лицѣ у нее видно было гораздо болѣе живости, нежели прежде. Коротко сказать, она не имѣла уже той красоты, которая всякому въ глаза бросается, но обладала такими прелестями,

копорья сильнѣе всякой красоты влекушѣ къ себѣ сердце.

Доралиса прожила въ Моржѣ осьмнаццать мѣсяцовъ, не могли рѣшиться оставить его и объѣздить Швейцарію, какъ по она предположила. Но наконецъ, желая показать Эглантинѣ сію примѣчанія достойную землю, проспилась она съ Изабеллою и въ концѣ Іюня отправилась съ дочерью сперва въ Бернъ, городъ, славной по соразмѣрности въ строеніи и по хорошему своему положенію. Улицы въ немъ чрезвычайно широки и въ срединѣ пересѣкаются небольшимъ ручьемъ, котораго вода быстра и чиста. По обѣимъ сторонамъ улицъ сдѣланы аркады, которые составляютъ покрытыя галереи, вымощенныя широкимъ камнемъ. На задней сторонѣ сихъ аркадовъ, весьма удобныхъ для пѣшеходцевъ, поспросно множество хорошихъ лавокъ. Мѣста для гулянія вокругъ Берна прекрасны, и высокая терраса на берегу Аары открываетъ на всѣ стороны восхитительныя виды (*).

До-

(*) Въ одномъ углѣ сей террасы есть надпись, сохраняющая память нѣкотораго удивительнаго приключенія. Одинъ школьникъ,

Доралиса провела нѣсколько дней въ Бернѣ, и побывавши въ Гиндельбанкѣ, въ деревнѣ, въ кошорой видимы великолѣпныя гробницы (*), оставила она городъ сей, и поѣхала къ славнымъ ледникамъ Гриндельвальдскимъ, находящимся въ дващцаши Французскихъ миляхъ отъ Берна.

Гриндельвальдской ледникъ стоишъ примѣчанія болѣе, нежели всѣ иные ледники Альпійскихъ горъ; онъ находится
 подлѣ

никъ, ѣздивши по террасѣ на лошади верхомъ, упалъ внизъ съ самой вершины, кошорая отъ земли возвышается на 120 фушовъ. Лошадь ушиблась до смерти, а онъ съ переломленными ногами поползъ домой. Послѣ того жилъ онъ еще сорскъ лѣтъ, и умеръ въ 1694 году.

(*) Между прочими гробница Госпожи Лагнансѣ. Сей памятникъ весьма достоинъ примѣчанія. Господинъ Лагнансѣ, Проповѣдникъ Бернской, кошорой въ 1775 году еще живъ былъ, имѣлъ прекрасную супругу, лишившуюся на 28 году въ рсдахъ жизни. Младенецъ пережилъ ее шолько нѣсколькими минушами. Господину Налю, славному Нѣмецкому рѣщнику,

подлѣ деревни, называемой Гриндельвальдомъ. Вершина горы содержишь въ себѣ множество замерзнувшей воды. Камень, копорой, подобно чану, вмѣщаетъ въ себѣ ледъ сей, естъ черной мраморной съ бѣлыми жилами; ша часть, копорая идешь

Часть X. No. 17. Г на

заказано было сдѣлать гробницу, въ копорой бы лежали и мать и младенецъ. Онъ вздумалъ Госпожу Лагнансъ представить въ воскресеніи. Велѣвши вырыть въ храмѣ довольно глубокую могилу, чшобы можно было утвердить спашую, положилъ онъ на нее большой камень, въ копоромъ отъ одной стороны къ другой сдѣланы были различныя отверстія: сквозь ихъ видна была лежащая въ гробѣ юная жена. Она показываешь знаки пробужденія; въ одной рукѣ у нее младенецъ, а другую подымаетъ она разсѣвшійся камень, копорой еще досязаетъ до головы ея. Благородной ея видѣ, изображеніе искренности и невинности, и небесная радость, сіяющая у нее на лицѣ, прогають сердце зришеля. Жаль только, чшо сія гробница не здѣлана изъ мрамора. Надпись достойна памятника; и не взирая на широкія по письму прецины, можно еще безъ затрудненія чшпашъ ее. Она

накъсь внизѢ, состоитѢ изѢ прекраснаго пестраго мрамора. Излишняя вода, покрывающая пѣверхность, мало по малу стекающая внизѢ и по косои плоскости разливающаяся, составляетѢ собственно то, что называютѢ *ледниками*, по естѢ собраніе ледяныхѢ пирамидѢ, покрывающихѢ весь свѣсѢ горы.

Ни-

сочинена на НѣмецкомѢ языкѢ. По словесному переводу Госпожа ЛагрансѢ говоритѢ вѢ ней: „Я слышу гласѢ трубной; онѢ проникаетѢ вѢ могилу. Пробудись, сынѢ мой, сынѢ печали! свергни съ себя плѣнной покровѢ! Спаси, шель цвой взываетѢ къ тебѢ; отѢ него бѣжитѢ смерть и) время, и вѢ вѣчномѢ блаженствѢ исчезаетѢ всякое „спраданіе. „ Надпись сія сочинена славнымѢ ГаллеромѢ.

ПамятникѢ матери де Брюнезой вѢ S. Nicolas-du Chardonnet, вѢ ПарижѢ, подобенѢ сему, но не такѢ разишленѢ. ХудожникѢ, КолинъонѢ, на высокомѢ олшарѢ поставилѢ большую розовую урну, съ кошорой крышка сброшена. ИзѢ сей урны выходитѢ старая женщина, почтеннаго вида; руки у нее сложены, а глаза подняты на небо; она одѣта

Ничто не можетъ сравниться съ красотою сего блистательнаго амфитеатра, покрытаго башнями и обелисками, которые имѣютъ видъ чистѣйшаго хрустала и возвышаются до тридцати и сорока футовъ. Сие зрѣлище ослѣпляетъ глаза, а особливо когда солнце устремляетъ лучи свои на сіи ледяныя пирамиды. Тогда весь ледъ начнетъ куриться и бросать вокругъ себя такой блескъ, котораго зрѣніе снести не можетъ. Долина окружена двумя горами, покрытыми дерномъ и сосновымъ лѣсомъ.

Осмотрѣвши Гриндельвальдъ, Доридиса съ дочерію своею отправилась во внутренность Швейцаріи, и желая узнать сочинителя поэмы *Авелева смерть*, поѣхала въ Цирихъ (*). — Тамъ увидѣли онъ великаго Поэта, болѣе по тому уваженію достойнаго, что изящность пера его про-

Г 2

из-

одѣта бѣлымъ полотномъ, которое виситъ черезъ края урны. Образъ ея видѣнъ по самую грудь: онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, равно какъ и одежда на немъ. Позади, прошивъ олшаря, стоитъ Ангелъ суда, держащій въ рукѣ трубу.

(*) Лежащій на Лиммашъ.

изходишь отъ чувствительности его души и непорочности нрава. Есѣли бы онѣ не любилъ сельской жизни; есѣли бы не жилъ въ самой пріятнѣйшей странѣ міра; есѣли бы наконецъ не былъ хорошимъ отцемъ и супругомъ: то бы ни какъ не могъ онѣ написать сихъ прекрасныхъ Идиллій, въ которыхъ добродѣтель является въ такомъ прелестномъ образѣ. Для чего творенія такого простаго рода имѣютъ столько красотъ? для чего переведены онѣ на всѣ языки? Для того, что Сочинитель чувствовалъ изображенія свои и видѣлъ описываемые имъ виды. Часно прогуливался онѣ съ Доралисою и Эгланшиною. Ходя съ ними по берегамъ Цирихскаго озера, Силы и Димматы, показывалъ онѣ имъ нѣ прелестныя мѣста, которыя имъ срисованы (*), или описаны въ его сочиненіяхъ. Доралиса болѣе всего удивлялась орѣховому лѣску, въ которомъ Геснеръ сочинилъ прекрасную Идиллію Миршилль.

Доралиса и Эгланшина восемь дней прожили съ Геснеромъ. Онѣ видѣли его среди семейства и среди упражненій;

ви-

(*) Геснеръ и рисуетъ также очень хорошо.

видѣли въ немъ щасливаго мудреца, истиннаго Философа и искуснаго живописца Природы.

Послѣ двумѣсячной оплочки возвратилась Доралиса съ Эгланшиною въ маленькой свой домикъ въ Моржѣ. Возвращеніе сіе имѣло свои пріятности. Изабелла провела съ ними часть зимы. Съ наступленіемъ весны начались опять прежнія забавы, сельскія игры и прогулки. Два года прошло уже тому, какъ Доралиса выѣхала изъ Парижа. Эгланшинѣ пошелъ уже двадцатой годъ; она была радостію своей матери, и щастіе узнала только съ того времени, какъ въ Моржѣ пріѣхала.

Въ одинъ вечеръ, когда Доралиса и Эгланшина прогуливались по берегу озера, встрѣтился имъ молодой человекъ въ черномъ кафтанѣ, кофрой шелъ очень шико и по видимому былъ въ глубокой задумчивости. Поравнясь съ Доралисою, взглянулъ онъ на нее, показалъ изумленіе и подошелъ къ ней. Доралиса съ удивленіемъ увидѣла Виконша д'Арзеля. Послѣ первыхъ привѣтствій рассказалъ ей Виконшъ, что онъ лишился дражайшаго своего родителю, и что сіе несчастіе произ-

вело въ немъ отвращеніе отъ Парижа, и онъ рѣшился путешествовать; что онъ намѣренъ пробыть въ Швейцаріи два мѣсяца и по помѣ въ Италію. Когда Виконтъ пересталъ говорить, Доралиса, видя насупленіе ночи, пошла домой. Виконтъ просилъ позволенія проводить ее и подалъ ей руку свою. Тутъ вспомнилъ онъ, что у Доралисы была дочь, и увидѣлъ, что она съ нею. Онъ спалъ съ нею говорить, но не могъ разсмотрѣть ее, потому что она шла позади своей матери, сверхъ того и темнота препятствовала примѣнить черты лица ея. Доралиса подошла къ своему домику, позвонила въ колокольчикъ, и дѣвка отворила ей ворота. Вошли на дворъ. *Вы здѣсь живете, сударыня!* сказалъ съ чувствительностію Виконтъ. Произнесъ слова сіи, вспомнилъ онъ, какъ богата была прежде Доралиса, какъ хорошо употребляла богатство свое, и что она лишилась его для уплаты всѣхъ долговъ своего мужа. Между стѣмъ взошли на крыльцо, вошли въ маленькую залу, украшенную хорошими картинами и прибранную со вкусомъ. Не хорошъ ли этотъ кабинетъ? сказала Доралиса. Это все *Эглантинина работа*; это все она шила,

шила, это все она рисовала. — Виконтъ не могъ скрыть своего удивленія, которое было подобно невѣроліцію. Въ то же время обращалъ онъ глаза на Эглантину, и будучи пораженъ великою перемѣною въ лицѣ ея, пристально смотрѣлъ на нее, не могши никакъ ее узнать. Эглантина улыбнулась, нѣсколько покраснѣвшись, и улыбка сія придала лицу ея такую прелесть, что Виконтъ, не спускавшій съ нее глазъ, пришелъ въ новое изумленіе. Сперва разсматривалъ онъ ее съ удивленіемъ, но по томъ со внутреннимъ удовольствіемъ. Онъ примѣтилъ, что она выросла; удивлялся хорошему ея стану и благородному виду, и нашелъ, что пріобрѣтенныя ею пріятности гораздо превосходятъ того блеска и той красоты, которыхъ она лишилась. Разговоры ея удивили его еще болѣе. Слушая ее, едва вѣрить могъ, что она была та особа, въ которой прежде не нашелъ онъ ни малой пріятности; ему не понятно было, какъ три года могли произвести такую примѣтную и чрезвычайную перемѣну. Оставляя Доралису, просилъ онъ позволенія опять прийти къ ней, и большую часть слѣдующаго дня провелъ у нее. Въ ночь дѣнь давала она концерты. Эглан-

пина пѣла и играла на арфѣ. Виконту казалось все сновидѣніемъ, когда онъ вспоминалъ, что эта прелестная дѣвица была та Эгланшина, на которой онъ, не смотря на ея красоту и богатство, не хотѣлъ жениться, потому что тогда казалась она ему глупою и несвѣдушею.

Виконтъ жилъ въ Лозаннѣ. Тамъ всѣ говорили о Эгланшинѣ. Своими пріятностями, разумомъ, крепостію и живѣйшею нѣжностію къ своей родительницѣ, заставила она всѣхъ любить себя. Виконтъ съ удовольствіемъ слушалъ ея хвалы, которыми ее со всѣхъ сторонъ осыпали. Изабелла любила Эгланшину со всею горячностію дружбы, а Виконтъ предпочиталъ разговоры съ Изабеллою всякому веселому обществу. Наконецъ прошли ея два мѣсяца, которые онъ хотѣлъ пробыть въ Швейцаріи; а онъ ни слова не говорилъ о путешествіи своемъ въ Италію. Никогда не пропускалъ онъ случая быть у Доралисы. Будучи робокъ и застенчивъ передъ Эгланшиною, едва осмѣливался онъ говорить съ нею. Но ни одного слова ея не пропускалъ онъ мимо ушей своихъ, и разсмаптривалъ ее всегда съ такимъ вниманіемъ, отъ котораго ничто не могло отвлечь

его. Доралисѣ оказывалѣ онѣ все по-
чтеніе и всю любовь нѣжнѣйшаго сына.
Вѣ Лозаннѣ прожилѣ онѣ еще мѣсяцѣ.
Наконецѣ узнавѣ совершенно Эгланшину,
какѣ по доброй о ней славѣ, такѣ и по
строгому разсмотрѣнію характера ея,
переспалѣ скрывать чувствва свои,
одобряемыя самымѣ разсудкомѣ. Онѣ
открылѣ Доралисѣ сердце свое и просилѣ
ее, чтобы она отдала за него дочь свою.
Вы достойны ея, отвѣчала Доралиса. Вы
не хотѣли на ней жениться тогда, когда
она была и богата и хороша: вы изби-
раете ея тогда, когда лишилась она и
красоты и богатства. Пріятности, зна-
нія и добродѣтель единственно могли про-
извести вѣ васѣ истинную къ ней любовь.
Можно положиться на постоянство та-
кого чувства. Однакожь, вѣ осторожность,
прошу васѣ подумать еще о такомѣ со-
юзѣ, которой рѣшитѣ судьбу моей до-
чери и вашу. Путешествуйте еще шесть
мѣсяцевѣ. Естьли и послѣ этого мыслей
своихѣ вы не перемените, то возвращай-
тесь, и Эгланшина будетѣ ваша. —
Тутѣ бросилѣ Виконтѣ къ ногамѣ До-
ралисинымѣ и просилѣ ея не отсрочивать
его счастья; но Доралиса не послушала
ни прозбы, ни клятвѣ его, и Виконтѣ,

исполненной печали, долженъ былъ на другой день отправиться въ дорогу. Не имѣя силъ оставить эту землю, въ которой жила Эгланшина, все время проѣздилъ онъ по Швейцарии, и въ назначенной срокъ легъ въ Моржъ. Доралиса и Эгланшина были однѣ въ кабинетѣ своемъ, когда онъ пріѣхалъ. Вдругъ отворились двери: Виконтъ явился и спалъ на колѣни передъ Доралисою. Въ первой еще разъ говорилъ онъ при Эгланшинѣ о любви своей. Онъ просилъ руки ея, и обѣщалъ никогда не разлучать ее съ родительницею. Эгланшина отвѣчала, что только съ такимъ условіемъ можетъ она рѣшиться перемѣнить состояніе свое, которымъ сердце ея совершенно довольно; а Виконтъ увѣрялъ ее, что такое естественное чувство еще болѣе привязываетъ его къ ней. Въ потѣ же еще вечеръ подписала Доралиса, щастливѣйшая мать, свадебную записку; а черезъ три дня женился Виконтъ на любезнѣйшей своей Эгланшинѣ. —

II.

Какая же хорошая исторія! сказала Катерина. Дано вамъ слово, мапушка, что.

что впредь не стану терять ни платковъ, ни перчатокъ, и не буду въ саду кидать хлѣба. Я даю вамъ слово быть бережливой и прилѣжною, чтобы на осьмнадцатомъ году не быть глупою дѣвчонкою, а особливо для того, чтобы уже не огорчать васъ. А еспьли, примолвила Гж. Добролюбова, будуще себя когда нибудь называть красавицею, такъ вспомни Эглантинину испорію. Вспомни, что красота осыпаетъ только пустыми хвалами, и что только пріятности со свойствами разума и сердца могутъ производить въ людяхъ истинную къ намъ любовь. — Десятой вечеръ кончился, и Гж. Добролюбова, прощаясь съ дѣшми, сказала имъ, что на другой день возьметъ ихъ съ собою въ гости къ Господину Чудину. Тамъ, говорила она, увидите вы всякія медали; потому что Г. Чудинъ, не смотря, на его черной парикъ и разсѣянной видъ, человекъ разумной и ученой. — „Что такое медали? мапушка., — Мы объ этомъ поговоримъ завтра, когда спанемъ завтракать. — На другой день возобновили дѣшши вопросы свои, желая имѣть какое нибудь понятіе о пѣхъ вещахъ, которыя увидятъ въ кабинетѣ Г. Чудина. Гж. Добролюбова про-

чи

чипала имѢ извлеченіе, которое сдѣлала она изѢ одной Французской книги, называемой *наука медалей* (Science des Médailles) (*). По томѢ спросили дѣши, употребляютъ ли въ эмблемахъ *символы*. Не только употребляютъ, отвѣчала Гж. Добролюбова, но символу и необходимо надобно быть въ эмблемѢ. Развѣ знаете вы, что такое эмблема, или девизъ? — „Немножко, мапущка.“ — Эмблема есть нѣкоторая аллегорія, или образъ, показывающій характеръ, или состояніе той особы, которая ее избираетъ. На прим. Госпожа М * * * которую вы знаете, очень скромна,

(*) Наука Медалей, или Нумисматика, состоитъ въ томѢ, чтобы поддѣльные монеты умѣть отличать отъ истинныхъ, такъ какъ знажокъ въ картинахъ отличаетъ списокъ отъ подлинника, и чтобы знать имена различныхъ знаковъ, собственно принадлежащихъ языческимъ божествамъ, владѣтелямъ, городамъ, провинціямъ, и проч. По чему испытатель древности долженъ знать совершенно лѣтосчисленіе или Хронологію, Исторію и Мифологію. Наука сія и пріятна и полезна, а особливо по тому, что медали сушь

мна, не любивъ шумной жизни, желаетъ нравиться однимъ своимъ друзьямъ, и оспрошу разума своего показываетъ только между пѣмъ небольшимъ числомъ избранныхъ людей, къ копорымъ имѣетъ она полную довѣренность. И такъ девизомъ выбрала она себѣ фіалку, до половины покрытую правою, съ надписью: *Цици меня*. Эпотъ девизъ очень хорошъ, сказалъ Петръ. Посмотримъ, продолжала,
Гж.

суть важнѣйшіе памятники Испоріи, и способствующъ къ безошибочному опредѣленію времени и приключеній. Медали раздѣляютъ на старыя и новыя. Старыя суть всѣ тѣ, копорыя кованы до прерьяго, или девятого вѣка по рождествѣ Христовомъ. До прерьяго или девятого, говорю; ибо мнѣнія ученыхъ о семъ несогласны: одни почитаютъ новыми медалями тѣ, копорыя кованы со временъ учрежденія Римской Имперіи; а другіе только тѣ, копорыя кованы при Константинѣ и послѣ его; нѣкопорыя же называютъ старыми всѣ бывшія прежде Карла Великаго. Между древними Греческія всѣхъ лучше и древнѣе. Употребленіе серебряныхъ медалей началось въ Римѣ только съ 484 года; а золотыхъ съ 546 года отъ построенія города сего.

Гж. Добролюбова, будешь ли ты разумѣшь и другой. Одинъ великой человекъ избралъ себѣ девизомъ связку лилій и розъ, съ надписью: *Все для него и для нихъ*. Что это значитъ? — Половину эпова я разумѣю, ошвѣчалъ Пепръ. Лиліи эмблема Франціи и Королей ся; только розы . . . А розы, перервала Катерина, вѣрно женщины. — По твоимъ лѣшамъ догадка не худа, сказала Г. Добролюбова, естли тебѣ не помогла память, и естли я никогда о эпомъ при тебѣ не говорила. Вы опгадали теперъ смыслъ девиза; и такъ скажите мнѣ, какова кажется вамъ эпа выдумка? — „Хороша, мапушка; только, кажется, вѣ эпомъ девизъ сказано лишнее: *для женщинъ все*, такъ какъ и *для Короля все*.“ — Это выраженіе означаетъ Французскую учливость, которую никто за истину и не принимаетъ. Однакожь эпа надпись очень хороша по своей краткости и тонкости. — „Да вѣ чемъ же видна эща тонкость, мапушка?“, — Вѣ томъ, что эща надпись вразумительна, а сказываетъ не весь смыслъ свой. — „Какъ же?“ — Написано только: *Все для него и для нихъ*. А чпобы сказать *все*, такъ надобно бы было написать: *нѣтъ ничего невозможнаго, нѣтъ никакихъ опасен-*

снотей, на котсрыя бы не лъзя было отважитъся для Короля или отчества, и для красоты. — „Эта надпись была бы уже очень длинна; гораздо лучше: все для него и для нихъ.“ — Конечно; чѣмъ короче надпись, тѣмъ лучше. — „Да желая говорить корешко, не будешь ли наконецъ говорить шемно?“ — Чѣмъ шемно, шо не можешъ бышь хорошо, какъ бы крашко, сказано ни было; только поняшная краткость похвальна, и о ней только я говорила. —

Тутъ пришли сказать Гж. Добролюбовой, что кареша уже готова. Петръ просился съ Николаемъ, кошерому очень не хотѣлось съ нимъ разстаться; потому что онъ искренно къ нему привязанъ былъ такъ, какъ и Петръ съ своей стороны очень любилъ его, и почиталъ себя за великое удовольствіе въ свободное время научать его тому, чему самъ учился. Когда всѣ сѣли въ карешу, Петръ началъ хвалить доброе Николаево сердце и прилѣжность его къ учению. Я надѣюсь, сказала Гж. Правосудова, что ты всегда съ удовольствіемъ будешь съ нимъ вмѣстѣ учиться, что добрыя его свойства произведутъ въ тебѣ желаніе бышь ему подобнымъ, и что ты всегда будешь спа-

спараться имѣшь такую же прилѣжность къ ученію; а иначе исторія его можешъ бышь подобна исторіи Кардинала д'Оссаша. --- „Не расскажете ли ее мнѣ, бабушка?“, — Охотно.

Арнодъ д'Оссашъ, произшедшій на свѣтѣ опѣ бѣдныхъ родителей въ Кассаннаберѣ, маленькой деревнѣ близъ Оша, остался на девятомъ году безъ отца, безъ матери и безъ всякаго имѣнія. Онъ воспитанъ былъ вмѣстѣ съ сыномъ Господина шой деревни, и въ скорое время споль успѣлъ въ наукахъ, что наконецъ сдѣлался его училемъ. --- „Думаю, что Николай никогда не будетъ моимъ училемъ. --- Такъ эшошъ д'Оссашъ былъ Кардиналомъ?“, --- Да, эшошъ; научившись Юриспруденціи у славнаго Кюжаса, сдѣлался онъ однимъ изъ первыхъ адвокатовъ въ Парижѣ. Покровители, которыхъ онъ нашелъ себѣ достоинствами своими, доставили ему знатное въ Приказѣ мѣсто. *Поль де Фуа*, Архіепископъ Тулузской, котораго Генрихъ шрешій отправилъ Посломъ въ Римъ, взялъ его къ себѣ Посольскимъ Секретаремъ. По смерти Архіепископа повелѣлъ ему Французской Дворъ заступитъ его мѣсто. Посредствомъ его

полу-

Получилъ великой Генрихъ прощеніе и примирился съ Римскимъ Дворомъ. Важныя д'Оссаповы услуги награждены были кардинальской шапкою. Онъ умеръ въ Римѣ въ 1604 году, на 67 году отъ рожденія своего. Имъ сочинено множество писемъ, копорыя заслужили великую похвалу. —

Видите, любезныя дѣши, какъ щасливъ бываетъ ученой человекъ, и какъ достоинства украшаютъ жизнь человеческую; но для достиженія такого щастія надобно человеку быть и добродѣтельнымъ. — „Я вижу, бабушка, что кто хочетъ быть щасливъ, тому надобно учиться быть добродѣтельнымъ. Однакожь нѣтъ ли и такихъ людей, копорыя при всѣхъ своихъ порокахъ пришли въ знатность и нажили великое богатство? „ — Конечно есть, но они не упѣшаются ни знатностію, ни богатствомъ: пошому что неправдою пріобрѣтенное почтеніе и богатство соединено всегда съ безпокойствомъ; страхъ лишиться сокровищъ не даетъ ими наслаждаться. Одна ученость можетъ вести ко щастію; однакожь щастіе такое не продолжительно и не надежно. — Дѣшамъ казалось разсужденіе бабушки ихъ очень справедливымъ; и между шѣмъ, какъ онъ разговаривали о

помѣ, карета подѣхала къ крыльцу дома Г. Чудина.

Послѣ обѣда разсматривали собраніе медалей, нѣкоторыя дорогія Италіянскія каршины, хорошіе эстампы, и въ такихъ упражненіяхъ день прошелъ непримѣтно. Г. Чудинъ былъ человѣкъ очень знающій. Видѣ его сначала казался спраннымъ, но кто узнавалъ его покороче, тотъ не могъ не любить его: разговоры его были основательны и пріятны. Гжу. Добролюбову и Правосудову просилъ онъ побыть у него нѣсколько дней, и просилъ споль усиленно, что онъ наконецъ согласился удовлетворить его просьбѣ. Однажды рассказалъ онъ имъ нѣкоторыя свои приключенія, которыя ихъ очень занимали. Онъ сожалѣли, что на то время дѣши вышли отъ нихъ изъ комнаты. Г. Чудинъ, которой слышалъ уже о вечернихъ повѣстяхъ, хотѣлъ рассказать дѣшамъ всю свою исторію, если согласятся побыть у него еще два дни сверхъ срока. Предложеніе его было принято, и онъ обѣщаль повѣстію своею занять по крайней мѣрѣ два или три вечера. Въ семъ ожиданіи спросила Каптерина у матери своей, веселая или печальная будешь исторія Г. Чудина.

ВЪ

ВЪ Г. ЧудинѢ очень сильно дѣйствовали
спраспи, отвѣчала она. — „По этому
онѢ былѢ несчастливѢ? „ — Суди сама ---
„А какія спраспи? „ — ОнѢ былѢ влю-
бленѢ и ревнивѢ. — „Эпо мнѢ смѣшно;
однакожь я точно не знаю, что такое
любовь. „ — ВсѢ живыя чувства назы-
ваютъ *любовію*; на прим. нѣжность ма-
тери называютъ *матернею любовію*. —
„По этому еспь и *дочерняя любовь*? „ ---
За такой вопросѢ Катерину два раза
поцаловали. --- И такѢ подѢ *любовію* раз-
умѣется истинная и живая склонность,
начала опять говоришь Гжа. Добролюбова,
которая въ разсужденіи нѣжности пре-
восходитъ обыкновенную дружбу, такѢ
какѢ *матерняя*, или *дочерняя любовь*. ---
„А еспьли говорятъ просто *любовь*? „ ---
Тогда разумѣется подѢ эшимѢ словомѢ
спрасть мушины кѢ женщиѢ, и въ та-
комѢ случаѢ слово эпо означаетъ безраз-
судную склонность. — „РазвѢ мушина
сѢ разсудкомѢ не можеть любить жен-
щины? „ — Можеть; но когда говорятъ:
онѢ любитѢ, онѢ влюбленѢ, тогда зна-
читѢ эпо: *онѢ слишкомѢ любитѢ, любитѢ*
страстно. ПодѢ *любовію матернею, супру-*
жескою и проч. разумѣются только жи-
выя и нѣжныя чувства, которыя никогда

разсудокъ не ослабляютъ., — И такъ не надобно *просто* любить?., — Мы уже въ шомъ согласны, что надобно беречься спраспей. — „Конечно, для шого что онъ опнимаютъ разсудокъ., — И легко опводятъ насъ опъ исполненія должностей нашихъ. Почему жена должна имѣть *супружескую любовь*, а не *страстную*. Впрочемъ можно еще быть во многихъ опношеніяхъ добродѣтельнымъ и шому, котораго сердце спраспной любви исполнено, ешлы предметомъ ея будетъ супругъ, сынъ, или дочь. Только эша любовь безразсудна и часто лишаетъ спокойствія. Ешлы ощущенія наши не беззаконны, то излишняя ихъ горячность бываешъ только тогда осудительна, когда оптвращаетъ насъ опъ какихъ нибудь должностей нашихъ; однакожь рѣдко бываешъ, чтобы спрасп не имѣла вліянія на всѣ наши поступки и дѣла: и по шому — по самому спраспи очень опасны. --- „Да развѣ можетъ быть *любовь* беззаконная?., — Конечно: на прим. женщина худо воспитанная, худо наученная, безъ правилъ и безъ скромности, легко можетъ впастъ въ эшо заблужденіе, воспалившись спраспію къ чловѣку, которой ей не мужъ. — „Ахъ! эшо непроспипельно:

потому что, выходя замужъ, всякая обѣщается любить мужа всемъ сердцемъ., — Обѣщается быть ему вѣрною, по есть никогда не предпочитать ему другаго человѣка и посвящать ему жизнь свою. Хотя бы мужъ былъ пропивъ жены несправедливъ, однакожь обѣщаніе ея оставалось бы все въ своей силѣ; сколь бы онъ дуренъ ни былъ, но она все связана клятвою своею, и безъ пресупленія не можеть полюбить другаго пою любовію, которой онъ себя дѣлаеть недостойнымъ. — „Это правда; потому что при замужствѣ обѣщающія во всю жизнь не любятъ другаго. Да отъ чего же, мапущка, инья жены эпова не чувствують?„ — Я уже тебѣ сказала, что есть жены безъ правилъ, опступившія отъ закона и забывшія скромность; но за то и наказываются онъ всеобщимъ презрѣніемъ и угрызеніемъ совѣстивихъ. Раскаяніе послѣ такихъ пресупленій пѣмъ неизбѣжно, что любовь есть самая лешучая спрость. А когда она не подкрѣпляется должностію и основывается не на почтеніи, по не достойна и имени любви. Въ такомъ случаѣ она огонь, воспаленной необузданною силою воображенія и испорченнымъ сердцемъ. — „Ахъ,

какъ это худо! --- Да что такое, ма-
пушка, ревнивой мужъ?,, — Мужъ, со-
мнѣвающийся въ честности и добродѣ-
тели своей жены; п. е. боящійся, чптобы
она не полюбила другаго челоуѣка болѣе
его. — „Такъ не лзя, мапушка, что-
бы добродѣтельная жена могла имѣть ре-
вниваго мужа. „ — По чему? всякой че-
лоуѣкъ можетъ быть несправедливъ. —
„Ахъ! мнѣ бы очень досадно было, сспыли
бы у меня былъ ревнивой мужъ. „ —
Худо бы сдѣлала. Прискорбно, правда,
видѣть, что презираетъ насъ потъ чело-
уѣкъ, котораго любить должно; однакожъ
честная жена при нещасіи своемъ все
еще можетъ пѣмъ утѣшаться, что кро-
постию своею, снисхожденіемъ и совер-
шеннымъ благоразуміемъ, рано или поздно
пріобрѣтетъ себѣ мужнее почшеніе и пол-
ную его довѣренность.

Каперина дѣлала еще разные вопросы
матери своей, а послѣ ужина Г. Чудинъ,
въ присутствіи всего семейства Гжи.
Добролюбовой, началъ рассказывать слѣ-
дующую исторію.

III.

ИСТОРИЯ

Господина Чудина.

Не всегда носилъ я круглой и черной парикъ, которой шеперь ношу; не всегда бывалъ я въ такомъ разсѣяніи, которыми нынѣ меня укоряютъ. Въ ребячествѣ былъ я очень хорошъ: по крайней мѣрѣ мать моя мнѣ это говорила. Она говорила даже, что для ребенка *былъ я и слишкомъ хорошъ*, хотя другія люди и никогда эштоу порокъ мнѣ не приписывали. Какъ бы то ни было, а я былъ одинъ сынъ у родителей моихъ. Мать моя не много думала о воспитаніи моемъ, и только что меня портила; чѣмъ я и воспользовался такъ, что въ восемь лѣтъ сдѣлался величайшимъ негодяемъ. Я былъ упрямъ, лѣнивъ, бранчивъ и необузданъ; дѣлалъ вдругъ сто вопросовъ, не слушая никогда отвѣта; не хотѣлъ ничему учиться, и билъ только въ барабанъ и свисталъ въ дудку. Между тѣмъ ни одинъ учитель не могъ проучить меня болѣе пяти и шести мѣсяцевъ; проихъ

учителей мучилъ я до того, что они меня учить перестали. Наконецъ мать моя принуждена была отдать меня въ пенсіонъ. Мнѣ тогда было одиннацать лѣтъ. Оставляя родительской домъ, я горько плакалъ. Не смотря на распушство мое, былъ я сердца добраго, и радовался, пріѣхавши въ хорошій домъ, наполненной молодыми людьми, которыхъ всѣ казались веселыми; попому что меня привезли уже въ самое то время, какъ учить перестали. Я началъ бѣгать и прыгать, и увѣрялъ, что такая жизнь мнѣ очень понравится. Тотчасъ свелъ я дружбу съ однимъ ученикомъ, котораго назову Любовымъ. Онъ былъ спарфе меня двумя годами, и полюбился мнѣ своею откровенностію и веселостію. Сколько онъ былъ ученъ и разсудителенъ, столько я былъ несвѣдущъ и безсмысленъ. На другой день поутру увидѣлъ я въ домъ превеликую перемѣну. Мнѣ надобно было явиться въ классъ, и показать опытъ моихъ способностей. Но опытъ удался худо: увидѣли, что я едва чищашъ умѣю. Вдругъ поднялся позади меня шумъ, и одинъ десятилѣтній мальчикъ, сидѣвшій подлѣ меня, захохоталъ во все горло. Смѣхъ его столько разсердилъ меня, что

я

я далъ ему пресильную пощечину, которая заставила его удариться вискомъ о плечо своего поварища. Тотчасъ меня схватили, съ безчестіемъ спацили съ моего мѣста и поволокли вонъ изъ залы. Я отбивался на обѣ спороны, бранился, но тщетно. Меня пропацили мимо Любова, которой бросилъ на меня такой нѣжной и чувствительной взоръ сожалѣнія, что я, не смотря на свирѣдство свое, очень пронулся. — Меня опвели въ темную горницу и заперли, сказавши мнѣ, что два дни просижу я тамъ на хлѣбѣ и водѣ, да на пустомъ супѣ. После такого ужаснаго извѣстія оставили меня одного на размышленіе о худыхъ слѣдствіяхъ пощечины.

Прогуливаясь вокругъ своей темницы, узналъ я, что весь полъ успанъ былъ въ ней войлоками, и что она была довольно пространна. Ходя мужественно назадъ и впередъ по горницѣ, размышлялъ я о всѣхъ обстоятельствахъ моего несчастія. Я былъ очень усмирень, и раскаивался, что худо пользовался наслажденіями прежнихъ моихъ учителей, которыхъ я опъ себя опогналъ. Я восклицалъ: Ахъ, малушка! естли бы ты здѣсь была, то бы конечно не допустила поступить со мною

такъ жестоко. А еспьли бы ты позволила моему первому, или другому, или претпему учипелю меня наказывать, какъ того оңи и желали, такъ бы я могъ хорошо чипать, не привыкъ бы давать такія пощечины, да и здѣсь бы не былъ. — Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ пришелъ мнѣ на мысль взоръ Любова: казалось мнѣ, что я вижу его еще-передъ собою; и такое воспоминаніе было мнѣ прискорбно. Но всего болѣе досаждало мнѣ то, что Любовъ былъ свидѣтелемъ моего усмиренія, жара и наказанія; я боялся, что онъ меня спанешъ презираетъ, а эта мысль была мнѣ не-сносна.

Лишь только окончалъ я такой разговоръ съ самимъ собою, какъ услышалъ, что двери темницы моей отворяются, и увидѣлъ друга моего Любова, идущаго ко мнѣ съ свѣчою. Я бросился къ нему на шею, и отъ радости заплакалъ. Поди, сказалъ онъ мнѣ: на эштоѣ разѣ ты уволенъ отъ наказанія. — Уволенъ! воскликнулъ я: вѣрно ты сдѣлалъ эшо? и еспьли не ошибаюсь, такъ я радъ эшому. — Требуюшъ только того, продолжалъ Любовъ, чтобы ты просилъ прощенія у обиженнаго. — Мнѣ, мнѣ про-
сипъ

сипть прощенія? закричалъ я: у эпова дерзкаго негодя, у эпова мальчишки? — „Онъ дурно сдѣлалъ, что надъ побою смѣлся: это очень неучпиво; однакожь ты поступилъ безразсудно и безчеловѣчно.„ — Я еще не свернулъ ему шеи. — „Для того, что у тебя и силы сполько нѣтъ; однакожь ты его до крови разбилъ.„ — До крови? такъ онъ вѣрно кровь свою всѣмъ показывалъ? — „Это всѣ сами увидѣли.„ — Ему бы надобно было поскорѣе обпереться и не жаловаться. Это самой негодной мальчишка, и я ни за что не стану просить у него прощенія. — „Рѣчь не о томъ, каковъ онъ, а о своемъ проступкѣ; онъ очень великъ, и тебѣ надобно его загладить.„ — Нѣтъ, я лучше соглашусь оспаться въ этой шюрмѣ, нежели сполько себя унизить. -- „Что такое унизить себя?„ --- Этотъ вопросъ меня замѣшалъ, и я не зналъ, что отвѣчать. Между тѣмъ Любовъ опять говоритъ началъ: — „Ты унижилъ себя тѣмъ, что заслужилъ справедливое наказаніе, и поступилъ прошивъ совѣспи своей и благоразумія. А извинившись передъ тѣмъ, кто тобою обиженъ, поступишь очень справедливо, и въ такомъ поступкѣ нѣтъ ничего уни-

зи-

зипельнаго, „ — Да естли подумають, что я извиияюсь только отъ спрахъ, и спануть смѣяться? — „Что нужды до того; неосновательныя насмѣшки не должны насъ шрогать. Я предлагаю тебѣ такое дѣло, которое справедливо и благоприсойно: шѣмъ хуже для шѣхъ, которые его хулишь спануть. Насмѣшники въ глазахъ всѣхъ умныхъ людей будутъ сами смѣшны: а такихъ-то людей мысли для насъ и важны. „ — Хорошо, сказалъ я: поведи меня шуда, и я сдѣлаю все то, что тебѣ угодно. Любовь меня обнялъ, и мы вышли изъ темной горницы. Я просилъ прощеніе, и получилъ его; но скоро послѣ того снова заслужилъ я наказаніе. Будучи неприлѣженъ, безсмысленъ, необузданъ и бранчивъ, пришелъ я въ ненависть у всѣхъ учипелей и соучениковъ моихъ, и безъ помощи и вѣрной дружбы Любова, которой былъ самой первой и любимой ученикъ во всемъ пенсіонѣ, прежде бы еще года былъ я отосланъ назадъ къ родственникамъ моимъ.

Такимъ образомъ прошли почти два года, въ которое время Любовь вышелъ изъ пенсіона и вступилъ въ службу. Скоро послѣ того лишился я матери. Смерть ея

ѣя меня очень огорчила. Часто со вздохомъ приводилъ я себѣ на мысль то, что въ жизни своей имѣла она опѣ меня по моему одѣ огорченія. Боже мой! говорилъ я самъ въ себѣ: благословила ли она жонка при смерти неблагодарнаго своего сына, которой могъ ее сдѣлать щаспливою, но вмѣсто того всегда ее безпокоилъ? Какое ужасное для меня воспоминаніе! Она дала мнѣ жизнь, любила меня, а я для нее ничего не сдѣлалъ! Ахъ, мапушка, мапушка! шебя уже нѣтъ, и я не могу загладить пресупленій моихъ! У меня нѣтъ уже мапери, и я не могу сказать: *по крайней мѣрѣ въ жизни своей она радовалась мною.* Не дано мнѣ такого утѣшенія! ---

При такихъ размышленіяхъ слезы текли у меня изъ глазъ ручьями, и я такъ мучился, что впалъ въ нѣкопорою родъ чахопки, которая привела въ опасность жизнь мою. Дядя мой и опекунъ взялъ меня изъ пенсіона, и повезъ къ себѣ въ деревню. Чтобы меня чѣмъ нибудь разсѣять, объѣздилъ онъ со мною разныя Губерніи. Проживши у него три года и вступивши на семнадцатой годъ, по волѣ его вошелъ я въ службу.

Живши у дяди, продолжалъ я учиться; но не привыкнувши къ прилѣжности, ни въ чемъ я довольно не успѣлъ, и ученіе казалось мнѣ всего скучнѣе. Характеръ мой былъ не совершеннѣе моего разума. То, что въ ребячествѣ моемъ называли задоромъ, превратилось въ такой порокъ, который въ послѣдствіи жизни моей былъ причиною многихъ несчастій. Я былъ вспыльчивъ и горячъ до свирѣпства. Въ гнѣвѣ перялъ я совсѣмъ разсудокъ, заикался, наказывалъ тысячу дураческихъ и былъ въ состояніи предпринять спрашныя дѣла. Одинъ только дядя мой могъ меня держать въ уздѣ. Я истинно почиталъ и любилъ его, и никогда не забывалъ того уваженія, которое надлежало мнѣ имѣть къ нему. Излишнее его снисхожденіе утвердило меня въ несчастной привычкѣ, которую бы онъ легко искоренилъ могъ, ежли бы захопѣлъ воспользоваться своею надо мною властію. Но когда жаловались ему на мое сердце, то отвѣчалъ онъ: *юношеской жаръ со временемъ утухнетъ, а онъ самой доброй малой.*

Наконецъ поѣхалъ я въ полкъ. Дядя отпустилъ меня съ какимъ-то Гофмейстеромъ, которому меня ввѣрилъ, и ко-

копорой долженъ былъ прожить со мною годъ. Не прошло еще и шести недѣль, какъ непримиримо поссорился я съ моимъ Гофмейстеромъ; отослалъ домой шѣхъ слугъ, копорыхъ далъ мнѣ дядя, принялъ къ себѣ скорохода, и въ первые чепырнатцать дней почипалъ себя самымъ щаспливымъ человекомъ. Скороходъ мой былъ молодъ, веселъ и хорошъ собою. Я совсѣмъ ввѣрился ему, и въ два мѣсяца издержали мы полторы тысячи рублей, шу сумму, копорая была дана мнѣ на полгода. По шѣмъ щетамъ, копорые онъ мнѣ подавалъ, покупая разныя для меня вещи, примѣшилъ я наконецъ, что онъ былъ плушъ; однакожь деньги уже были издержаны. Я вошелъ въ долгъ, и отослалъ отъ себя скорохода, копорой при отходѣ своемъ укралъ у меня всѣ дорогія вещи.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ сего приключенія, поссорился я съ однимъ молодымъ Офицеромъ. Я бился съ нимъ на шпагахъ и получилъ двѣ раны, копорыя болѣе двухъ мѣсяцовъ заставили меня лежать на постелѣ. Въ это время размышлялъ я о своей безразсудности и вспыльчивости, и началъ усмапривать, что для щастія своего необходимо надл-
 житъ мнѣ болѣе слушаться разума, бо-
 лѣ

лѣе имѣть надъ собою власти и удержи-
вать первыя движенія жара моего. Я про-
жилъ въ полку годъ. Тогда началась война.
Я поѣхалъ въ армию, прослужилъ нѣсколь-
ко кампаній, оказалъ много ревности, но
мало способности. Я любилъ драться, но
не хотѣлъ учиться военному искусству.
Послѣ увидише, что служба моя была очень
не славна.

Между тѣмъ дядя мой всячески спа-
рался о моемъ благополучіи. Мнѣ былъ
двадцать первой годъ. Онъ хотѣлъ ме-
ня женить, и избралъ для меня такую же-
ну, которая бы сдѣлала жизнь мою ща-
сливою, если бы я не былъ самымъ
вздорнымъ и несправедливымъ человѣкомъ.
Невѣстѣ моей было семнадцать лѣтъ. Она
была прекрасна, крошка и откровенна.
Взоры ея показывали спокойную душу, и
никогда на лицѣ ея не видно было ни ма-
лаго знака неудовольствія, или нетерпѣ-
нія. Увидѣвши ее одинъ разъ, можно
было узнать все сердце ея. Душа ея
изображалась у нее въ глазахъ, и имѣла,
подобно тѣлу ея, красоту Ангельскую.
Разумъ у нее былъ здравой и проница-
тельной и совсѣмъ не по ея лѣтамъ; же-
ланія ея были умѣренны, а характеръ
имѣла она швердой. Она была съ вели-
кими

ними дарованіями, любила книги и работу. Всѣ ея поступки были просты, естественны и благородны. Звукъ голоса ея пронизалъ въ сердце. Она говорила не скоро; но какъ въ языкъ ея не было ничего принужденнаго, то такая нескорость придавала ей еще новую прелесть и обнаруживала великую ея скромность. Вотъ какова была та женщина, которую дядя мой выбралъ для составленія моего благополучія. При такихъ достоинствахъ не имѣла бы она нужды въ имуществѣ, однакожь она была богата. При женитьбѣ моей дядя отдалъ мнѣ во владѣніе все мое имѣніе, такъ что въ двадцать лѣтъ былъ я господиномъ большихъ деревень и мужемъ любезнѣйшей особы; отъ меня только зависѣло быть щасливымъ. Я смертельно влюбленъ былъ въ жену мою. Она была добродѣтельна и чувствительна. Я думалъ, что благополучіе мое вѣчно, но эшотъ сонъ скоро миновался,

Первую зиму послѣ женитьбы моей прожилъ я въ Москвѣ. Я нашелъ тамъ стараго моего друга Любова, и возобновилъ съ нимъ прежнюю искреннюю дружбу. Онъ имѣлъ всѣ шѣ хорошія свойства, которыхъ показывалъ въ первой своей юно-

ещи. Въ арміи отличилъ онъ себя славно, и въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ обыкновенно показываютъ только одну смѣлость и добрую волю, показалъ онъ величайшія дарованія, благоразуміе и истинную храбрость. Онъ имѣлъ завистниковъ, однакожь не клеветниковъ. Простота и скромность его обезоруживали ненависть, и онъ былъ всѣми любимъ столько, что тогда, кто бы не похвалилъ его поступковъ и хорошихъ свойствъ, былъ бы признанъ его непріателемъ.

Жена моя съ своей стороны свела шѣсную дружбу съ одною молодою вдовою, родственницею своею, которая извѣстна была въ городъ по хорошей своей славѣ, добродѣтели и разуму. Я навѣчно соединенъ былъ съ такою женщиною, которую предпочиталъ всѣмъ прочимъ; былъ любимъ дядею, котораго почиталъ я своимъ отцемъ; въ домъ у себя имѣлъ я всегда хорошее общество, нашелъ въ другѣ моихъ лѣтъ благоразуміе пожилаго чело-вѣка; наслаждался всѣми существенными благами, даже и шѣми, которыя суешность цѣнитъ дорого; наслаждался всемі шѣмъ благополучіемъ, которое доставитъ можетъ добродѣтельная любовь, на по-чтеніи основанная дружба, молодость, здо-
ровье,

ровѣ, богатство — Чего у меня еще не было? Одной только выгоды, безъ которой всѣ прочія бывающъ бесполезны: воспитанія.

Первые мѣсяцы послѣ моей женидѣбы были для меня самымъ мирнымъ и щасливымъ временемъ. Но скоро спало мнѣ казаться, что я менѣе щасливъ. Любовь къ женѣ моей всякой день во мнѣ возрастала и довела меня до всѣхъ несправедливостей и того ужаснаго чувства, которое лишаетъ человека и благоразумія и спокойствія. Я хотѣлъ, чтобы меня любили такъ, какъ я любилъ, по естѣству чрезвычайно. Жена моя имѣла ко мнѣ нѣжную и поспоянную склонность; но она была столько разсудительна, что не могла предаться необузданной страсти, которая могла бы затмить ея разумъ и уничтожить спокойствіе.

Сперва жаловался я нѣжно, но скоро сталъ ропотливъ, печаленъ, недоволенъ и подозрителенъ. Въ сердцѣ своемъ чувствовалъ я пайное отвращеніе отъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ, казалось, жена моя любила, а особливо отъ перваго ея друга. Однакожь столько еще было во мнѣ разума, что самъ себя я укорялъ

Итакимъ порочнымъ чувствомъ; почему спарался и сокрылъ его. Въ одинъ день, когда я былъ гораздо ропопливѣе обыкновеннаго, хопѣлъ иппи къ женѣ. Миѣ сказали, что она сидитъ въ кабинетѣ съ другомъ своимъ. Я отворилъ дверь и вошелъ съ великимъ движеніемъ. Онѣ говорили очень живо; но какъ скоро меня увидѣли, такъ скоро обѣ замолчали. Я примѣшилъ, что жена моя покраснѣлась, а поварищъ ея пришелъ въ великое смятеніе. Одно уже это могло взбѣсить меня. Сначала хопѣлъ я себя принудить и подшупить надъ шѣмъ замѣшательствомъ, которое причинилъ приходомъ своимъ. Не знаю, что говорилъ я въ первую минушу; помню только то, что я заикался, и что колѣни мои дрожали. Видѣ и слова мои дѣлали меня очень смѣшнымъ. Жена моя и не могла удержаться отъ улыбки. Эта улыбка совершенно меня взбѣсила. Я почелъ ее за насмѣшку, забылъ всю благоприсойность, и, не смотря на присутствіе гостыи, вдругъ обнаружилъ всю злобу свою. Лишь только унялся я бравиться, гостыя встала и вышла. Оставшись съ нею одинъ, я упихъ, пересталъ товорить и скорыми шагами началъ ходитъ взадъ и впередъ по

по горницѣ. По минушномѣ молчаніи сказала жена моя: эшо пророчествовали мнѣ передѣ свадьбою нашею, однакожь я не хотѣла тому вѣрить . . . Тупѣ по-смотрѣла она на меня глазами, исполненными слезѣ. Сколько я сожалѣю о васѣ! примолвила она: однакожь успокойтесь. Надѣюсь, что нѣжность моя, покорность и почтеніе, со временемѣ искореняпѣ изѣ васѣ эшотѣ жестокой порокѣ. — Послѣднія слова произнесла она съ такою чувствительностію и невинностію, копорыя проникли вѣ душу мою. Я чувствовалѣ всю вику свою; и со слезами бросилсѣ на колѣни передѣ ушѣшительницею моею, проспиравшею ко мнѣ руки и прощавшею мнѣ прежде еще извиненія моего.

Увидѣвши, что я былѣ вѣ состояніи слушать изѣясненіе, рассказала мнѣ жена моя, что вѣ шу самую минушу, какѣ я вошелѣ вѣ комнату, другѣ ея открылѣ ей шайну. Чайтельно, продолжала она, вы не захопите знать эшой шайны, копорая принадлежитѣ не мнѣ, и копорой по тому не должна я и сказывать. Но вѣ томѣ могу васѣ увѣрить, что вы ее нѣкогда узнаете. Такое изѣясненіе, вмѣсто успокоенія, произведо во мнѣ

тайное неудовольствие, которое я едва удержавъ могъ. Однакожь, будучи уже приспѣженъ оказаннымъ мною жаромъ, скрылъ я свою досаду и принялъ на себя довольной видъ. Въ такомъ положеніи, имѣвши нужду въ повѣренномъ, сыскалъ я Любова и открылъ ему сердце мое. Онъ обвинялъ меня, взялъ сторону моей жены и осыпалъ твердостью и благоразуміе ея великими похвалами. Но можно ли мнѣ, сказалъ я, сносить эту закрытость, открывая ей все? Я знаю, отвѣчалъ съ усмѣшкою Любовъ, чтобы ты открылъ ей тайну вѣрнѣйшаго своего друга. — „Тебя бы могъ я предать ей, а она пріятельницу свою не можетъ любить болѣе того, какъ я тебя люблю.“ — Вѣрю, но она знаетъ всѣ свои обязанности, а ты о нихъ никогда не думалъ. Добродѣтели у тебя только природныя, а она поступаетъ по непремѣннымъ правиламъ. Ты любишь ее спраспно, а она любитъ тебя истинною и добродѣтельной любовью, которая возвышаетъ и возвеличиваетъ душу ея, и которая никогда ни до какой безразсудности довести ее не можетъ. — „Понимаю, понимаю: она никогда меня такъ любить не будетъ, какъ я ее люблю. Въ ея глазахъ я
сума-

сумасшедшій: вѣрно это она тебѣ сказала. — Послѣднія слова выговорилъ я съ великимъ жаромъ. вмѣсто отвѣта пожалъ Любовь плечами, отворопился отъ меня и ушелъ. Я стоялъ какъ окаменѣлой, проклиналъ любовь, дружбу; былъ всемъ недоволенъ, что любилъ, и самимъ собою; я казался себѣ человѣкомъ самымъ несчастнѣйшимъ,

Не осмѣливаясь обнаружить злобу свою, я безпрестанно и на все ропталъ. Но крошость и терпѣніе жены моей наконецъ побѣдили худой нравъ мой. Дѣло пришло къ новому изъясненію. Я опять началъ говорить съ женою о пріятельницѣ ея; она сказала, что видѣться съ нею впредь не будетъ, примѣчая во мнѣ отъ нее отвращеніе. Я всегда буду любить ее, говорила она: ни что не принудитъ меня открыть ея тайну; однакожь нѣтъ такой любви, кошорою бы я не захошла вамъ пожертвовать. Слова ея пронули меня: вся ненависть моя къ пріятельницѣ ея изчезла. Я поскакалъ къ ней просить ее, чтобы она забыла вспыльчивость мою, и привезъ ее въ радости къ женѣ моей, съ кошорою не видалась она съ того времени, какъ я обнаружилъ при ней смѣшную злобу мою. Прочая часть зимы прошла

довольно спокойно. Весною поѣхалъ я въ армію. По окончаніи компаніи возвратился я въ Москву съ Любовымъ, которой съѣхался со мною дорогою. За три версты отъ города, дожидалась его карета, и одинъ изъ людей его отдалъ ему маленькое письмецо, которое читалъ онъ съ великимъ вниманіемъ. Онъ съѣлъ въ карету и поѣхалъ отъ меня. Хотя это отъ случая самъ по себѣ казался очень не важенъ, однакожь онъ занималъ меня и противъ воли моей произвелъ во мнѣ великое безпокойство, которому и самъ я не зналъ причины, или, лучше сказать, я спрашивалъ искать причину. До того времени думалъ я, что Любовь занятъ былъ только одною службою и чинами. Я увѣренъ былъ; что записка была отъ женщины; онъ читалъ ее съ великою чувствительностію; примѣшилъ я и то, что присутствіе мое его нѣсколько принуждало и приводило въ замѣшательство. Если онъ влюбленъ, такъ на что же ему отъ меня таиться? Если его склонность непорочна, такъ для чего же скрывать ее отъ вѣрнѣйшаго своего друга? --- Мнѣ пришло на мысль множество обстоятельствъ, которыя щещно старался я изгнать изъ памяти моей. — Жаръ, съ

ко-

которымъ онъ часто говорилъ о женѣ моей . . . Я задрожалъ; голова моя пришла въ безпорядокъ — я не могъ уже удалить отъ себя ужаснаго подозрѣнія, раздражавшаго мою душу. Съ какимъ то горестнымъ удовольствіемъ предавался я ревности, которую иногда и побѣдиль спарался — и въ такомъ расположеніи ѣхалъ я по городу. Жена моя не могла меня встрѣтить, потому что сильная боль въ горлѣ принудила ее не выходить изъ комнаты своей. Взоръ на все разсѣялъ вдругъ всѣ мрачныя мои мысли. Разсмапривая и слушая ее, чувствовалъ я возвращеніе спокойствія въ душѣ моей. Я укорялъ себя гнуснымъ подозрѣніемъ, и едва могъ вообразить, какъ оно пришло мнѣ въ голову.

Между тѣмъ смотрѣлъ я на Любова не съ обыкновеннымъ уже удовольствіемъ, когда онъ бывалъ со мною и съ женою моею. Однакожь страхъ, чтобы онъ не примѣшилъ принужденія моего въ обращеніи съ нимъ, мучилъ меня сильнѣе ревности; по какому-то странному прощиворѣчію почтеніе мое къ нему заславляло меня боясь, чтобы онъ не почелъ меня способнымъ къ такому низкому подозрѣнію. Иногда смотрѣлъ я на него какъ

на совмѣстника своего; но чаще всего почиталъ его судьбою, котораго уваженіе и одобреніе необходимы для щастія моей жизни. Такое сильное внутреннее безпокойство сильно дѣйствовало на характеръ мой. Когда спрасъ овладѣлъ сердцемъ нашимъ, тогда и всѣ наши мысли ей же покорены бывающъ, и мы находимся въ нѣкоторомъ родѣ сумасшествія, которое наконецъ и совсѣмъ лишитъ насъ разума. Не могли размышлять, никакъ не старался я испребить порока моего, но думалъ только о томъ, какъ бы скрыть его. Будучи неперпѣливъ и вспыльчивъ, подобно всѣмъ худо воспитаннымъ людямъ, а сверхъ того раздражаемъ пайною ревностію, которую только одну изъ всѣхъ пороковъ моихъ обнаружилъ боляся, былъ я всегда сердитъ, хотя часто и никакой причины тому найти было не можно. Тогда Ангельская кротость жены моей казалась мнѣ однимъ только лицемѣрствомъ, а медленность въ рѣчахъ притворствомъ, котораго не лзя было пергѣть. Наконецъ я почувствовалъ несправедливость свою. Я самъ увидѣлъ, что меня любить не возможно. Я приходилъ въ отчаяніе, въ которомъ жестоко упрекалъ себя шѣмъ, что любимаго человека

вѣка

вѣка дѣлалъ несчастнымъ, Я представлялъ себѣ жену мою со всѣми ея прелестями, Воображенію моему казалась она въ такомъ жалкомъ видѣ, что мнѣ не понятно было, какъ я могъ огорчать ее. Я приводилъ себѣ на мысль всю жестокость свою и вспыльчивость; такія мысли раздирали душу мою. Я видѣлъ въ себѣ безсмысленнаго пирана; я гнушался собою, и проливалъ горькія слезы раскаянія. Я хотѣлъ преодолѣть себя и почиталъ себя совершенно исправившимся; но черезъ три дни обнаруживалась опять вся жестокость моя. Будучи внутренно несчастливъ и по тому болѣе достойнѣ сожалѣнія, что самъ былъ причиною несчастія моего, искалъ я въ разсѣяніи нѣкотораго облегченія. Я свелъ новыя знакомства, и раза два въ недѣлю приглашалъ къ себѣ обѣдать и ужинать человекъ по трипцати. Я нанялъ въ театрѣ ложу, не пропускалъ во всю зиму ни одного представленія новыхъ театральныхъ сочиненій и ни одного маскарада, и всегда игралъ въ карты. Но никакія забавы не приносили мнѣ удовольствія; упохребляя худо время, далѣе и далѣе уходилъ я отъ щастія, не говоря уже о томъ, что испощалось имущество и здоровье мое.

Любовѣ оказывалъ мнѣ неудовольствіе свое въ разсужденіи моего новаго рода жизни. Ты спановишься игрокомъ, говорилъ онъ, и предаешьсяпой несчастной спраспи, копорая менѣе всѣхъ простипельна. Думалъ ли пыг когда нибудь, чѣмъ хочешъ и необходимо долженъ бышь попъ, кто *ремесломъ игрокъ*, п. е. кто хочешъ обогатиться игрою? Да и какимъ средствомъ? На щепъ пѣхъ людей, съ которыми онъ живешъ. — „Я не входилъ въ глубокія о помъ размышленія. Однакожь знаю шо, что можно бышь игрокомъ и не поперяшь славы честнаго человека. „ ---- Конечно, всегда проигрывая; не говорю уже, разоряя себя: попому что это неизбѣжная судьба щаспливаго и несчастнаго игрока. Одинъ продастъ деревни свои прежде, а другой послѣ: вопъ между ними все различіе. Но для сбереженія добраго имени не довольно пого, чтобы наконецъ разориться: надобно никогда, ни укого и ни полушки не выигрывать. ---- „Такъ пы думаешь, что игрока не лзя почитать честнымъ человекомъ? „ ---- По крайней мѣрѣ многія не признаютъ его таковымъ. Сколько непріятелей наживешъ онъ себѣ! Мать въ опчаяніи называстъ его обманщикомъ,

дөведшимъ до нищеты сына ея; а отецъ пославляешъ его дѣтямъ своимъ въ примѣръ подлости. Ненависть гонитъ его, злословіе угнѣшаетъ, разумъ и самое челоуѣколюбіе его осуждаютъ. Кто же при такомъ всеобщемъ пресрѣннн за него вступишься и будетъ его защищать? Друзья его? Да развѣ есть у игрока друзья? Могутъ ли они бытъ у того челоуѣка, которой всякой день грабитъ пакъ называемыхъ друзей своихъ? — „Не уже ли ты никогда не находилъ такихъ игроковъ, которыхъ бы ты могъ удостоить почтенія своего?„ — Конечно, я зналъ и такихъ; но еспыли бы эпова не доказалъ мнѣ опытъ, такъ бы, признаюсь тебѣ, по разуму почелъ эпо невозможною. Люди, которыхъ думаютъ только о средствахъ къ обогащенію своему, почитаютъ честь за предразсужденіе. Когда думаешь только о томъ, какъ бы *выиграть деньги*, тогда трудно сохранить благородныя чувства. Честность такихъ людей ограничивается только тѣмъ, чшобы не красъ, а такой родъ честности никогда еще не почитался за отличной знакъ благонаравія. Такимъ образомъ вообще думаютъ о нѣкоторыхъ людяхъ (причемъ однакожь надобно положить многія из-

ключе-

ключенія), которыя весьма законными средствами и предвидѣніемъ случайныхъ обстоятельствъ, къ чему потребенъ великой разумъ, находятъ пайну скоро богачѣтъ. Естли и прошивъ такихъ людей дѣйствуетъ предразсужденіе, такъ что же думать о игрокахъ? Что думать о такомъ человѣкѣ, которой щастіе свое ищетъ всегда въ несчастіи другихъ, и благополученъ бытъ можетъ только злополучіемъ ближнихъ? Тотъ, кто посвящаетъ себя этому горестному и мучительному ремеслу по одному корысполубію, довольно ясно доказываетъ, что желаніе, или надежда выиграть деньги, можетъ заставить его принести всякую жертву. А кто же дѣлаетъ все для такой подлой корысти, тотъ ничего не дѣлаетъ для чести. — „Однакожь, другъ мой, я съ своей стороны не совѣшую тебѣ показывать публично нетерпимости своей въ разсужденіи игроковъ, въ такое время, въ которомъ мы живемъ; иначе наживешь ты себѣ многихъ непріятелей.“ — Этого спряхъ, отвѣчалъ Любовъ, не помѣшашь мнѣ говорить полезныя истинны.

Разсужденія Любова подѣйствововали нѣсколько на разумъ мой. Но мода и примѣръ скоро изгнали у меня изъ памяти до-

добрый совѣтъ его, и отъ слабости и праздности сдѣлался я игрокомъ. — Одна-кожь, продолжалъ Г. Чудинъ, теперь уже одиннадцатой часъ; и такъ мнѣ время замолчать о дурачествахъ моей молодости. Завтра ввечеру услыши продолженіе моихъ приключеній. — На другой день по общанію Г. Чудинъ продолжалъ разсказывать повѣсть свою.

Вкусъ, копорой я нашелъ въ игрѣ, болѣе и болѣе распроспранялъ кругъ знакомства моего. Я ѣздилъ во всѣ открытыя дома, будучи увѣренъ, что всегда найду шамъ игроковъ. Ужинавши у Господина * * * *, выигралъ я у одного молодого человека, Господина Добровидова, десять тысячъ рублей. Я не зналъ его, однакожь видѣ его полюбился мнѣ. Я видѣлъ, что онъ былъ въ опчаяніи, проигравши такую большую сумму. Не былъ я еще такимъ совершеннымъ игрокомъ, чтобы заниматья только одними деньгами; почему и почувствовалъ великое желаніе проиграть ему деньги назадъ. Онъ примѣшилъ это, и не хотѣвши по чувствительности своей воспользоваться намѣреніемъ моимъ, переспалъ играть, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ на ухо, будучи самъ въ великомъ движеніи, что

завтра получу я деньги. Онъ потчасъ уѣхалъ и оставилъ во мнѣ печальное впечатлѣнiе, которое еще умножилось несчастiемъ моимъ въ игрѣ. Я проигралъ пять тысячъ рублей, и въ шесть часовъ поушпру возвратился домой, будучи ушполенъ и раздосадованъ собою и несчастнымъ вечеромъ. Проснувшись, получилъ я десять тысячъ рублей, которые выигралъ у Г. Добровидова; а черезъ четыре дни послѣ того вошелъ ко мнѣ въ комнату поушпру дядя и сказалъ, что ему надобно поговорить со мною о важномъ дѣлѣ. Мы пошли въ кабинетъ, и на вопросъ мой, что ему угодно, отвѣчалъ онъ мнѣ: я въ опчаянiи, и ты причиною этого. — „По чему?“ — Ты знаешь, что Вѣровъ прищипалъ лѣтъ уже щипается моимъ другомъ. У него одна дочь, которую онъ чрезмѣрно любитъ. Эта дѣвушка по воли отца своего и по еобственной любви гопова была вышпи замужъ за Господина Добровидова. Съ обихъ сторонъ радовались... „Что же?“ — То, что Добровидовъ проигралъ тебѣ десять тысячъ рублей. Вѣровъ не хочетъ выдать своей дочери за игрока, и взялъ свое слово назадъ; однакожь это еще не все. Отецъ несчастнаго молодого человека,

вѣка,

вѣка, огорченной такимъ приключеніемъ, засадилъ его въ самой худой горницѣ своего дома, и говоряшъ на два года. --- „Боже мой! и такъ несчастной молодой человѣкъ лишился вдругъ любви отца своего, своей невѣсты и вольности! Я ужасаюсь, будучи невинною причиною его несчастія; однакожь могъ ли я знать обспоятельства его? Могъ ли я удержатъ его отъ безразсудности? „ — Нѣтъ, не зная подлиннаго состоянія людей, не знаешь и того, могутъ ли они заплашиться безъ большаго себѣ вреда, или, по крайней мѣрѣ, безъ разоренія своего, когда ихъ обыграешь въ большую игру. Такимъ образомъ всѣ игроки бывающъ и безсмысленны и безчеловѣчны: ибо играть въ большую игру съ шѣмъ, копорой не можешъ плашиться, есть дурачество; а съ шѣмъ, копорой хопя заплашиться и можешъ, однакожь заплашою разоряешъ себя и дѣтсей, варварство. Игрокъ обыкновенно полько при несчастіи одумывается. Тогда открывающся нѣсколько глаза разсудка его: онъ укоряешъ себя страстію своею, видитъ свою и ближнихъ своихъ погибель. -- Такая картина трогаешъ его и производитъ въ немъ справедливое раскаяніе; но если бы корыстолюбіе не удаляло отъ

Часть X. Но. 20. Ж сердца

сердца его естественныхъ ощущений, по какое бы множество печальныхъ мыслей пришло къ нему въ голову при его выигрышѣ! Тогда бы онъ сказалъ самъ себѣ: „Въ какомъ состояніи могутъ теперь быть тѣ, которые мнѣ прислали деньги! Можеть быть, для заплавы мнѣ, долги природы пожертвовали долгу чести, продали деревни, лишили дѣтей наслѣдства, чтобы освободиться отъ того стыда, которой бываетъ участію неплавающихъ проигрыша своего. Естьли эта сумма, которую опредѣляю на свои удовольствія, составляла все имущество заплавившаго мнѣ ее; естьли это тѣ несчастной изъ отчаянія прибѣгнетъ къ какому нибудь ужасному дѣлу, — — Перестаньте, дядюшка, перервалъ я: у меня кровь въ жилахъ останавливается. Тутъ въ столѣ лежатъ десять тысячъ рублей бѣднаго Добровидова; я смотрѣть на нихъ не могу. Однакожь могу ли я упрекать себя тѣмъ несчастіемъ, котораго былъ я самою непосредственною причиною? Я не принуждалъ Добровидова къ игрѣ, да и не могъ опказаться взять его денегъ. — „Правда; но развѣ ты не знаешь, что всякой игрокъ необходимо долженъ быть причиною

ты-

тысячи такихъ приключеній? Это самое и заставляетъ всякаго добраго человѣка гнушаться ремесломъ игрока. Не уже ли будемъ мы тогда только *невинною причиною* несчастія, когда это несчастіе есть необходимое слѣдствіе поступка нашего? Въпродумъ, человѣкъ всегда праздно и всегда занятой, бесполезной гражданинъ, отъ скуки скачущій безпрестанно изъ одного мѣста въ другое, мучащій лошадей своихъ до смерти — Въпродумъ задавилъ недавно на улицѣ одного человѣка. Ты знаешь, какой шумъ сдѣлало это приключеніе, и какъ всѣ бранятъ его. Для чего же? Для того, что Въпродумъ довелъ себя до этого несчастія своею безразсудностію; для того, что онъ скакалъ всегда во весь духъ; для того, что такое дурачество происходитъ всегда отъ безчеловѣчія и безсмыслія. — Довольно, довольно, дядюшка, сказалъ я: вы открываете мнѣ глаза. Я не долго былъ игрокомъ, и былъ по тому только, что никогда не входилъ въ размышленіе. Теперь бы сдѣлался я въ собственныхъ своихъ глазахъ непростишельно виновенъ, если бы не воздержался отъ такой опасной страсти. — Въ самомъ дѣлѣ, Добровидово приключеніе и представленія дяди моего

произвели очень сильное впечатлѣніе въ разумъ и сердце моему.

Въ тотъ же еще день поѣхалъ я къ отцу Добровидова, чтобы возвратить десять тысячъ рублей, которые выигралъ я такъ несчастно у сына его, увѣряя его, что соглашусь на всѣ условія въ разсужденіи заплаты этой суммы, въ которой мнѣ теперь нѣтъ никакой нужды. Но я получилъ презрительной отказы; да еще дали мнѣ разумѣть, что великодушіе мое почитаютъ за великодушіе ложное, и чтобы я не сдѣлалъ такого предложенія, если бы не увѣренъ былъ, что оно не будетъ принято. Раздосадованной такою несправедливою укоризною, вдругъ вскочилъ я и сказалъ: хопя вы неупросимы и не хопите возвратить свободы сыну вашему, однакожь деньги, которыми я гнушаюсь, у меня не останутся: я ихъ пошасъ роздамъ бѣднымъ и нуждающимся. Онѣ сдѣлали одного несчастливому — по крайней мѣрѣ надобно имъ послужить въ помощь нѣкоторымъ бѣднымъ людямъ. — Я сдержалъ свое слово, и скоро роздалъ весь свой несчастной выигрышъ.

Оставивши игру, долженъ я былъ оставить многія новыя знакомства, которыя свелъ я мѣсяца за три передъ тѣмъ.

Же-

Женою своею я очень не много занимался, и въ объятія къ ней возвратился съ восхищеніемъ. Она приняла меня съ нѣжно-спію и такимъ снизхожденіемъ, которое мнѣ ее въ тысячу разъ любезнѣе прежняго сдѣлало. Въ первыхъ минушахъ такого примиренія, признался я передъ нею во всѣхъ своихъ порокахъ и дурачествахъ; я не скрылъ отъ нее даже и того, что по жестокой несправедливости ревновалъ я къ Любому. Жена моя, казалось, приведена была такимъ признаніемъ въ ужасъ и огорченіе, и бояся, чтобы я опять не впалъ въ эту слабость, совѣтовала мнѣ звать къ ней Любова гораздо рѣже прежняго, потому что съ нѣкотораго времени переспалъ онъ самъ собою посѣщая меня часто.

Такой совѣтъ былъ очень благоразуменъ, но я не послѣдовалъ ему. Я надѣялся на свое излѣченіе и хотѣлъ это доказать. Я поѣхалъ къ Любому и старался всячески убѣдить его въ томъ, что я спалъ разсудительнѣе; онъ любилъ меня и легко мнѣ повѣрилъ. Хотя по общему своему разуму и проникъ онъ въ ревность мою, однакожь вѣрныхъ доказательствъ тому никакихъ не было, и онъ увѣренъ былъ, что ревность моя была ми-

нужная. Между тѣмъ думалъ онъ, что при возобновленіи нашей дружбы поступилъ благоразумно, если бы показалъ мнѣ опытъ своей довѣренности, которой къ несчастію произвелъ во мнѣ совсѣмъ противоположное ожиданію его дѣйствіе. Онъ признался мнѣ, что давно пишетъ уже въ себѣ тайную склонность. Но та, которую люблю я, сказалъ онъ, взяла съ меня честное слово не открывать этой тайны ни одному человѣку. Важныя фамиліныя причины принуждаютъ ее къ соблюденію такой тайности. Только за три дни передъ симъ получилъ я позволеніе открыть тебѣ состояніе сердца моего, хотя въ этотъ годъ болѣе тысячи разъ я просилъ ее о томъ. — Такое признаніе возстановило бы можетъ быть навсегда спокойствіе въ сердцѣ моемъ, если бы Любовь открывался мнѣ съ видомъ чистосердечія; но желавши доказать мнѣ довѣренность свою, желалъ онъ вывести меня изъ всякаго противъ себя подозрѣнія. Онъ хотѣлъ скрыть отъ меня также и то, что примѣтилъ ревность мою: а такое припворство сдѣлало видъ его столь безпокойнымъ и смятеннымъ, что я почувствовалъ въ себѣ снова ужасное подозрѣніе.

Если

Естьли бы онъ прямо сказалъ мнѣ истину и признался, что примѣшилъ оскорбительное мое безпокойство, примолвивши, что для предохраненія меня отъ такой несправедливой ревности открываетъ онъ мнѣ свою тайную любовную связь: то говорилъ бы онъ безъ всякаго смятенія, и меня бы вѣрно убѣдилъ. Но по нѣжности своей не хотѣлъ онъ приспыдись меня въ своихъ глазахъ. Онъ старался показать, что такое подозрѣніе ни на одну минушу не приходило ему въ голову; почему и не могъ онъ говорить свободно, и голосъ и видъ его совсѣмъ не подтверждали истины словъ его. Глаза его убѣгали моихъ. Онъ боялся, казалось, чтобы мыслей его не узналъ я по его глазамъ, и былъ въ примѣшномъ замѣшательствѣ. Я подумалъ, что онъ меня обманываетъ, и по несчастной ослорожности воспалилъ во мнѣ Любовь шу ревность, которую совершенно пошущить хотѣлъ. Такимъ образомъ и самое невинное притворство имѣетъ всегда худыя слѣдствія. Всякая хитрость опасна и почти необходимо вредна. Благоразуміе не велитъ никогда прибѣгать къ неправдѣ, выдумкамъ и уверткамъ: во всякихъ обстоятельствахъ жизни велитъ оно быть

прямымъ и искреннимъ. Вотъ правило всякой хорошей души, вотъ совѣтъ основательнаго и здраваго разсудка. — — Однакожь я за должность починалъ скрывать то, что происходило въ сердцѣ моемъ. Но сердце мое было смертельно уязвлено, и я рѣшился съ большимъ еще примѣчаніемъ смотрѣть на всѣ поступки Любова. Между тѣмъ огорченіе и нужда открывать кому нибудь душу мою, довели меня до великой неоспорожности. Въ ревности своей признался я многимъ людямъ. Привыкли уже думать, что жалующійся мужъ бываетъ правъ и всегда знаетъ болѣе того, что сказывается. Жену свою я обезславилъ и далъ злымъ людямъ причину всячески чернить ее. Я былъ несправедливъ, малодушенъ, беземысленъ и при всякомъ случаѣ дѣлалъ себя смѣшнымъ. Разсмапривая Любова всегда глазами подозрѣнія, болѣе и болѣе я въ мысляхъ своихъ утверждался. Не могли наконецъ сносить досады своей, и зная, что Любовь по обстоятельствомъ своимъ проживетъ въ Москвѣ долго, поѣхалъ я съ женою въ подмосковную свою; другъ моей жены и дядя мой поѣхали съ нами же. Ревность, мучившая сердце мое, такъ перемѣнила характеръ мой, что я равнодушенъ былъ

къ

кѣ такимъ вещамъ, копорымъ бы меня наиболѣе занимать надлежало. Я съ неперпѣніемъ желалъ дѣшеі: жена моя была уже пять мѣсяцевъ брюхапа, однакожь мнѣ едва ли приносило эпоа какое нибудь удовольствіе, хотя она была чрезмѣрно рада и безпреспанно почти говорила о воспитаніи младенца, хопѣвши сама и кормить его. Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ нашемъ въ деревню, вошелъ я въ комнату къ женѣ моей, чптобы съ нею изъясниться. Къ нещаспію, она вышла тогда съ другомъ своимъ, и мнѣ сказали, что онъ въ саду. Я рѣшилса дожидаться ее, вошелъ въ ея кабинетъ, сѣлъ на канапе и вдаля въ печальное размышленіе. Черезъ четверть часа скучилса я ждашь, и вспалъ. Движеніемъ своимъ сронилъ я подушку, и въ углу канапе увидѣлъ маленькой ларчикъ, копораго никогда не видалъ въ рукахъ у жены моеі, хотя онъ былъ уже и не новой. Довольно уже было эпова для возбужденія во мнѣ любопытства и пысячи огорчительныхъ предчувствій. Я взялъ ларчикъ, положилъ его въ карманъ и побѣжалъ къ себѣ въ комнату. Я заперса, бросилса въ креслы и долженъ былъ опдыхать, попому что совсѣмъ почти задохнулса, и ужасная пля-

гость въ сердцѣ едва позволяла мнѣ переводить духъ. Дрожащія мои руки не могли держать несчастнаго ларчика. Я поставилъ его на столъ, разсматривалъ и почувствовалъ, что глаза мои наполнились слезами. Что дѣлаю? вскричалъ я — То, чего бы никакъ не извинилъ въ другомъ. Одна печать на письмѣ для всякаго честнаго человѣка священна, а я хочу сорвать замокъ? — Боже мой! не уже ли насиліе и подлость спали мнѣ негнусны? . . . Вошъ до чего могушъ довести спраспи! — — Такія мысли привели меня въ шепетъ. Я хотѣлъ было опнести ларчикъ назадъ, не открывши его: но спраспь побѣдила. Почувствовавши, что ей не могу пропивинься, съ свирѣпствомъ схватилъ я ларчикъ и позжалъ замокъ, которой потчасъ и ссочилъ. „Боже мой! что я вижу! портретъ!„ — Я задрожалъ, сердце мое билось скоро и сильно. Будучи внѣ себя, съ ужасомъ разсматривалъ я портретъ — „Можно ли не узнать его? — Злодѣй! — Любовь! — Эпо онъ, онъ! — Невѣрвой! ты умереть долженъ!„ — — „Она конечно не виновата, съ жаромъ перервала Катерина: я въ этомъ увѣрена. А еспьли вы ее убили, государь мой, такъ

такъ переспаньше рассказывать. „ — Г. Чудинъ улынулся и продолжалъ: Успокойтесь; если она невинна, такъ самъ Богъ защититъ ее, и я одинъ буду сожалѣнія достоинъ. Послушайте развязку этой печальной исторіи. Въ первомъ движеніи злобы моей совсѣмъ потерялъ я разсудокъ и память. Жена была въ глазахъ моихъ чудовищемъ. Я горѣлъ желаніемъ ее погубить, обезчестить и цѣлому міру объявить стыдъ ея и мое несчастіе. Я сѣлъ писать къ Любову письмо со слѣдующаго содержанія:

„Наконецъ я увѣрился, что ты са-
„мой вѣроломной и негодной человѣкъ.
„Не думай, чтобы ты когданибудь
„меня обманывать могъ; давно уже я все
„знаю. Нынѣшнимъ вечеромъ въ девять
„часовъ ожидаю тебя съ двумя пистоле-
„тами въ . . . Я избираю оружіе, а ты
„избери свидѣтелей. „

Написавши письмо, бросился я изъ дверей моего кабинета. Камердинеръ мой шелъ мнѣ на встрѣчу. Тѣлодвиженія мои и смященной видъ мой привели его въ ужасъ, и онъ остановился. Я отдалъ ему письмо, велѣвши тотчасъ отослать его. Послѣ этого примолвилъ ему страшнымъ голосомъ: пооди, скажи Госпожѣ своей,

своей, что я тотчасъ уѣду, и что черезъ восемь дней самой опдаленной монастырь сокроешь ее навсегда опъ глазъ знакомцевъ ея! Въ ту же минушу велѣлъ я закладывать каресу и побѣжалъ въ комнату къ дядѣ. Онъ былъ одинъ. Спешной видъ мой заставилъ его вскочить со стула. Въ короткихъ словахъ рассказалъ я ему приключеніе свое, увѣряя его, что еще и прежде этого ужаснаго открытія увѣренъ я былъ въ невѣрности жены моей. Дядя мой еще сомнѣвался. Онъ уговаривалъ меня не дѣлать никакого шума и рѣшился уже на что нибудь по хладнокровномъ размышленіи, примолвивши, что рѣшенія въ первыхъ движеніяхъ гнѣва бываютъ всегда неблагоприятны и послѣ причиняютъ досаду и раскаяніе; что самое вѣроятнѣйшее подозрѣніе бываетъ часто обманчиво, и что чѣмъ долѣе живешь въ мірѣ, тѣмъ болѣе приобретаешь опытовъ, и тѣмъ менѣе поспѣшенъ становишься въ заключеніяхъ своихъ. Но дядя мой говорилъ съ глухимъ; въ опчаяніи занимался я однимъ мщеніемъ и его совѣтмъ не слушалъ. Я былъ въ самой мрачной и глубокой задумчивости, какъ отворилась дверь. Я взглянулъ, но — Боже мой! что

почувствовалъ я, увидѣвши жену свою! — Дерзкая шварь! закричалъ я: поди вонъ, или злоба моя . . . Тупъ дядя мой, приведенной въ ужасъ, бросился на меня и схватилъ мои руки, которыя ему удержатъ не прудно было; жена шла прямо ко мнѣ, оборотилась къ дядѣ и сказала: пушите его; мнѣ не чего бояться. — Я не могу описать вамъ, какое впечатлѣніе сдѣлали слова ея въ сердцѣ моемъ. Звукъ Ангельскаго голоса ея возбудилъ въ душѣ моей сомнѣніе и раскаяніе. Вся злоба моя исчезла. Съ препеномъ смотрѣлъ я на жену свою. Величество, разпростиравшееся по всему лицу ея, придадо красотѣ ея совсѣмъ новой блескъ, а увѣришельной, важной и покойной видѣ ея привелъ меня въ удивленіе и страхъ. Въ какомъ-то безчувствіи стоялъ я неподвижно и глядѣлъ на нее, не могши выговорить ни одного слова. По минутномъ молчаніи жена моя посмотрѣла вокругъ себя, и увидѣла на столѣ открышой ларчикъ, которой бросилъ я тушь, вбѣжавши въ комнату къ дядѣ. Съ хладнокровіемъ подошла она къ столу, взяла ларчикъ и сказала: такъ вотъ причина того состоянія, въ которомъ себя нахожу, и сдѣланной мнѣ обиды! — Можно ли, вос-

клик-

кликнулъ я, можно ли бышь тебѣ невинною? Но — что говорю я? посмотрѣвши на тебя, тебя оправдаешь. — „Для чего же ты, свирѣпой человекъ, осудилъ меня безъ моего оправданія?“ — Да вишь это поршреть Любова? — „Да онъ не мой“, — Могу ли я повѣришь? — „Любовъ шесть мѣсяцовъ уже женашъ. Эшотъ ларчикъ жены его, а эта жена моя пріятельница.“ — Такое краткое и ясное исполкованіе разсѣяло все подозрѣніе и все сомнѣніе. Оно навсегда уничтожило ревность мою; но глазамъ моимъ представило мня въ такомъ порочномъ видѣ, что частію моею содѣлались стыдъ и раскаяніе, которые лишили меня всѣхъ радостей. Я не могъ насладиться счастьемъ своимъ, нашедши опять супругу свою добродѣтельною и любезною; я недостойнъ былъ ее.

Дядя мой съ слезами бросился обнимать жену мою, а я стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, будучи въ величайшемъ смятеніи; но раскаяніе мое было совсѣмъ не нѣжно, и я не надѣялся уже получить прощенія. Жена моя, обнимавши дядю, пролила нѣсколько слезъ. Послѣ того приблизилась она ко мнѣ съ холоднымъ

В важнымъ видомъ, и начала подробно рассказывать исторію друга своего. Два уже года любишь она Любова, сказала жена моя: но бывши небогата и оидавши большаго имѣнія отъ своего дѣдушки, которой хотѣлъ выдать ея за одного своего однофамильца, рѣшилась она скрывать отъ него склонность свою къ Любому. Наконецъ по сильной Любовою прозвѣ согласилась съ нимъ обвѣнчаться, только съ тѣмъ условіемъ, чобы бракъ ихъ упаить до того времени, какъ она надлежащимъ образомъ приготовитъ къ тому дѣдушку своего, думавши, что нѣкоторымъ терпѣніемъ заставитъ его дать свое на бракъ ихъ соизволеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, продолжала жена моя, относяся все ко мнѣ, дѣдушка ея съ нѣкотораго времени нечувствительно приходилъ въ то расположеніе, въ которое она хотѣла привести его. Она уже хотѣла ему открыть бракъ свой черезъ шесть недѣль, въ то время, въ которое необходимо надобно уѣхать изъ Москвы правящему имѣ человѣку, готовившемуся ей въ женихи; но шумъ, которой ты сдѣлалъ, можетъ вдругъ уничтожить всѣ такія мѣры. Пріятельница моя оставила свой ларчикъ у меня въ кабинетѣ. Не на-

нашедши его путь и услышавши отъ камердинера, что ему вѣрно было мнѣ сказать, легко угадала она истину. Я знаю дѣдушку, сказала она, и увѣрена, что сѣдавши о замужствѣ моемъ, онъ лишитъ меня своей милости; но я готова съ радостію чести и спокойствію друга моего пожертвовать тѣмъ имѣніемъ, которое бы мнѣ отъ него получить слѣдовало. Подите оправдаться передъ вашимъ мужемъ, а я поѣду къ своему и расскажу ему все приключеніе.

Путь вспомнилъ я письмо мое къ Любову. Занимавшись съ часъ одною женою моею, забылъ я цѣлой міръ, и чрезвычайное мое замѣшательство всѣ мысли мои привело въ безпорядокъ. Но когда мнѣ пришло на мысль, какъ обидѣлъ я Любову, то вдругъ закричалъ: Боже мой! вѣрно уже Любовъ получилъ записку мою! — Я почувствовалъ новое безпокойство. Всѣ оскорбительныя выраженія пришли мнѣ вдругъ въ голову и раздирали сердце мое. Между тѣмъ поспѣшъ написалъ я къ Любову письмо. Я просилъ у него прощенія и милосердія; заклиналъ его забыть пресупленія мои, за которые уже жестоко наказываютъ меня

рас-

раскаяніе и опчаяніе. — Я легъ спать, не получивши отвѣта. Но поутру, лишь только я успѣлъ проснуться, опдали мнѣ письмо отъ Любова. Съ препепомъ распечаталъ я его, и оно было такого содержания:

„Правда, что я былъ другомъ твоимъ, но ты моимъ никогда не былъ; подозрѣвавши меня, по собственному твоему признанію, въ такомъ подломъ вѣроломствѣ и почиавши меня *самымъ негоднымъ человекомъ*. — Признаюсь, что я давно замѣтилъ твою ревность; однакожь думалъ, что сердце твое пропитворѣчитъ тебѣ и сохраняетъ ко мнѣ дружеское почтеніе. Я думалъ, что ты предполагаешь во мнѣ невольную спрасть, и думаешь, что я самъ заблуждаюсь въ разсужденіи моего чувства. Коротко сказать, я почиалъ тебя *человѣкомъ спраннымъ, не умѣющимъ обуздывать воображенія своего; ни одну минушу, думалъ я, не можешь ты сомнѣваться въ честности друга твоего. Вопѣ бывшее мое о тебѣ мнѣніе. Разрушивши его, разрушилъ ты навсегда дружбу, на которой оно основано было. Вѣроянность, говоришь ты, была въ послѣднемъ случаѣ очень велика! — Но развѣ*

„ты и прежде эпова не безчестилъ меня
„въ сердцѣ своемъ тысячу разъ? Сверхъ
„того, можно ли заключать по одной
„вѣроятности въ такомъ дѣлѣ, копо-
„рое касается до чести жены и друга?

„Рѣшившись никогда съ побою не
„видашься, надлежитъ мнѣ въ этомъ письмѣ
„разрѣшивъ всѣ сомнѣнія, копорья мо-
„гутъ въ тебѣ еще оспаться въ разсуж-
„деніи благоразумныхъ поступковъ суп-
„руги швоей. Опъ челоуѣка моихъ лѣтъ
„конечно бы не согласилась она принять
„никакой пайности. Въ этомъ жена моя
„была увѣрена. По чему, ввѣривши ей
„свою пайну, увѣрала она ее, что я того
„не знаю, и узнаю только тогда, когда
„эша пайна не будетъ уже для тебя пай-
„ною. Съ другой стороны жена моя опа-
„салась швоей неоспорожности. А бояв-
„шись смертельно того, что бы я не оп-
„крылъ тебѣ моего сердца, заставила она
„меня обѣщаться никогда о ней не гово-
„ришь съ побою; а что бы еще сильнѣе
„убѣдить меня, то увѣрила меня,
„что рѣшилась ни одному челоуѣку не
„открывать этой пайны, даже и самой
„супругѣ швоей, и только вчера призна-
„лась она мнѣ въ этой хипрости. По-
„чув-

„чувствуй послѣ такого изъясненія, оп-
„крывающаго тебѣ всю твою несправед-
„ливость, какъ спрашно пріобрѣташь по-
„знанія одними своими заблужденіями. Раз-
„судокъ и совѣтъ дружбы не воздѣйство-
„вали въ душѣ твоей: хотя бы опытъ по
„крайней мѣрѣ сдѣлалъ тебя благоразум-
„нѣе! — Особливо же подумай о томъ,
„что питаешь безпреспанную недовѣрчи-
„вость къ любезнѣйшимъ особамъ, имѣшь
„на нихъ тайное гнусное и самое оскор-
„бительнѣйшее подозрѣніе, есть несносное
„мученіе слабыхъ душъ и праведное на-
„казаніе злыхъ.

„Прости! ты теряешь вѣрнаго друга,
„а я одну мечту; но она была мнѣ
„столько любезна, что вѣчно буду со-
„жалѣть о ней. — Какое общество, ка-
„кой союзъ разрушилъ ты! — Несчаст-
„ной! какое щастіе отвергнулъ ты опъ
„себя! — Какъ я о тебѣ сожалѣю! —
„Но тебѣ открывається еще источникъ
„новаго благополучія: скоро будешь ты
„опцемъ и можешь еще быть щастли-
„вымъ.

Лишь только прочиталъ я это письмо,
вошелъ ко мнѣ въ комнату дядя. Поди,
сказалъ онъ, жена тебя спрашиваетъ. ны-
нѣшняя ночь была для нее очень мучи-

шельна; вчерашнее приключеніе привало ее въ такое безпокойство, которое при теперешнихъ ея обстоятельствахъ можетъ имѣть худыя слѣдствія — „Боже мой! — надоело послать въ Москву поскорѣе за докторомъ. — Я уже послалъ: жена моя къ несчастію получила нынѣ поутру весьма огорчительное извѣстіе. Она получила письмо отъ Любовою, которое само по себѣ хотя и ничего не значило, однакожь, узнавши, что принесъ его камердинеръ ея, призвала она его къ себѣ и свѣдала, что пріятельница ея открыла дѣдушкѣ замужство свое, а онъ такъ озлобился, что нѣтъ надежды къ миру. Это пронудило жену мою, и мучилъ ее болѣе по тому, что ты одинъ всему причиною. — Между тѣмъ въ величайшей горести я одѣвался, и пошелъ къ женѣ. Къ ней пришла лихорадка, и она очень страдала. Докторъ пріѣхалъ и сказалъ, что она выкинетъ. Въ этотъ же еще вечеръ исполнилось предсказаніе его: Безумъшная жена моя не могла скрыть чрезвычайной своей печали. Вотъ, сказала она, заливаясь слезами, вотъ, чего ты мнѣ стоишь! — Эта жестокая укоризна, первая еще съ моего брака, привела меня въ ужасное состояніе. Я презиралъ себя и почиталъ себя

себя

себя навсегда возненавидѣннымъ; и вмѣсто того, чтобы подумать о исправленіи своего преступленія, только что его увеличилъ, и пришелъ въ тихое опчаяніе, или самое сильное уныніе.

Какъ скоро жена моя оправилась, возвратились мы въ Москву. Напрасно хотѣла она скрыть отъ меня глубокую печаль свою: она грустила о младенцѣ и своей пріятельницѣ, потому что Любовь, не хотѣвшая никакъ и ни за что со мною видѣться, уѣхалъ съ нею въ дальнюю свою деревню. Скоро послѣ нашла она причину къ новой печали, которая не менѣе прежнихъ протѣла ее. Многимъ извѣстна стала ревность моя. Разнымъ образомъ рассказывали послѣднюю нашу исторію и безразсудной мой припомъ поступокъ. Женидба Любова не оправдала жены моей въ глазахъ большей толпы, которая привыкла обманываться ложными слухами. Изъ надѣланнаго мною шума и разрыва дружбы нашей съ Любовымъ заключили, что жена моя не совсѣмъ невинна. Она примѣшила это по тому, что ее вездѣ стали принимать гораздо хуже прежняго; совсѣмъ почти лишилась она того почтенія, которое прежде къ ней имѣли. Не могли по чувствительности своей снести этого

равнодушно, а по пощкой гордости на шо жаловашься, сокрывала она во внутр-ренности своей жестокою печаль. Видѣлъ я невинное и великое ея спраданіе. Сильнѣе прежняго чувствовалъ я, что до-стоинъ былъ всей ея ненависти, будучи причиною всѣхъ мученій ея. Почитавши себя предметомъ ея презрѣнія, совсѣмъ не старался утѣшать ее, и одной только добродѣтели приписывалъ шу кротость, съ которою она обходилась со мною. Та-кія опчаянныя мысли ожесточали харак-теръ мой, которой и безъ того никогда не бывалъ мягкимъ, и я спалъ мраченъ, дикъ и дѣйствительно несносенъ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ. На-конецъ, видѣвши, что здоровье жены мо-ей очевидно слабѣетъ, рѣшился я освобо-дить ее отъ себя и съ нею разстаться. Я увѣдомилъ о томъ ее, увѣривши, что рѣшеніе мое непремѣнно. Между тѣмъ, признавъ надобно, тайно ласкался я тѣмъ, что такая вѣдомость приведетъ ее въ нѣкоторое смятеніе и сильное дви-женіе, хотя и почиталъ себя ею ненави-димымъ; и за шо можно поручиться, что при малѣйшемъ знакѣ нѣкотораго безпо-койства упалъ бы я къ ногамъ ея и опро-вергнулъ бы рѣшеніе свое, возмущавшее

все мое сердце. Но я ошибался, думавши, что она меня ненавидѣла. Благородныя души не могутъ ненавидѣть, но худыя поступки могутъ довести ихъ до равнодушія: въ такихъ обстоятельствахъ была и жена моя. Я потерялъ сердце ея, и потерялъ невозвратно. Она слушала меня спокойно, безъ удивленія и безъ всякаго движенія. По томъ сказала мнѣ: я и такъ уже потеряла доброе свое имя; шумъ, который вы сдѣлали хопипе, утвердилъ людей въ несправедливомъ ихъ подозрѣннн. Но еслии присутствіе мое въ вашемъ домѣ беспокоитъ васъ, такъ я готова выѣхать изъ него. Невинность моя утѣшаетъ меня, и я постараюсь покориться воли Божіей. — Жестокая! вскричалъ я, проливая ручьи слезъ: съ какою холодностію соглашаешься ты оставить меня! — „Да не вы ли предлагаете это мнѣ?“, — Я себя обожаю, а ты меня ненавидишь! — „Чѣмъ усладила меня ваша нѣжность, и чего стоить вамъ то, что вы ненавистію моею называете?“, — Правда, что я сдѣлалъ васъ несчастливою: я былъ несправедливъ, сумасброденъ, безсмысленъ; однакожь, еслии ты ненавидишь меня, такъ ты слишкомъ, слишкомъ опшщаешь мнѣ. — „Нѣтъ, я не

могу ненавидѣть васъ.», — Последнія слова, ясно сказывавшія: *я уже тебя не люблю*, поразили сердце мое жестокимъ ударомъ, и я не могъ удержать жара своего. Глаза жены моей, казалось мнѣ, показывали отвращеніе ея отъ меня. Я упалъ къ ногамъ ея. — Въ ту минушу одна слеза, одинъ бы вздохъ ея могъ перемѣнить судьбу мою. Но она не перемѣняла своей холодности и равнодушія своего. Я вскочилъ въ бѣшенствѣ, спупя нѣсколько шаговъ, остановился, и перерывающимся голосомъ сказалъ: *и такъ прости навсегда!* — Она поблѣднѣла, сдѣлала нѣкоторое движеніе, какъ бы хотѣла подойти ко мнѣ; я приблизился къ ней; она упала на креслы и была почти въ безпамятствѣ. Такое сильное движеніе почелъ я за знакъ ужаса. Ты ужасаешься меня! вскричалъ я: вижу, вижу, что мнѣ надобно освободить себя отъ ненавистнаго предмета.

Сказавши это, бросился я къ дверямъ, и ушелъ въ страшномъ отчаяніи. Дяди моего не было тогда со мною, не спало у меня друга, и ничто уже не могло укропить перваго моего движенія. Будучи въ себя, поскакалъ я къ родителямъ моей жены. Я объявилъ имъ рѣшеніе мое и

при-

примолвилъ, что дочь ихъ хочетъ сама со мною разсѣпаться, и что я намѣренъ возвратить имъ все ся имѣніе. Меня хотѣли уговорить, однакожь я не хотѣлъ ничего слушать. Теперь, сказалъ я имъ, поѣду въ подмосковную свою деревню, а черезъ два дни возвращусь опять сюда, и надѣюсь, что къ тому времени домъ мой будетъ опорожненъ. Послѣ того написалъ я къ женѣ письмо, въ которомъ уведомилъ ее о всемъ сдѣланномъ мною, и въ томъ же еще вечерѣ уѣхалъ. Внутреннее движеніе мое было столь сильно, что я не могъ почувствовать всего несчастія своего, на которое осудилъ самъ себя. Всего непонятнѣе покажется то, что любивши въ то время жену свою болѣе прежняго, и будучи увѣренъ въ сердце своемъ, что не лзя уже мнѣ было найти пружинъ ея нѣжности, находилъ я удовольствіе въ томъ шумѣ, которой дѣлалъ при расхождѣ съ нею. Оставлявши ее; не могъ я соблюсти къ ней почтенія, и всевозможнымъ образомъ постараться объ умягченіи жестокой судьбы ея, чего требовали благоразуміе и благоприсойность. Я хотѣлъ привести ее въ ужасъ, въ волненіе; хотѣлъ оскорбить ее, и шѣмъ самымъ вывести изъ того равнодушія, кото-

рое для меня спрашивъе было самой ея не-
 равности. Я ласкался, что слушавши меня,
 усомнилась она въ моей искренности и
 пошла за невозможное, чтобы я не пере-
 мѣнилъ мыслей своихъ навсегда ее оставишь;
 я ласкался еще шѣмъ, что такой раз-
 рывъ возбудишь можетъ быть опять въ
 сердцѣ ея ту любовь, которую она нѣ-
 когда ко мнѣ имѣла, да и одна надежда
 произвести въ ней чувство раскаянія могла
 бы меня утвердить въ моемъ предпріятіи.
 Я съ удовольствіемъ представлялъ себѣ ея
 безпокойство, сомнѣніе и изумленіе. Я живо
 воображалъ себѣ, какъ она читаетъ мое
 письмо, ѣдетъ къ своимъ родителямъ,
 блѣднѣетъ и съ шепетомъ сходитъ съ
 крыльца; надѣялся, что она не безъ дви-
 женія пройдетъ мимо моей комнаты, и
 садившись въ карету, не удержится отъ
 слезъ. Я оставилъ въ Москвѣ повѣреннаго,
 которому велѣлъ безпрестанно примѣчать
 за нею, и спрашивать ея дѣвокъ, чтобы
 узнать все то, что она въ первыхъ
 минутахъ скажетъ и сдѣлаетъ. Однакожъ
 уведомленіе было очень кратко. Она си-
 дѣла запершись въ кабинетѣ, и никого
 къ себѣ не пускала, кромѣ своихъ роди-
 телей, съ которыми и уѣхала съ задняго
 крыльца, такъ что ее никто не видалъ. —

Тутъ

Тупѣ ударило десять часовѣ, и Г. Чудинѣ перервалѣ свое повѣспованіе. Простились, и пошли спать. На другой день дослушали конецѣ исторіи.

Я оспановился, сказалѣ Г. Чудинѣ, при расходѣ нашемѣ съ женою. Въ потѣ же еще день, въ кошорой уѣхала она къ родителемѣ, получилѣ я шакое письмоце:

„Я исполнила новелѣніе ваше, и выѣхала изѣ вашего дома, будучи всегда готова возврашиться въ него, какѣ скоро сердце ваше опять позоветѣ меня. Чшо касается до предложенія вашего возврашиться мнѣ имѣніе мое, кошорое по шеперешнимѣ моимѣ обспояшельствамѣ слишкомѣ для меня велико: по опѣ уваженія вашего ко мнѣ ожидаю я, чшо вы его не повшорите; ештли вы упорно будете стоять въ вашемѣ рѣшеніи, шакѣ воспользуетесь уже послѣднимѣ средствомѣ, кошорое вамѣ оспаналось еще къ причиненію мнѣ новаго огорченія. Одолжите же меня оспавленіемѣ у себя повины шого имущества, кошорое уже въ глазахѣ моихѣ никакой цѣны не имѣетѣ, когда я не могу раздѣлять его съ вами.“

Эшо письмоце, кошорое омочилѣ я слезами, произвело во мнѣ множество всякихѣ

кихъ мыслей. Когда я поступокъ свой сравнивалъ съ поступкомъ жены моей, то находилъ въ нихъ ужасное различіе. По дѣйствіямъ и по слѣдствіямъ понялъ я наконецъ, какое преимущество имѣетъ на должности основанная любовь передъ любовью спраспною. Я обожаю жену мою, думалъ я, а безпрестанно ее мучилъ, да и могъ еще рѣшиться навсегда ее оставить. Она любила меня безъ спрасни, однакожь всегда занималась желаніемъ сдѣлать меня благополучнымъ. Она была всегда готова жертвовать мнѣ своими удовольствіями, склонностями и желаніями, а я искалъ въ ней воображаемыхъ пороковъ. Она безпрестанно прощала дѣйствительные мои пороки; даже и тогда, когда ужасная моя несправедливость и безразсудность лишили меня ея сердца, нѣжность ея снова оживляется добросердечіемъ и великодушіемъ. Она все еще почитаетъ себя обязанною нѣкоторыми должностями въ разсужденіи того человѣка; котораго прежде любила. Теперь вижу, что истинная любовь есть только та, которую утверждаетъ разсудокъ и добродѣтель. — Такія мысли привели меня въ совершенное уныніе. Горькое раскаяніе растворило всѣ раны сердца моего. Съ преще-

шомъ

шомъ вспоминалъ я шомъ шумъ, копорой надѣлалъ въ послѣднемъ моемъ бѣшенствѣ, и въ шакомъ ужасномъ состояніи ни минушы бы не промедлилъ бросишся къ ногамъ жены моей, и признашся ей, что не могу жишъ безъ нее, ешьли бы не удерживала меня отъ того нѣкоторая, впрочемъ основательная, нѣянсь. Я былъ мошъ и игрокъ, а всего хуже было то, что мой управитель самымъ искуснымъ образомъ умѣлъ зашмѣвать свои щепы, что въ его должности происходишъ или отъ недостатка разума, или отъ подлаго намѣренія красть. Въспомо того, чтообы его оставишъ, просилъ я его только не болпашъ мнѣ ничего о моихъ дѣлахъ, чего въ другой разъ не было мнѣ нужды и шовпоряшъ ему: пошому что онъ не безъ намѣренія дѣлалъ свои щепы слишкомъ проспранными и шемными. Однакожъ въ послѣдніе шесть мѣсяцовъ нѣсколько разъ просилъ онъ меня выслушашъ его, чтообы обьявишъ мнѣ упадокъ имущества моего. Слова его производили во мнѣ иногда очень слабое впечатлѣніе, но прочитавши письмо жены моей, вспомнилъ я ихъ, и вознамѣрился узнать хорошенъко состояніе имѣнія моего, прежде нежели просишъ у нее прощенья.

нія. Къ несчастію, поступки мои не позволяли мнѣ никакъ надѣяться, что жена моя имѣла еще ко мнѣ почтеніе; а еспльи я совсѣмъ разорился, шо какъ же мнѣ просить ее забыть прежнее и возвратиться ко мнѣ? Не могла ли бы она такой поступокъ мой, произшедшій бы единственно отъ нѣжности, приписать корысполюбію моему? Эта мысль была мнѣ несносна, и я согласился бы лучше совсѣмъ никогда не видать ее, нежели войти у нее въ такое подозрѣніе. Такимъ образомъ немедленно возвратился я въ Москву. Но что почувствовало сердце мое, когда вошелъ я въ домъ мой, въ шомъ домъ, въ кошоромъ уже не было жены моей, и изъ кошораго я самъ по безразсудности своей выгналъ ее! Будучи терзаемъ разными мрачными мыслями, угнѣшенъ горестію и раскаяніемъ, имѣлъ я только одну надежду, а именно ту, что хорошею экономією и раченіемъ могу привести въ порядокъ дѣла свои и по шомъ просить у супруги прощенія. Я призвалъ къ себѣ управителя и сказалъ ему, что прежде всего надобно опдать женѣ моей имѣніе ея. Намѣреніе мое привело его въ ужасъ; онъ всячески спарался заставить меня перемѣнить мысли мои, увѣривши что
такая

такая возврата совѣмъ разорилъ меня. Ясно мнѣ спало, что обстоятельства мои были гораздо хуже, нежели я воображалъ. Это привело меня въ отчаяніе; потому что потерявши имущество, почиталъ я за невозможное когда нибудь сойтися съ женою моею. Не входя далѣе въ разсмотрѣніе моихъ обстоятельствъ, возвратилъ я женѣ все то, что получилъ за нею въ приданое. Послѣ того заплатилъ я долги свои, и послѣ всѣхъ такихъ распоряженій нашелъ имущество свое столь недоспапочнымъ, что едва можно было жить имъ при всей умеренности. Дядя мой былъ небогатъ, однакожь предложилъ мнѣ свои услуги. Но я не принялъ ихъ, продалъ земли свои, домъ свой, лошадей, и купилъ себѣ маленькой домикъ въ Нѣмецкой слободѣ, по прошествіи трехъ мѣсяцовъ послѣ разлуки съ супругою моею. Въ самый послѣдній день, въ которой выѣхалъ я изъ своего дома, жена моя переѣхала жить въ монастырь. Мнѣ принесли отъ нее письмо слѣдующаго содержанія:

„Когда вы принудили меня взять
 „то, что называете моимъ имѣніемъ;
 „когда вы поступили со мною какъ съ
 „незнакомою: то и я думаю имѣть право

„ заплапитеь вамЪ вЪ эпомЪ случаѣ шѣмЪ
 „ же. Оспавивши домЪ ващЪ, взяла я сЪ
 „ собою полученные мною опЪ васЪ брил-
 „ лянты, бояся оскорбить васЪ, показав-
 „ ши, будпо бы презираю подарки ваши.
 „ ВЪ письмѣ своемЪ ко мнѣ вы эпова пре-
 „ бовали, а я почипала за должность свою
 „ вамЪ повиноваться. Но какЪ вы мнѣ до-
 „ казали, что не умѣете цѣнить пакой
 „ нѣжности, по и я рѣшилаь освободиться
 „ опЪ суетнаго украшенія, копорое дер-
 „ жала у себя только изЪ уваженія кЪ
 „ вамЪ. Я нашла случай выгодно продать
 „ его: я взяла за него семь пыеячь руб-
 „ левЪ, копорые опсылаю кЪ вашему упра-
 „ виелю подЪ видомЪ заплапы долга, и
 „ вы не можете принудить меня' взять
 „ эпу сумму обратно, потому что она
 „ вамЪ принадлежитъ.

„ Я уже два мѣсяца живу вЪ * * * мо-
 „ настырѣ, и думаю пробыть тушь нѣ-
 „ сколько лѣтъ, естли вы не позовете
 „ меня кЪ себѣ. ВЪ К * * * Губерніи естъ
 „ у насЪ деревня. ГоворятЪ, что мѣсна
 „ шамъ очень хороши. Естли бы только
 „ одно слово скажете, такЪ я готова ѣхать
 „ туда сЪ вами и оспаться шамъ на-
 „ всегда. „ —

КакЪ

Какъ описать мнѣ все то, что происходило въ душѣ моей при чтеніи эпикей письма! — Добродѣтельная, великодушная супруга! воскликнулъ я: какъ могъ я тебя нѣкогда укорять невѣрностію, обругать и оставить? Какъ могъ опвергнуть такое нѣжное, благородное сердце, обладавши уже имъ? Я могъ быть щасливѣйшимъ смертнымъ, а спалъ несчастнѣйшимъ. Могу ли въ теперешнемъ состояніи принять великодушное прощеніе, которое мнѣ предлагается? Нѣтъ, нѣтъ! лучше умереть, нежели унизиться въ собственныхъ глазахъ своихъ. Нѣжнѣйшая супруга! по справедливости можешь ты называть меня бѣшенымъ и несправедливымъ, однакожь не можешь меня называть подлымъ. — Все лице мое обливалось слезами. Я писалъ къ женѣ писемъ съ двадцатью, однакожь всѣ издиралъ. Наконецъ послалъ слѣдующее:

„Я удивляюсь вашему благородному
 „образу мыслей и великой душѣ вашей;
 „однакожь эта великость не кажется мнѣ
 „непонятною. Вижу, какъ сладко ска-
 „заны: *все, что нѣжность можетъ только*
 „*вдохнуть въ сердце страстно, все то сдѣ-*
 „*лала я по одной добродѣтели.* Но я
 „не хочу во зло употребить той власти,

„копорую надъ вами добродѣшель имѣ-
„ешъ. — Живите свободно, будьте
„щасливы, забудьте меня! — Про-
„спите, проспите! — Въ добродѣтели
„вы конечно меня превышаете, но сердце
„мое не совѣмъ можетъ быть недостой-
„но вашего. „

Съ письмомъ послалъ я къ ней назадъ
присланные ею семь тысячъ рублей, и
велѣлъ ей сказать, что брилліанты пода-
рены ей были къ свадебному убору, слѣд-
ственно также не принадлежащъ мнѣ,
какъ и прочее ея имущество; и что она,
принявши ихъ однажды, не имѣетъ уже
права заставлятъ меня взять ихъ обратно.

Я принесъ самую важную жертву.
Жена моя еще предлагала мнѣ взять ее къ
себѣ, увѣрявши, что она посвятитъ мнѣ
всю жизнь свою; но я отказался отъ эшо-
ва щаспія, безъ котораго однакожь не
было для меня никакого на землѣ благо-
получія. Впрочемъ печаль моя была бо-
лѣе глубокая, нежели горькая. Въ эшомъ
последнемъ случаѣ пожертвовалъ я всемъ
своимъ щаспіемъ чести: такая мысль обо-
дряла меня. Сверхъ того я думалъ, что
письмо мое скажетъ дражайшей супругѣ
моей, что я, не смотря на всѣ мои пре-
сту-

ступленія, достоинѣ опчаспи ея почпшенія. Коропко сказать, надежда возбудишь вѣ ней сожалѣніе о гореспной судьбѣ моей, возобновилась вѣ моемѣ сердцѣ. Я воображалѣ ее пронупую и печальную, и находилѣ для себя вѣ помѣ нѣкопоре упѣшеніе.

Проживши уединенно двѣ недѣли вѣ маленькомѣ своемѣ домикѣ, получилѣ я повелѣніе явиться вѣ полкѣ, копорой споялѣ опѣ Москвы вѣ пысячѣ верспахѣ. Вѣ сердцѣ своемѣ все еще пипалѣ я надежду, что не безвозвратно лишился супруги своей. Я не хотѣлѣ перемѣнить рѣшенія своего, и чувспвовалѣ, что и женѣ моей ничего уже дѣлать не оставалось; однакожь все еще ласкался, что кáкой нибудь нечаянной случай доспавишѣ мнѣ по щаспие, опѣ копораго я никогда искренно не опказывался. Почему не могѣ я рѣшиться выѣхать изѣ Москвы и удалиться опѣ супруги своей на пысячу верспѣ: я послалѣ прошеніе обѣ опспавкѣ; меня не хотѣли сперва опспавляшь, уговаривали служить; однакожь по усиленной прозбѣ получилѣ я увольненіе. Такимѣ образомѣ вышелѣ я изѣ службы на дващепь-пятномѣ году, будучи управляемѣ горячноспію и упрямспвомѣ вѣ самыхѣ важныхѣ

обстоятельствахъ моей жизни. Этотъ послѣдній поступокъ былъ причиною весьма чувствительнаго для меня огорченія: онъ совершенно вооружилъ противъ меня дядю, которой и шѣмъ уже былъ очень недоволенъ, что я безъ его совѣта разошелся съ женою; такимъ образомъ былъ я оставленъ всѣми шѣми людьми, которыхъ болѣе всѣхъ любило сердце мое.

Вдругъ не могъ я почувствовать, сколь несчастно было состояніе мое. Я занятъ былъ такою мыслию, которая не допускала меня подумать ни о чемъ иномъ. Я хотѣлъ видѣться съ женою моею, въ надеждѣ, что представши вдругъ глазамъ ея, получу нѣкоторую часть шѣхъ правъ, которыхъ имѣлъ я нѣкогда на сердце ея. Но какъ потребовать съ нею свиданія? Что сказать ей? Она никуда изъ монастыря не выѣзжала. У меня былъ наемной камердинеръ, котораго шепка жила въ томъ же монастырѣ. Я взялъ отъ него письмо къ ней, въ которомъ онъ называлъ меня своимъ пріятелемъ: надѣвши проспой кафтанъ, пошелъ я въ монастырь. Въ шепкѣ камердинера моего нашелъ я самую словоохотливую и искреннюю спаруху. Сначала спрашивалъ я у нее все

о поспороннемъ, но наконецъ спросилъ о числѣ благородныхъ непостриженныхъ женщинъ, которыя, какъ слышно, живутъ у нихъ въ монастырѣ. У насъ ихъ при, опвѣчала она: не давно переѣхала сюда жить одна замужняя Госпожа — — — Тупѣ забилось сердце мое, а старуха наклонилась ко мнѣ на ухо, и, хопя кромѣ насъ съ нею и никого въ горницѣ не было, шептала мнѣ: эша госпожа по фамиліи Чудина, великая красавица; вѣрно ты самъ о ней довольно наслышался. — — — „Да --- знаю --- она госпожа хорошая. --- О! собою она прекрасна. Жаль только --- Да полно Богъ вѣрно умилоспивится надъ нею, и она раскается. --- „Раскается? --- Да въ чемъ? „ — Видно, государь мой, что ты худо съ людьми водишься — — — Развѣ ты не знаешь — — — „Я слышалъ, что у нее мужъ человекъ чудной и несправедливой. „ — О! самой грубиянъ; да онъ же еще, какъ говорятъ, и умкомъ-по слабъ. Однако какъ бы мужъ худъ ни былъ, а женѣ все еще не надобно быть негодницею. Да и въ монастырѣ заперли ее по неволѣ; она надѣлала сполько проказъ, что ей ни съ кѣмъ и видѣться не лзя, кромѣ самыхъ ближнихъ родственниковъ. Жизнь ея очень жалка. Опѣ

нее здѣсь всѣ бѣгають какъ ошъ чумы. Правда, что Богъ всякаго человѣка прощаетъ; однакожь все надобно покаяться. А она вмѣсто того цѣлой день играетъ на какомъ-то клавесинѣ, красна какъ маковъ цвѣшъ и со дня на день здоровѣетъ. Надобно, чптобы у нее сердце было каменное. — „И въ ней никакой печали не примѣтно?„ — Ни крошешной; дѣвка ея сказывала, что она еще никогда не видала ее такъ спокойною. Чпо до меня касается, такъ я все еще надѣюсь, что она когда нибудь одумается: и камень когда нибудь преснетъ, а сердце у нее не дошло еще до камня. Къ бѣднымъ она жалосплива, и раздаетъ имъ много денегъ. И то правда, что она взяла назадъ все свое имѣнiе, а мужа оставила умирать съ голода. Хотя шы, государь мой, и скажешь мнѣ, что онъ дуракъ, негодяй, мотъ и со стыдомъ выгнанъ изъ службы; однакожь мужъ все мужъ. За мѣсяцъ передъ эшимъ, писалъ бѣднякъ къ женѣ своей письмо, и просилъ у нее сколько-то денегъ, однако получилъ отказъ. Это, право, жалко. — До меня дошло все ошъ вѣрныхъ людей; пустова болшатъ я не люблю. Я здѣсь живу уже пятнашцать лѣшъ, и, благодаря Бога!

ни-

никто еще не сказалъ про меня, что я злоязычна.

Спаруха могла всячески хвалишь себя. Будучи въ глубокомъ размышленіи, не думалъ я перерватьъ долгой ея рѣчи: она болшала до того времени, какъ ее кто-то вызвалъ. — Она пошла, но черезъ минушу опять возвратилась ко мнѣ и сказала, что ее вызывала родственница той молодой благородной дѣвушки, которая черезъ супки будетъ пострижена въ монахини. У этой дѣвушки душа самая Ангельская. Приходи завтра къ этой церемоніи: есть чего посмотрѣшь. Будущая монахиня собою красавица и не спарѣе дваццати лѣтъ. Если бы въ одинъ годъ не лишилась она отца и любимаго человека, такъ бы она не почувствовала призыванія Благодати. Богъ все напередъ знаетъ. За осьмнадцать мѣсяцевъ передъ этимъ умеръ у нее отецъ, а черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того молодой человекъ, которой владѣлъ сердцемъ ея, и который умеръ, какъ говорятъ, съ печали отъ того, что милосливой родитель засадилъ его въ шюргу. — А кто таковъ этотъ молодой человекъ? перервалъ я съ такимъ движеніемъ, которое описать трудно. Господинъ Добровидовъ, отвѣчала спаруха,

а будущая наша монахиня дѣвица Вѣрова. --
Вся кровь пришла во мнѣ въ волненіе. Я
вдругъ вскочилъ, закричалъ такъ, что спа-
руха до смерти испугалась, и топчасъ ушелъ.

Пришедши домой, бросился я на кре-
слы. Все, что слышалъ я, раздирало
мое сердце. Наконецъ завѣса открылась:
я не могъ уже обманывать себя и по-
зналъ все свое злополучіе. Я видѣлъ, что
необузданностію моею въ гнѣвъ поврж-
дена честь жены моей. Чувствовалъ я,
что эта невинная жертва безумія моего
въ сердцѣ своемъ не можетъ простить
мнѣ; что я лишилъ ее самага драгоцѣн-
наго украшенія женщины, и что несправед-
ливое презрѣніе, которое всѣ почти къ
ней показывали, должно снова возбудить
въ ней неудовольствіе противъ меня. Одной
только великой добродѣтели могъ я при-
писывать великодушныя поступки ея. По
разказамъ шепки камердинера моего видно
было, что жена моя ушѣшена чистою
совѣстію своею и спокойно предалась судьбѣ
своей; но эшова бы не могло быть, естли
бы она совсѣмъ меня не позабыла. „Боже
мой! воскликнулъ я: въ какую ужасную
бездну ввергли меня спраспи! Естли бы
я преодолѣлъ любовь и ревность; естли бы
могъ побѣдиль природную свою вспль-

чивость, лѣнность и привязанность къ игрѣ: по бы имѣнія своего я не распочилъ, не укорялъ бы себя смертію любезнаго молодого человѣка, и не былъ бы первою причиною той жертвы, копорую несчастная невѣста его завтра передъ олшаремъ принесетъ. Я ушѣшалъ бы въ старости дядю моего и благодѣтеля, копорой теперь имѣетъ великую причину почитать меня неблагодарнымъ и сумасшедшимъ человѣкомъ. Не вздумалось бы мнѣ на двацать пятомъ году перестать служить Государынѣ моей и Отечеству. Теперь меня явно презираютъ и поносятъ, а тогда всѣ бы меня почитали. Я наслаждался бы нѣжностію любезной и добродѣтельной жены, имѣлъ бы вѣрнаго и пріятнаго друга и былъ бы щасливымъ опцемъ. Несчастной! какого неоцѣннаго добра лишилъ ты самъ себя! — И такъ я навсегда уже всѣми оставленъ? — Съ ужасомъ осматривался я вокругъ себя и зашепталъ, вообразивши уединеніе свое.

Въ ту самую минушу услышалъ я, что кто-то бѣжитъ ко мнѣ. Дверь со стукомъ отворилась — показался человѣкъ и бросился ко мнѣ — Будучи внѣ себя, вскочилъ я съ креселъ, пошелъ ему навстрѣчу и увидѣлъ себя въ объятіяхъ

Любова. Онъ прижималъ меня къ сердцу своему. Я не могъ удержатъ слезъ своихъ; видѣлъ я, что и онъ плакалъ. Различныя чувства исполнили вдругъ сердце мое; но мучительной стыдъ заглушалъ всѣ прочія и налагалъ на меня молчаніе. Другъ мой, любезной другъ! сказалъ Любовъ: я далеко былъ отъ тебя и поздно уже узналъ, сколь нужно тебѣ утѣшеніе дружбы. Впрочемъ шесть мѣсяцевъ надобно мнѣ было для приведенія въ порядокъ дѣлъ своихъ, чтобы жизнь свою совсѣмъ посвятить дружбѣ. Теперь я свободенъ, и могу показатъ тебѣ всякія услуги. — „Ахъ, другъ мой! какъ бы ни драгоцѣнно было для меня то утѣшеніе, которое ты мнѣ предлагаешь, но я не достоинъ его; я стоилъ того, чтобы навсегда лишиться имени друга своего. Ты мнѣ ни въ чемъ уже помочь не можешь.“ — Любовъ началъ опять обнимать меня. Я знаю душу твою, сказалъ онъ: она благородна и чувствительна. Если бы только одно сожалѣніе чувствовалъ я къ тебѣ, такъ бы оставалось мнѣ только вшайнѣ проливать слезы о участи твоей, безъ надежды тебя утѣшить; я бы скрытнымъ образомъ служилъ тебѣ, и ты бы никогда не видалъ меня. Но дружба одушевляетъ

меня;

меня; она заставила меня лепѣшь кѣ тебѣ, и я увѣренѣ, что уменьшу спраданія твои.

Слова его возбудили во мнѣ живѣйшую благодарность. Такое великодушіе не унизило меня, но возвысило. Любовь, возвративши мнѣ дружбу свою, возвратилѣ мнѣ и по почтеніе кѣ самому себѣ, которое-было я совсѣмѣ поперялѣ. Въ ту же минушу открылѣ я все сердце вѣрному своему другу. Я вкусилѣ такое упѣшеніе, какого уже не имѣлѣ долгое время, т. е. со всею искренностію могѣ я говорить о пресупленіяхѣ и спраданіяхѣ своихѣ. Печальная повѣсть моя часто перерывалась моими слезами, а Любовь, слушавши меня съ великимѣ вниманіемѣ и чувствительностію, поднялѣ глаза на небо и тяжело вздохнулѣ. Какая польза въ разумѣ, природныхѣ добродѣтелей и чувствительномѣ сердцѣ, безѣ твердыхѣ правилѣ! сказалѣ онѣ: такія правила могутѣ сообщить намѣ либо воспитаніе, или опыты. Еслии не воспользуешься наставленіемѣ учителей своихѣ, то послѣ можешь научиться только несчастіемѣ. — Любовь усиленно просилѣ меня оставишь на нѣкоторое время Россію и ѣхать въ чужіе края. Я поѣду съ тобою, сказалѣ онѣ:

онъ: побѣдемъ шеперь въ Германію, ни мало здѣсь не медля. Я отдаюся въ швою волю, опвѣчалъ я ему; опредѣляя судьбу нещаснаго, которой бы безъ помощи швоей палъ подъ бременемъ спраданій своихъ. — Любовь възпользовался разположеніемъ моимъ, и я принужденъ былъ дать ему слово, что черезъ пять дней мы выѣдемъ.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ моимъ захопѣлось мнѣ опять побывать въ помѣ мѣстѣ, гдѣ въ первой разѣ увидѣлъ я жену свою. Это было въ дворцовомъ саду. Но боявшись показаться публично, побѣхалъ я шуда въ десять часовъ по полудни, въ шѣхъ мысляхъ, что въ это время никого уже шамъ не найду. Но сверьхъ чаянія моего нашелъ я шамъ множество людей. Я прошелъ въ самую темную алею и сѣлъ на лавкѣ. Черезъ минушу пришли ко мнѣ два челоѣка и сѣли на другомъ концѣ лавки. Одинъ изъ нихъ, котораго узналъ я по голосу, назывался Худонравовымъ. Онъ былъ молодой челоѣкъ, совсѣмъ не имѣлъ основательнаго разума и жилъ безъ всякихъ правилъ; безпрестанными своими шушками хотѣлъ онъ пріобрѣсти себѣ право на имя Философа, надъ всемъ смѣялся, рѣшилъ

шилъ все увѣришельно, былъ педантомъ и невѣждою, священныя чувствованія и добрыя дѣла почиталъ за предразсужденія и басни, и думалъ, что онъ, порицавши добродѣтель, доказывалъ великую свою мудрость. Таковъ былъ характеръ Худонравова. И самого-то эпова человека почиталъ я до разспройки имущества моего хорошимъ себѣ пріятелемъ и очень часто слѣдовалъ пагубнымъ совѣтамъ и худымъ примѣрамъ его. Я хотѣлъ вспашь и уйти, но слышалъ, что упомянулось имя мое. Это меня удержало и возбудило ко вниманію. Я услышалъ слѣдующій разговоръ:

Нынѣшнимъ вечеромъ уѣхалъ онъ съ Любовымъ въ Германію. — „Какъ! развѣ онъ уже съ нимъ помирился?“ — Они другъ друга обожаютъ: съ одной спорны великодушіе, съ другой раскаяніе, взаимная нѣжность, слезы, прощеніе — сцена была самая прогашельная. — „По этому все неправду говорили?“ — „Что такое? О совмѣстничествѣ ихъ?“ — „А иначе какъ бы могъ Любовь брать такое участіе въ судьбѣ его?“ — Я не вхожу въ умствованіе, однакожь надѣюсь видѣть вещи въ истинномъ ихъ образѣ. Любовь, все еще влюбленной въ жену Чудина, хо-
чешъ

чепъ ихъ помирить, чшобы любовницу свою вывеспи изъ монастыря. — „А для чего же ѣхашъ въ чужіе край?„ — Надобно дашь людямъ время позабышь испорію ларчика. — „Однакожь многія надежныя люди увѣряють, чшо ларчикъ принадлежалъ женѣ Любова.„ — Это баяня. Еще и прежде послѣдняго отккрытія бѣдной Чудинъ зналъ все дѣло: по шому, чшо сѣ нѣкопорога времени сказывалъ онъ эшо всякому, кшо только его слушашъ хотѣлъ. — „Каковъ, самъ Чудинъ?„ — Человѣкъ самой слабой и безхарактерной. Показавшись только между людъми, навязался онъ мнѣ на шею и опдался подѣ мое покровительство. Я скоро увидѣлъ, чшо ему вдаль иппи не лзя. Голова у него самая пустая, наполненная глупыми предразсужденіями. Въ немъ нѣтъ и самага обыкновеннаго разсудка. Намѣренія его подлы и показываютъ низкую душу. Жизнь его самая распутная и мошовская; увидѣвши заимодавца, всегда онъ шрусилъ. Будучи игрокомъ, спарался онъ всячески показываться великодушнымъ и проигрывалъ безпупно деньги. Онъ разорился безъ всякаго шума, шакъ, какъ дураки разоряются. — „Видѣлся ли ты сѣ нимъ послѣ несчастной перемѣны его обстоятельствъ?„

пельствѣ? „ — Нѣтъ; однакожь всѣ щепы наши бросилъ я въ огонь, и онѣ никогда и ни слова не услышатъ о нихъ отъ меня. — „Много ли онѣ тебѣ поигрѣ долженъ былъ? „ — Очень много. Я сжегъ вексели его, не думавши никогда шѣмъ хвалиться; да и ни съ кѣмъ бы другимъ не спалъ говорить объ эпомѣ. Поступокъ мой казался мнѣ очень еспешивнымъ, и я надѣюсь, что ты никому эпова не скажешь. — — Последняя ложь Худонравова вывела меня изъ терпѣнія. Обманщикъ! закричалъ я: ты шопчасъ получишь шо, чѣмъ я тебѣ долженъ! пойдѣмъ, пойдѣмъ. Признаюсь тебѣ, отпѣчалъ Худонравовъ съ принужденною усмѣшкою, что я никакъ не думалъ найти тебя здѣсь. Что касается до твоего предложенія перерѣзать намъ другъ другу горло, такъ съ твоей стороны я не оуждаю его. Тебѣ уже потерять не чего. А мнѣ еще по крайней мѣрѣ надобенъ годъ на полную раздѣлку съ имѣніемъ моимъ. И такъ, чтобы намъ съ тобою поравняться, опложимъ рѣшеніе дѣла нашего до возвращенія твоего изъ чужихъ краевъ. — Послѣ эпова онѣ скорыми шагами отъ меня удалился, не дожидавшися отпѣша; а я сполько пораженъ былъ под-

ло-

люспию его, что не могъ рѣшиться догонять его. И такъ это пошль челоуѣкъ, подумалъ я, которой казался мнѣ любезнымъ; пошль, опль котораго часпо принималъ я совѣпы! — Какой извергль! какая скверная душа! — Ахль какль порокль гнусенль, когда смотришь на него безль ослѣпленія! Онль оболыцаетль насль припворствомль своимль, и будучи всегда боллье безуменль, нежели хитрль, рано или поздно раздираетль самль шу плѣнную личину, за которою онль скрывается.

Произшествіе это подало мнѣ поводль къ разнымль размышленіямль. Оно ясно показало мнѣ, сколько надобно стараться быль скромнымль, еспли хочешь сохранить честь свою. Сдѣлавшись всеобщимль предметомль разговоровль, подвергнешься всякому поношенію. Злыя люди прибавляютль, выдумываютль; глупцы и празднoлюбцы слушаютль и повторяютль: истина запымъвается, а публика, вль чемль нибудь предубѣжденная, осуждаетль безль всякаго ближайшаго разсмотрѣнія. — Одна мысль сильнлье всѣхль прочихль беспокоила меня. Несчастіе мое возвеличилось до такой степени, что вѣчная разлука съ женою моею была еще не главнымль для меня мученіемль. Я терзался еще большею

горестію. Невиннѣйшая и добродѣпельнѣйшая супруга, красота пола своего, воздыхала подѣ несноснымѣ бременемѣ общаго презрѣнія; а причиною такой ужасной несправедливости былѣ одинѣ я. Эта мысль разрывала сердце мое и дѣлала меня почти нечувствительнымѣ къ упѣшеніямѣ дружбы. Если бы терпѣлѣ я только одинѣ за пресупленія свои, сказалѣ я Любому, по судьбу свою носилѣ бы съ твердостью. Знаю, что время уничтожаетѣ горестѣ и спроси; однакожь оно не можетѣ ослабить сильныхѣ укоризнѣ чувствительнаго и къ добродѣтели рожденнаго сердца. Придетѣ, можетѣ быть, такое время, въ которое любезная моя супруга не будетѣ уже представляться воображенію моему въ томѣ прелестномѣ образѣ, коимъ меня теперь восхищаетѣ; но я всегда буду почитать ея невинною жертвою моея безразсудности и заблужденій моихѣ, и память ея будетѣ всегда мучить жизнь мою.

Да и въ самомѣ дѣлѣ, ни нѣжное попеченіе друга моего, ниже разсѣяніе долгаго путешествія, не могли облегчить горести моея. Изѣ Вѣны ѣздила Любовь въ Россію, пробыла тамѣ шесть мѣся-

цевъ и возвратился опять ко мнѣ. Въспѣ съ нимъ поѣхали мы въ Голландію. Тамъ присовѣщивалъ онъ мнѣ вступити въ нѣкоторыя шорги, и ссудилъ меня нужною къ тому суммою денегъ. Предпріятіе имѣло щасливой успѣхъ, и я увидѣлъ возможность возвратити распоченное свое имущество. Желаніе повергнути къ ногамъ великодушной супруги плоды трудовъ моихъ, сдѣлало меня дѣятельнымъ и швердымъ. Я умѣлъ побѣдити природную свою лѣность и скуку, кошую причинялъ мнѣ сперва избранной мною родъ жизни; часы, въ которые былъ я свободенъ отъ дѣлъ моихъ, посвящались мною чтенію и размышленію. Скоро ученіе переспало пягошишь меня, и спрассно полюбилъ я чтеніе. Разумъ мой непримѣнно просвѣщался, понятія мои расширялись и лучъ спокойствія блеснулъ въ сердцѣ моемъ. Труды, чтеніе и размышленіе поспепенно извлекли меня изъ того усыпленія, въ копоромъ былъ я до того времени. Религія довершила дѣло, ушвердила разсудокъ мой, возвысила душу мою и освободила меня отъ мучительнаго ига спрассей. Такая перемѣна въ характерѣ моемъ не перемѣнила никакъ намѣреній моихъ. Я не чувспвовалъ уже къ

кѣ супругѣ моей той необузданной склонности, которая и меня и ее ввергла въ несчастіе. Любовь моя кѣ ней была не столько пылка, но постоянна, разсудительна и безкорыстна. Страсць всегда слѣпа, и предметомъ имѣетъ собственное удовольствіе. Дружба основывается на одномъ почтеніи, и всю силу свою бываетъ обязана добродѣтели; чѣмъ она нѣжнѣе, тѣмъ благороднѣе.

Пять лѣтъ прѣждалъ я въ Голландіи. Почти во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ былъ я щасливъ, и попечительнымъ своимъ хозяйствомъ и неутомимою прилѣжностію привелъ имущество свое въ такое состояніе, что оно почти сравнялось съ прежнимъ. Тогда думалъ я только о возвращеніи своемъ въ отечество. Съ восхищеніемъ представлялъ я себѣ пощастіе, которое вкушу, упавши кѣ ногамъ жены моей и сказавши ей: теперь я себя достоинъ, и возвращаюсь для посвященія себя всей жизни моей.

Занимаясь такими сладостными мыслями и будучи наполненъ радостною надеждою, выѣхалъ я изъ Голландіи — никакъ не предчувствовалъ я того смер-

I 2

шель-

шельнаго удара, которѣй готовился поразить меня! — Я писалъ къ Любову, чтобы онъ предувѣдомилъ жену мою о моемъ возвращеніи. Но въ Петербургѣ получилъ я письмо, въ которомъ увѣдомляли меня, что жена моя больна была лихорадкою, но что болѣзнь ея никакъ не опасна, и что она уже выздоравливаетъ. Въ письмѣ описано было все такъ обстоятельно, что я не могъ имѣть причины къ безпокойству. Я поѣхалъ изъ Петербурга, спрашившись только того, что возвращеніе мое, можетъ быть, болѣе удивитъ жену мою, нежели обрадуетъ. За семь верстъ отъ Москвы встрѣтился мнѣ Любовъ и остановилъ карету мою. Онъ вышелъ; я тотчасъ отворилъ дверь у кареты и бросился къ нему; но — взглянувши на него, остановился и зашрепещалъ: ужасъ овладѣлъ мною. Любовъ обнялъ меня, обливавшися слезами. Я не смѣлъ спросить его, а онъ не имѣлъ силы изъясниться. Я ожидалъ всякаго несчастія, и радость вдругъ вылетѣла изъ сердца моего. Не сказавши ни слова, силою почти посадилъ меня Любовъ въ свою карету и сѣлъ со мною самъ; карета своротила съ большой дороги. Куда ты везешь меня? кричалъ я свирѣпымъ

голосомъ: я хочу видѣшь ее. — „Нещасной другъ мой!„ — Говори, говори, и пронзай сердце мое! — Но вмѣсто опвѣща Любовь вздыхалъ и обнималъ меня. Говори, говори! кричалъ я: скажи, ненависть, или смерть ея объявляешь ты мнѣ? — Любовь хопѣлъ опвѣщать мнѣ. Я задрожалъ и не имѣлъ силы услышать приговора своего. — „О другъ мой! жизнь моя теперь въ твоихъ рукахъ.„ — Жалостной голосъ, которымъ произнесъ я послѣднія слова, открылъ ему мысли мои. Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣжностію и сказалъ: молчать я могу, но не могу себя обманывать. . . . Болѣе не сказалъ онъ ни слова, а я не спрашивалъ его, и во всю дорогу оба мы были въ глубокомъ молчаніи, которое перерывалось только вздохами и рыданіемъ моимъ. — Любовь привезъ меня въ подмосковную свою деревню, гдѣ узналъ я наконецъ все свое несчастіе. Ахъ! я всего лишился! супруги моей не было уже въ мірѣ. Смерть ея не только лишила меня всего щастія въ здѣшней жизни, но опняла у меня и средство исправить пресупленія свои. Только горестію, раскаяніемъ и слезами могу теперь плащись за прошедшія заблужденія.

Оспашокъ исторіи моей не много заключаетъ въ себѣ важныхъ обстоятельствъ. Будучи упѣшенъ Религією и временемъ, посвящилъ я жизнь свою дружбѣ, ученію и челоуѣколюбію. Дядя мой просилъ меня; попеченіе о благополучіи его услаждало сердце мое, и безъ всякаго себѣ насилія исполнялъ я всѣ тѣ священныя должности, которыя родство и благодарность въ разсужденіи сего на меня налагали. Хотя дядя мой былъ уже довольно старъ, однакожь Небо позволило мнѣ еще десять лѣтъ прожить съ нимъ. Лишившись его, переѣхалъ я жить въ здѣшнюю деревню. Любовь посѣщаетъ меня раза по чепыре въ годъ. Онъ щастливой супругъ, щастливой отецъ, щастливой воинъ, увѣнчанной славою; онъ наслаждается всею тѣмъ благополучіемъ, которое можетъ доставить добродѣтель, ученость и великой духъ. И я могъ бы при посредствѣнномъ разумѣ своемъ найти щастіе, естли бы не возобновлялась во мнѣ всегда прискорбное воспоминаніе преступленій и заблужденій молодости моей. — Тутъ Г. Чудинъ вздохнулъ и пересталъ говорить. Послѣдовало минутное молчаніе. Послѣ того Гж. Правосудова и Добролюбова встали, поблагодарили Г. Чудина

дина за благосклонность его, взяли за руки дѣшей и пошли въ свои комнашы.

IV.

Какую пользу получили вы опѣ послѣднихъ вечеровъ нашихъ? спросила дѣшей Гж. Добролюбова, оставшись съ ними одна. Не доказала ли вамъ исторія Г. Чудина, что спраспи очень опасны? — Очень, очень доказала, отвѣчалъ Петрѣ: я болѣе прежняго теперь увѣренъ въ томъ, что ничего не надобно любить спраспино, кромѣ чеспи, какъ вы уже намъ нѣсколь-ко разъ говорили. Такъ любить можно все добродѣтельное, великое и героическое, примолвила Гж. Добролюбова. — „Что такое, мапушка, героическое дѣло?“, — Всякое полезное и великодушное дѣло, котораго однакожь должностъ опѣ насъ не требуетъ. А какъ должностъ чеспнаго человѣка очень простиранна, по для хорошей души не много такихъ дѣлъ, которыя по справедливости можно бы было назвать героическими. Но-коль скоро дѣло наше спомѣ намъ великой жершвы, и мы бы безъ навлеченія на себя презрѣнія могли его и не сдѣлать, по оно есть дѣло

I 4

герои-

героическое. На прим. заживочной человекъ, подающій милоспыню, дѣлаешъ только доброе дѣло: попому что онѣ достоинѣ бы спалѣ презрѣнїя, еспьли бы весь свой доходѣ употребилѣ на излишности. Человекъ, показывающій на войнѣ хладнокровїе и смѣлоспъ, не еспъ Герой: поступавши иначе, онѣ бы себя обезчестилѣ. И такѣ, чпобы справедливо разсуждашъ о всякомѣ дѣлѣ, прежде всего надобно смотрѣшъ, не прошивно ли оно человеколюбїю и справедливоспи, копорыя отѣ истиннаго величества не оплучны; по помѣ узнашъ, чего оно намѣ спойшѣ; а наконецѣ подумашъ, можно ли бы было безѣ всякаго поврежденїя чести своей не сдѣлашъ его. — „Теперь разумѣю, мапушка; еспьли дѣло согласно сѣ справедливоспию, еспьли спойшѣ оно великой жершвы, и еспьли бы безѣ всякаго для себя безчестїя можно его было и не сдѣлашъ, такѣ оно истинное героическое дѣло.“ — Эшо описанїе очень справедливо; не забывай его никогда, а особливо при чпенїи Испорїи: попому что найдешъ вѣ ней множеспво ложныхѣ заключенїй. Удивленїе и крипика многихѣ Испориковѣ, по легкомыслию ихѣ, бывающѣ несправедливы. Но разсудительной Чипашель никогда не довольспвуешъ

ся ихъ заключеніями; онѣ разсматриваетъ прежде, по справедливости ли они хвалятъ или хулятъ. — „Много ли можно найти въ Исторіи истинныхъ героическихъ дѣлъ?„ — Много; однакожь часто самое истинное геройство Историкъ таковымъ не признаютъ, а хвалятъ болѣе всего то, что ни съ которой стороны не можно почестъ за великодушіе. — „Сдѣлайте милость, матушка, расскажите намъ какойнибудь героической поступокъ изъ Исторіи. —

Султанѣ Ахметѣ первой былѣ преемникѣ Магомета претьяго. Онѣ возшелѣ на престола въ 1602 году (*). Тогда было ему только пятнадцать лѣтъ, и еще въ первой разѣ былѣ въ Туреціи такой молодой Правитель. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ вступленія его на престолѣ, умерѣ великой Визирѣ. Ахметѣ не избралѣ на мѣсто его никого изъ окружавшихъ его чиновныхъ людей. Мурашѣ, Паша Каирской, былѣ мудрой и опытной спарецѣ. Среди безпокойствъ послѣдняго правленія соблюлѣ онѣ во всѣхъ

(*) По Турецкому лѣтосчисленію въ 1010 Эгирѣ.

Африканскихъ обласпяхъ глубокой миръ, и всѣ налоги исправно плащилъ въ общественную казну, не припѣсняя подданныхъ и не обогащая себя. Не выдавши никогда новаго Государя своего, не могъ думать онъ о повышеніи своемъ, и никакъ не умѣлъ себѣ представить, чшобы при молодомъ Монархѣ служба вѣрнаго подданнаго побѣдила хитроспи придворныхъ. Однакожъ на краю Египша получилъ онъ печать и повелѣніе ѣхать въ Конспантинополь. Такое Ахметово избраніе показало Туреціи, что Государь ея желаетъ добраго и любитъ народъ свой.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ объявлена была Персіи война, прошивъ совѣща Мурашова, которому поручено было предводительство войскъ, и которой въ Порупчики себѣ выбралъ Назуфа, молодого, пылаго, предприимчиваго чело-вѣка, собравшаго въ разныхъ Губерніяхъ (*) великія богатства. Великой Визирь выступилъ съ войсками въ поле, и вмѣсто того, чшобы ускорить походъ свой, всячески старался онъ во всемъ медлить.

Такой

(*) Губернаторъ называется въ Туреціи Сангіакъ, а Губернія Сангіакашъ.

Такой недоспапокъ въ дѣятельности всѣлилъ въ вѣроломнаго Назуфа мысль оклеветать благодѣшеля и друга своего. Онъ писалъ шайно къ Поршѣ, и предложилъ Султану 60000 цехиновъ на содержаніе арміи, естли онъ пожалуетъ его Визиремъ на мѣсто Мурашова. Султанъ, исполненный почтенія и признашельности къ Министру своему, приведенъ былъ въ великой гнѣвъ неблагодарностию Назуфа. Онъ написалъ къ Мурашу, что судьбу Порупчика его вручаетъ ему, и что оный него зависить оставить его по прежнему въ чинѣ его, либо понизить его (*), или удавить. Мурашъ тотчасъ призвалъ къ себѣ въ спавку Назуфа, и показалъ ему Султанское письмо. Назуфъ думалъ, что ему объявляется приговоръ къ смерти. Однакожь хотѣлъ онъ по крайней мѣрѣ испросить милость, не могши уже оправ-

(*) Естли Паша, или иной чиновникъ, лишается всѣхъ чиновъ и становится простымъ гражданиномъ, то въ Турецкіи называютъ его Мазулемъ. Часто случается, что чиновнаго человека въ наказаніе понижаютъ однимъ, или двумя чинами, и тогда не льзя его еще называть Мазулемъ.

оправдываться. Но Мурадъ перервалъ рѣчь его, и сказалъ: „ты спалъ въроломъ, однакожь много въ тебѣ способностей. Въ самомъ дѣлѣ почитаю я тебя достойнымъ командовать войсками; почему и отдаю тебѣ предводительство и Государственную печать, которыя слишкомъ тягоспны для старости моей. Будь вѣренъ Султану и щасливъ въ бою съ врагами.“ Тотчасъ собралъ Мурадъ войски и самъ объявилъ его преемникомъ своимъ. Мурадъ окончалъ спокойно жизнь свою въ приятномъ уединеніи. Провидѣніе не позволило Назуфу наслаждаться долго плодомъ измѣны своей. Сдѣлавшись великимъ Визиремъ, женился онъ на дочери Султановой; но употребивши во зло милость его, по приказанію Ахмешову былъ задушенъ (*).

Ахъ, матушка! сказалъ Пэтръ: какой великой человекъ былъ эшопъ Мурадъ! вошъ истинное героическое дѣло. — „Хорошо, изслѣдуйте его по шѣмъ правиламъ, которыя вамъ я сообщила. Оно не противно

(*) Cіе приключеніе взято изъ L'histoire de l'empire Ottoman, par M. Mignot, tom. II. page 344 et suivantes.

тивно ни чловѣколюбію, ни справедливо-
сти. Хотя Назуфъ и достоинъ былъ на-
казанія, однакожь въ Мураповой волѣ
было простишь и не простишь его; по-
тому что онъ передъ нимъ только ви-
новатъ былъ. *Дорого стоило Мурату*
истребить свою досаду, впрочемъ очень
основательную; онъ бы могъ, *не навлекши*
на себя презрѣнія, оспаться на своемъ
мѣстѣ, а Назуфа лишить чиновъ. Въспо-
эпова, зная, что Назуфъ по способ-
ностямъ и лѣтамъ своимъ могъ лучше
его командовать войсками, потчасъ по-
жертвовалъ онъ мщеніемъ своимъ обще-
ственной пользѣ. Онъ сложилъ съ себя
чинъ свой и опдалъ его неблагодарному:
по чему эпотъ поступокъ, какъ вы ви-
дите, есть истинной героической посту-
покъ., — Какъ же я радъ, мапушка,
что вы дали намъ такія вѣрныя правила
для разпознанія дѣлъ! Вить это очень
пріятно, когда, подумавши нѣсколько ми-
нутъ, можешь сказать: эпотъ поступокъ
великодушенъ, а эпотъ нѣтъ. — Поз-
вольте мнѣ, мапушка, сказала Елисавета,
спросить васъ объ одной вещи. Въ исто-
ріи Г. Чудина никакъ не могу я одного
понять. Не мудрено для меня, что онъ
при такомъ дурномъ характерѣ своемъ
сталъ

сталъ несчастливъ; только бы прекрасной, шихой и умной женѣ его надлежало быть щасливой. — „Такъ ты думаешь, что добродѣшель, соединенная съ благоразуміемъ, не можетъ быть несчастлива? „ — Конечно, мапушка; этому бы по справедливости такъ бытъ надлежало. — „Это всегда и бываетъ такъ. „ — Однакожь исторія Госпожи Чудиной противное доказываетъ. — „Никакъ. Впервыхъ ты конечно повѣришь тому, что участь ея всегда была лучше участи мужа ея. „ — О! конечно: потому что ей не чѣмъ было укорять себя. — „Невинность предается во всемъ волѣ Божіей. Супруга Г. Чудина нашла въ чистотѣ души своей все то утѣшеніе, въ которомъ она имѣла нужду; не бывши добродѣтельной, не нашла бы она его: этого было уже для нее довольно. Правда, что она перенѣла многія огорченія; но этому причиною была неопытность ея. „ — Однакожь поступки ея были безпорочны, мапушка. — „Она поступила во многомъ неоспорочно. Она была хорошо воспитана; добрыя правила глубоко вкоренены были въ сердце ея. Нравъ у нее былъ самой щасливой; она твердо знала обязанности свои, и была всегда добродѣтельна.

Одна-

Однакожь она не имѣла опытности: рано вышла за мужъ, рано лишилась пупево-дипелей, во многомъ ошиблась, и нещасіе было почти неизбѣжно. „ — Ахъ, мамушка! вы удивляете меня: въ чемъ она ошиблась, въ чемъ была неоспорожна? — „ Бывши въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, и имѣвши такого подозрительнаго, вспыльчиваго и ревниваго мужа, надлежало бы ей опказаться опъ той довѣренности, въ которой супругъ ея не могъ участвовать. Однакожь это еще былъ не самой большой просупокъ ея: она сдѣлала еще двѣ важнѣйшія ошибки. Зная, что мужъ ея не любилъ пріятельницы ея, надлежало бы ей разстаться съ нею до того времени, какъ замужство ея спало бы уже всѣмъ извѣстно. Въ такомъ случаѣ она не пожертвовала бы своею пріятельницею, а лишилась бы только на нѣсколько мѣсяцовъ удовольствія видѣть ее. Такой поступокъ не только бы наполнилъ сердце мужа ея благодарностію, но истребилъ бы въ немъ и страхъ, что она его не любитъ. „ — Правда, чтобы ларчикъ не надѣлалъ такого шума, и она не потеряла бы чести своей, если бы такъ поступала; однакожь мнѣ поминися, мамушка, что она хотѣла разстаться

спашься съ другомъ своимъ, и сказала эшо мужу своему? — „Да, она хотѣла и сказала эшо; но эшова было недовольно: предложеніе ея основывалось на одной учпиво-сти; она увѣрена была, что оно при- няпо не будетъ. Ей бы надобно было объявишь твердое и непремѣнное рѣшеніе, и въ почности исполнишь его, по шому болѣе, что жертва была бы не очень ве- лика; надлежало бы шолько разлучишься на нѣкоторое время, а не навсегда.„ — Да, шеперь вижу, что эшо ошибка; од- накожь и шеперь не понимаю, какъ ум- ная и добродѣтельная жена Г. Чудина могла сдѣлать ее. Какая же другая ошибка, матушка? — „Такого же рода, однакожь гораздо неизвинительнѣе: она свободно об- ходилась съ Любовымъ, не смотря на то, что мужъ ея формально объявилъ ей рев- ность свою. Правда, что онъ говорилъ о ревности своей шакъ, какъ о излечен- ной уже болѣзни; но развѣ не знала она его чуднаго и подозрительнаго харак- пера, безпрестанно изъ противорѣчій въ противорѣчія переходящаго? Сверхъ шого, какъ могла она повѣришь шакому скорому исправленію? Не знала ли она, что жена прешупается противъ благоприспоиности и должности, ешли въ корешкіе себѣ

пріа-

пріятели избираетъ такого челоуѣка, къ которому мужъ ея когда нибудь ревновалъ, а особливо естли ревность не давно еще разсѣялась? Хотя она согласилась видѣться опять съ Любовымъ въ іпомъ увѣреніи, что подозрѣніе мужа ея навсегда испребится, когда узнаетъ онъ о женидьбѣ друга своего: однакожь надлежало бы ей прежде дождашься этого времени. Естли бы она до того времени не видалась съ Любовымъ, то умножила бы къ себѣ почтеніе и нѣжность мужа своего; но поступивши иначе, могла она все еще разрушать свокойствіе его и подвергалась многимъ смѣшнымъ и прискорбнымъ явленіямъ. „ — О! это правда; въ этомъ случаѣ поступила она очень неосторожно. — „ Подумайте же, какія непріятныя слѣдствія можетъ имѣть одна неосторожность. „ — Ужасно. — „ Сказать надобно и то, что женщина въ осьмнадцатъ, или девятнадцатъ лѣтъ, не можетъ быть разумнѣе жены Г. Чудиной. „ — По этому, матушка, не льзя молодому челоуѣку не ошибаться? — „ Нельзя, естли нѣтъ у него благоразумнаго пошеводителя или друга; котораго бы опытность помогала ему хорошими совѣтами и предохраняла его отъ всякихъ

непріятностей, копорыя всегда выходящѣ изъ необдуманнѣхъ поступковъ и недостаточнаго мірознанія., — Ахъ, мамушка! мы никогда не будемъ неоспорожны, мы всегда будемъ щасливы, имѣя въ васъ лучшаго друга и учителя! — Тутъ всѣ дѣти бросились на шею къ своей матери, чѣмъ обыкновенно окончивались разговоры ихъ.

Гж. Добролюбова еще два дни пробыла въ деревнѣ у Чудина; послѣ того возвратилась она въ село Уединенное. Въ первой вечерѣ не рассказывали дѣтямъ ничего, для того что поуспру Г. Своемысловъ не доволенъ былъ Пепромъ. Пепръ, для котораго такое наказаніе было очень мучительно, ходилъ повѣся голову и легъ спать безъ изпрошенія себѣ у Своемыслова прощенія; онъ пожелалъ ему только покойной ночи. Спустия полчаса, вошла къ нему въ комнату Гж. Добролюбова. Не спишь ли ты, Пепруша? спросила она тихимъ голосомъ. Нѣтъ еще, мамушка, отвѣчалъ онъ, вздохнувши. Не удивляюсь этому, сказала она: и естли у тебя въ самомъ дѣлѣ доброе сердце, въ чемъ и не сомнѣваюсь, такъ тебѣ и не лзя спать покойно. Возмо-
жно

жно ли, чтобы сынъ мой легъ спать съ сердцемъ на того человѣка, котораго ему сердечно любишь наддлжишь? При выходѣ его изъ своей горницы ты съ нимъ не помирился, а онъ оставилъ тебя на цѣлые двѣнадцать часовъ — Я расскажу тебѣ одно приключеніе изъ Французской Исторіи, которую нынѣ поуспру чинала. Герцогъ Бургонской, опецъ умершаго Короля, разбранилъ однажды въ ребячествѣ своемъ камердинера своего; но легши на постелю, сказалъ онъ ему: „Прости мнѣ, другъ мой, то, что наговаривалъ я тебѣ нынѣшнимъ вечеромъ, а безъ того я не засну.“ — Подумай же, могъ ли бы заснуть онъ не помирившись съ своимъ учиселемъ? а ему было тогда еще не болѣе семи лѣтъ, тебѣ же минешъ скоро десять. — „Ахъ, машушка! я увѣренъ, что и мнѣ заснуть нельзя. Позвольте мнѣ вспасть и иппи просишь прощенія у Г. Своемыслова.“ — Хорошо, поди. — Она подала ему шулупъ, которой онъ накинулъ себѣ на плеча, вскочилъ съ постели и пошелъ съ маперью въ комнату къ Своемыслову. Они постучали пихонько въ двери. Своемысловъ, которой уже надѣлъ на голову колпакъ, отворилъ ихъ и показалъ вели-

кое удивленіе, увидѣвши Петра. Петрѣ подошелъ къ нему, и, со слезами на глазахъ, спалъ просить у него извиненія въ самыхъ смиренныхъ и чувствительныхъ выраженіяхъ. Когда онѣ пересталъ говорить, Своемысловѣ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему, поворопился къ Гжѣ. Добролюбовой и очень холодно сказалъ: вы чрезмѣрно благосклонны, сударыня; и если вамъ угодно, такъ я постараюсь забыть прошедшее. Петрѣ показалъ удивленіе, что Своемысловѣ отвѣчаетъ не ему. Вамъ, сударь, отвѣчать мнѣ нечего, сказалъ Спудентѣ: мапушкѣ вашей обязанъ я посѣщеніемъ вашимъ и всемъ тѣмъ, что вы мнѣ сказали. — „Ахъ, сударь! я увѣряю васъ, что мапушка не приказывала мнѣ встать и прийти сюда.“ — Однакожь пришли ли бы вы ко мнѣ, если бы мапушка ваша не дала вамъ почувствовать, какъ дуренъ поступокъ вашъ противъ меня? — Тутъ пошупилъ Петрѣ глаза въ землю и заплакалъ. Будете, сударь, увѣрены, продолжалъ Своемысловѣ, что если бы вы по собственному побужденію своему, а не по совѣту, пришли ко мнѣ, такъ бы я принялъ васъ съ ласкою, хотя бы все еще не лъзя было оправдать того, что

вы

вы выпустили меня изъ комнаты безъ признанія вины вашей. Еще повпоряю, что въ угожденіе мапущкѣ вашей охотно васъ прощаю; но еспь, на эптошъ разъ освобождаешесь вы отъ всякаго наказанія. — Такъ я самъ себя накажу! закричалъ Петрѣ: я обѣщаюсь пятнапцать дней не слушать вечернихъ повѣстей. Это для меня самая большая жертва. Только сдѣлайте милость, Г. Своемысловѣ, не обходитесь со мною съ такою ужасною холодностію; впрочемъ наказаніе свое снесу я терпѣливо. — Послѣ сихъ словъ Своемысловѣ съ нѣжнымъ видомъ протянулъ къ нему руки, а Петрѣ бросился въ его объятія, заплакавши отъ радости, что получилъ прощеніе, а особливо, что сдѣлалъ такое дѣло, которое помирило его съ самимъ собою. Видишь, другѣ мой, сказала ему мать, какъ худо опладывать исправленіе своихъ просупковѣ; часѣ отчасу они увеличиваются: мы не находимъ уже снисхожденія, и надобно дѣлать погда чрезвычайные шаги и приносить дорогія жертвы. Еспьли бы ты, ложившись спать, извинился надлежащимъ образомъ передъ Г. Своемысловымъ, такъ бы онъ тебя простилъ, и тебѣ бы не надобно было на пятнапцать

дней отказываться отъ слушанія вечернихъ повѣстей.

Дѣти Госпожи Добролюбовой давно уговорились уже не слушать вечернихъ повѣстей, естли кто нибудь изъ нихъ въ наказаніе не можеть въ помѣ участвовать. Почему Елисаветѣ и Катеринѣ показалось время наказанія Пестрова очень долго. Онѣ часто говорили ему о худыхъ слѣдствіяхъ упрямства; онѣ обѣщались впредь воспользоваться хорошими наставленіями ихъ.

Весна приближалась; мѣсяцъ Мартѣ приходилъ къ концу, и прогулки спали уже гораздо пріятнѣе. Начала показываться снѣжные колокольчики и зелень. Николай, которой зналъ всѣ мѣста вокругъ села Уединеннаго, всякой день водилъ дѣшей шуда, гдѣ пріятность видовъ дѣлала пріятнѣе прогулку, и гдѣ зелень показывалась скорѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Лѣса не покрылись еще листьями и не было въ нихъ еще тѣней. Тамъ, подобно какъ и на лугахъ, можно было только наслаждаться теплотою первыхъ дней Апрѣля, и между тѣмъ, какъ не одѣвшіяся еще зеленою деревья вспоминали жестокость зимы, чистое и безоблач-

облачное небо и голубыми цвѣтами покрывая земля объявляли возвращеніе весны и радости ея.

У Петра съ сестрами былъ маленькой садикъ, копорымъ они вмѣстѣ веселились. Онъ раздѣленъ былъ на двѣ половины: на одной посажены были цвѣты, а на другой разныя поваренныя травы. Въ саду былъ колодезь, т. е. въ землю врытая кадка, вокругъ копорой, подобно какъ у обыкновенныхъ колодезей дѣлается, была огорожка, чшобы шуда не лъзя было упасшь, и бадья, чшобы брать воду, копорую всякой день шуда вливали. Дѣши, съ помощію Николая, сами опускали и вышаскивали бадью и сами обрабатывали садъ свой. У нихъ были пилы, шелѣжки и другія садовыя принадлежности, соразмѣрныя силѣ ихъ. Садовникъ Тимоѣей надсматривалъ надъ работами ихъ и надѣлялъ ихъ распеніями и сѣменами. Ахъ! какъ я буду рада, сказала Елисавета, поливая гіацинтъ, когда онъ разцвѣтетъ, когда его сорву и принесу къ мамушкѣ! — „Подожди, сестрица, до шого, какъ распустятся мои васильки, чшобы намъ вмѣстѣ принести ей подарокъ,“ — А я принесу ей салатъ.

Вторагонадесять Апрѣля день былъ очень хорошъ. Время наказанія Петрова окончилось. Вставши, закричали дѣти въ радости: *нынѣшнимъ вечеромъ начнутся опять наши исторійки!* побѣжали въ свой садъ и нарвали салату, гіацинтовъ, висильковъ и фіалокъ цѣлую корзинку, которую украсили ленточками и понесли въ домъ, гдѣ одну половину цвѣтовъ отдали мапушкѣ, а другую бабушкѣ. Цвѣты поставлены были въ стаканы, чтобы подождать ими наслаждаться. За обѣдомъ ѣли салатъ, и никогда салатъ не бывалъ такъ вкусенъ и такъ расхваленъ. Ввечеру сказала Гж. Правосудова, что у нее есть на припасѣ исторія; послѣ ужина начала она рассказывать ее.

V.

Евгенія и Леонсъ.

Госпожа Пальменъ, будучи еще молода и вдовствующа уже нѣсколько лѣтъ, совсемъ посвятила себя воспитанію однородной дочери, предмету всей нѣжности и всѣхъ попеченій ея. Мужъ ея по смерти своей

своей

своей оставилъ много долговъ, которыхъ Госпожа Пальменъ не могла иначе запла-
 шить, какъ оставя Парижъ и удалясь въ
 деревню, которую она имѣла въ Туренъ,
 въ небольшемъ разстояніи отъ Лоша (*).
 Замокъ былъ древенъ и пространенъ.
 Подъемный мостъ, рвы и башни, напоми-
 нали достопамятныя времена Дюгеклиновъ
 и Баярдовъ, щѣ веселыя времена рыцарства,
 о коихъ бы конечно должно было жалѣть,
 если бы справедливость и храбрость нѣ-
 которыхъ добродѣтельныхъ Рыцарей могли
 служить вмѣсто полиціи и законовъ. Вну-
 шренность замка соотвѣтствовала наруж-
 ности. Все напоминало въ ней благород-
 ную простоту нашихъ предковъ. Въ ней
 не было ни позолотъ, ни сего смѣшнаго

К 5

из-

(*) Городъ Лошь лежитъ на берегу Индра
 подлѣ большого дѣса. Въ немъ виднѣнъ
 крѣпкой замокъ, въ которомъ заклю-
 ченъ былъ Кардиналъ де ла Балю. Въ
 коллежской церкви, посвященной въ сре-
 динѣ замка, находилась гробница Агнессы
 Сорель. Лошь въ пяти миляхъ отъ Ам-
 буазы, другаго городка, известнаго по
 своимъ фабрикамъ, и заговору, несущему
 его имя; сей послѣдній городъ лежитъ
 на Луарѣ.

изобилія фарфоровѣ, куколѣ Кипайскихѣ и маленькихѣ сосудовѣ, наполняющихѣ наши новѣйшіе дома; но въ ней видны были прекрасныя обои, изображающія примѣчанія достойныя случаи изѣ Исторіи. Тамо прохаживались по пространнымѣ галереямѣ, украшеннымѣ фамильными портретами; а изѣ оконѣ залы видны были съ одной стороны величественная роща, а съ другой пріятныя берега Индра. Тупѣ-по Евгенія (такѣ называлась дочь Госпожи Пальменѣ) провела свое младенчество и первые годы юношества своего. Тупѣ-по получила она вкусѣ къ сельскимѣ увеселеніямѣ и къ тихой и уединенной жизни. Во время прекрасныхѣ дней весеннихѣ и лѣтнихѣ она прогуливалась съ матерью своею; въ полдни искали въ рощѣ тѣни и прохлады. Иногда Евгенія памѣ бѣгала, иногда рвала распенія, коихѣ имена и свойства мать ея сказывала ей. Часто слушала она памѣ наставленія и чтеніе полезныхѣ книгѣ; а при захожденіи солнца оспавляла рощу, чшобы итти на берега рѣки. Когда Евгенія вступила на девятой годѣ, то спала болѣ хозяйничать. Тысяща различныхѣ упражненій удерживала ее въ замкѣ; но она вставала рано и ходила завпракать въ звѣринецѣ или

вѣ

вѣ поле; а ввечеру проходили онѣ еще одну или двѣ мили съ матерью своею. По-другою забавѣ ея была дочь ея надзирательницы. Сія молодая дѣвушка, Валентиною называемая, была четырью годами старѣе Евгениі. Она имѣла щастливья свойства, доброе сердце, и была прилѣжна. При всѣхъ наставленіяхъ, получаемыхъ Евгениею, она присутствовала и успѣвала въ ученіи такъ, что молодая Госпожа ея по справедливости почитала ее всегда своимъ другомъ. Между лѣтъ Евгениі минуло шестнадцать лѣтъ; нравъ ея былъ сколько же крошечъ, сколько душа ея была чувствительна. Къ веселости и невиннымъ прелестямъ лѣтъ ея, присоединялись въ ней основательной разумъ, скромность и тихость. Нѣжность и признательность ея къ Госпожѣ Пальменъ были безпредѣльны. Будучи занята своею матерью во всѣ минуты своей жизни, и не упуская ни одного способа быть ей угодною, во всякомъ упражненіи находила она чувствительныя прелести. Учивши наизустъ стихи, говорила сама себѣ: *Матушка съ удовольствіемъ ихъ отъ меня услышитъ. Сего же вечера, прогуливаясь, я ей ихъ перескажу. Она похвалитъ мою память и прилѣжаніе.* Учившись Англійскому

кому или Италіанскому языку, говорила: *Какъ удивится и обрадуется матушка, когда увидитъ, что вмѣсто заданной страницы я перевела двѣ!* Писавши, рисуя, играя на арфѣ, на клавесинѣ или гитарѣ, она по же помышляла: *эта картина украситъ матушкинъ кабинетъ. Всякой разъ, какъ она на нее взглянетъ, вспомнитъ свою Евгенію. Соната, которую теперь бренчу, восхититъ матушку, когда ее хорошеньку выучу, и проч.* Сія мысль, которая ее всегда занимала, дѣлала ей ученье очень пріятнымъ; она облегчала ей наипруднѣйшія препяшствія, и превращала всѣ должности ея въ сладкое удовольствіе.

Чтобы совершить воспитаніе Евгеніи, Госпожа Пальменъ вознамѣрилась ѣхать на два года въ Парижъ. Она оставила пріятное свое уединеніе въ концѣ Сентября, и пріѣхавши въ Парижъ, наняла небольшой домикъ, въ которомъ Евгенія не однажды сожалѣла о прелестныхъ брегахъ Индра и Муары. Госпожа Пальменъ нашла съ удовольствіемъ многихъ людей, коихъ она прежде знала. Въ семъ числѣ опличала она особливо одного спараго друга мужа своего, Графа д'Амилли, заслуживавшаго въ самомъ дѣлѣ пріимущество

Щество сіе по своимъ достоинствамъ и добродѣтелямъ. Будучи вдовъ уже нѣскольско лѣтъ, имѣлъ онъ только одного осьмнадцатилѣтняго сына, съ коимъ не давно на два года распался. Сей молодой человекъ, называвшійся Леонсомъ, жилъ въ Испаніи, и долженъ былъ послѣ сего путешествовать по сѣверу:

Графъ д'Амилли всякой вечеръ ужиналъ у Госпожи Пальменъ; въ половинѣ одиннадцатого часа Евгенія ложилась спать. Какъ скоро она выходила, Графъ говорилъ о ней, и всегда съ похвалою. Онъ любовался ея дарованіями, скромностію, воздержаніемъ и нѣкоторымъ видомъ крошечности и откровенности, изливавшимъ неизъяснимую прелесть на самомалѣйшія ея дѣйствія. Послѣ сего говорилъ онъ о своемъ сынѣ, похвалялъ его разумъ, нравъ и сердце. Госпожа Пальменъ слушала съ восхищеніемъ похвалу Евгеніи. Не безъ чувства слышала она также споль часто произносимое Леонсово имя, и въ сихъ сладкихъ разговорахъ время часто совсѣмъ забывалось. Часто со удивленіемъ восклицали: *какъ! не уже ли четвертой часъ!* Графъ д'Амилли продолжалъ свои посѣщенія, однако безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія. Однажды сказалъ онъ только:

сынъ

сынъ мой будетъ имѣть великое богатство, потому что я его имѣю; но прежде, нежели раздѣлю его съ нимъ, хочу его научить владѣть имъ. По возвращеніи его будетъ ему двадцать лѣтъ. Я его женю на достойной любви особѣ, которой бы прелести, примѣръ и крепость могли сдѣлать ему все его обязанности пріятными и заставили бы его любить добродѣтель. Госпожа Пальменъ узнала въ описаніи сей женщины свою Евгению; но размышляя о крайней несоразмѣрности своего и Графа д'Амилли состоянія, прудно было ей увѣриться, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сына своего женить на ея дочери.

Уже прошли почти два года послѣ того, какъ Госпожа Пальменъ пріѣхала въ Парижъ, а Евгени исполнилось осьмнадцать лѣтъ. Однимъ вечеромъ Графъ д'Амилли, входя къ Госпожѣ Пальменъ, попросилъ у нее позволенія представитъ ей недавно пріѣхавшаго своего сына. Въ то же время предсталъ молодой человекъ наипріятнѣйшаго вида, подошедшій къ Госпожѣ Пальменъ съ поропливымъ и застѣнчивымъ видомъ, которой еще увеличивалъ природныя его пріятности. Графъ и сынъ его остались ужинать.

мантъ. Леонсѣ говорилъ мало, но много смотрѣлъ на Евгению; всякое слово его показывало, что онъ чувствовалъ сильнѣйшее желаніе понравиться Госпожѣ Пальменѣ. На другой день Графъ съ сыномъ своимъ опять къ ней прѣехали, но Госпожа Пальменѣ объявила безъ обиняковъ, что она положила себѣ за непремѣнное правило не приниматьъ въ домъ у себя молодыхъ людей Леонсовыхъ лѣтъ. Однакожь надобно, чтобъ вы его разсмотрѣли, сударыни! перервалъ Графъ: будетъ ли онъ вамъ угоденъ. — „Что вы хотите сказать?“, — Развѣ вы не видите, что его и мое благополучіе отъ того зависитъ? И такъ возьмите время для узнанія его; и если онъ будетъ столько щасливъ, что вамъ понравится, то и мнѣ и ему ничего уже желать не останется. Сіе было сказано ясно. Госпожа Пальменѣ изъяснила Графу благодарность. Однакожь не сказала она ничего рѣшительнаго, желая напередъ спросить Евгению и провѣдать пообстоятельнѣе о Леонсовомъ нравѣ. Все, что она о немъ ни свѣдала, лишь только усугубило ея желаніе имѣть его зятемъ своимъ; и по возобновленіи отъ Графа просьбы о рѣшительномъ отвѣтѣ, она уже

не опложила дашь его. Во всемъ согласи-
лись, и брачной договоръ былъ подпи-
санъ. На другой день Леонсъ получилъ съ
восхищеніемъ руку любви достойной Ев-
гени, и вскорѣ послѣ того поѣхали ново-
брачные въ прекрасную деревню, коѣю
Графъ имѣлъ въ десяти миляхъ отъ Па-
рика, и положили, чѣобы возвратиться
въ Парижъ не прежде конца осени.

Госпожа Пальменъ прожила съ ними
три мѣсяца. По прошествіи сего вре-
мени принуждена она была ихъ оставить.
Желая переѣхать навсегда въ Парижъ,
надлежало ей съѣздить въ Турень. Хотя
ей и надобно было возвратиться пре-
жде зимы, однакожь Евгения имѣла нужду
во всемъ своемъ разсудкѣ, чѣобы пере-
нести столь тяжкую разлуку. Печаль
ея и задумчивость по отѣздѣ ея
матери сдѣлали ее въ глазахъ Леон-
совыхъ еще прелестнѣе. Онъ находилъ
пайное удовольствіе смотрѣть на нее
въ семъ состояніи унынія и печали.
Видя печеніе слезъ ея, говорилъ онъ
самъ въ себѣ: какъ сильно могу я нѣ-
когда овладѣть столь чувствительнымъ
и столь благодарнымъ сердцемъ! Однако
Евгения, опасаясь опечалить Леонса, не по-
казы-

казывала ему всей своей горести; но она оставляла уже за по все сіе принужденіе, будучи одна съ Валентиною, пою молодую дѣвицею, о которой я говорила и которая была подругою ея дѣшства. Сладчайшее Евгенино утѣшеніе состояло въ томъ, чтобы говорить о своей матери и писать къ ней ежедневно длинныя письма, содержащія подробнѣйшее описаніе ея чувствованій, упражненій и забавъ.

Прошли почти два мѣсяца по отбѣздѣ Госпожи Пальменъ. Въ теченіи сего времени Евгения ни однажды не ѣздила въ Парижъ; будучи съ своимъ шестемъ и съ своимъ мужемъ, оставалось ей желать только возвращенія матери своей. Для Леонса была она все, а онъ съ своей стороны становился ей часъ отъ часу дороже. Часто ходили они прогуливаться одни въ рощи и поля. Евгения дѣлала Леонсу вопросы о его путешествіяхъ, и съ удовольствіемъ научалась отъ него. Иногда, сидѣвши на берегу ручейковъ, Евгения пѣла прекрасныя пѣсни. Пріятной и сладкой голосъ ея привлекалъ къ себѣ пасуховъ и жнецовъ. Одни оставляли свою работу, другіе покидали свои спада, и всѣ сбѣгались слушать ее.

Она останавливала работы и заставляла забывать усталость. Въ одинъ вечеръ Евгенія примѣшила въ семъ сельскомъ собраніи слушателей одного старика, котораго она еще не видала. Онъ имѣлъ столь почтенной видъ, столь украшенъ былъ сѣдинами, что Евгеніи захотѣлось узнать его имя. Она свѣдала, что онъ назывался Томою, что ему было семьдесятъ пять лѣтъ, что у него была сестра въ параличѣ, и что онъ былъ дѣдъ пяти внуковъ, сиротъ, которыхъ всѣ только его трудами питались. Евгенія имѣла весьма малой доходъ. Хотя мать ея обладала великимъ имѣніемъ; хотя былъ благороденъ и благотворителенъ: однакожь, желая вселить въ сына своего любовь къ хозяйству и порядку, былъ онъ такъ благоразуменъ и твердъ, что не дѣлилъ еще съ ними всего своего достатка. Когда вы мнѣ докажете, говорилъ онъ имъ, что умѣете достойно употреблять деньги: тогда будетъ у насъ щепъ общій. На примѣръ, черезъ пять лѣтъ, если въ печеніи сего времени вашимъ поведеніемъ буду доволенъ, отступлюсь отъ всего охотно въ пользу разумнаго и порядочнаго сына; но не опдамъ безразсудному и мощу такого имѣнія, которымъ я

одному

одному себѣ обязанъ, и коимъ могу располагать по моему соизволенію. Ахъ, бабушка! перервалъ Леонсъ: женивши меня на Евгении, вы мнѣ все пожаловали!

Евгенія со своей стороны не желала умноженія дохода своего. Съ разумомъ и хозяйствомъ самое посредственное имѣніе достаточно. Почему Евгенія и была столько богата, что могла быть щедрою и благотворительною. Будучи занята спарикомъ Осмою, сказала она Валентинѣ, ложась ввечеру спать, что она пошлетъ ему съ нею нѣкоторую сумму денегъ. Поутру Графъ д'Амилли пришелъ по своему обыкновенію завтракать съ своею невѣсткою: вотъ тебѣ билетъ для балу, сказалъ онъ ей: черезъ двѣ недѣли даютъ въ Парижѣ великолѣпной праздникъ, на которой зовутъ и тебя. Тебѣ надобно бальное платье: такъ я тебѣ его и принесъ. Проговоря сіи слова, Графъ положилъ на столъ кошелекъ съ шестьюдесятью луйдорами. Какъ скоро Евгенія оспалася одна, по позвала Валентину, и показала ей полученной ею подарокъ. На пятьдесятъ луйдоровъ, сказала она, я сдѣлаю себѣ довольно хорошее платье. И такъ десять луйдоровъ изъ этой суммы отдамъ

Л 2

дамъ

дамъ бѣдному Ѳомѣ. А ты, Валентина, навѣдайся въ деревнѣ, все ли по справедливо, что мнѣ объ этомъ старикѣ сказали; и ежели мнѣ не солгали, то я сама опнесу ему тѣ деньги, которыя опдашь ему опредѣлила.

Послѣ обѣда Валентина возвратилась изъ деревни и донесла молодой Госпожѣ своей, что она не только у Священника и у многихъ крестьянъ навѣдывалась, но что ходила и къ старику въ избу, и видѣла лежащую въ параличѣ сестру, за которою ходитъ старшая Ѳомина внука, дѣвушка лѣтъ двѣнадцати; что больная лежитъ въ чистой горницѣ, на довольно хорошей постелѣ, и что старикъ живетъ въ амбарушкѣ, и спитъ на соломѣ, и что, однимъ словомъ, Ѳома былъ самой честной и несчастной мужикѣ во всей деревнѣ, самой лучшей братѣ и дѣдушка. Пойдемъ же, сказала Евгенія: кошелекѣ, которой далъ мнѣ бапюшка, со мною; опнесемъ ему потчасъ десять луйдоровѣ. Договаривая сіи слова, Евгенія взяла Валентину за руку и пошла съ нею, приказавъ сказать Леонсу, которой доигрывалъ паршію въ вискѣ, что она идетъ къ ивняковой

дорожкѣ, смотрѣшь, какѣ жнутѣ хлѣбѣ. Евгенія пришла на то поле, на которомѣ Ома обыкновенно работывалѣ до солнечнаго заходенія. Она искала его глазами, но не видя его спросила, гдѣ онѣ. Ей отвѣчали, что Ома, будучи утомленѣ жаромѣ и работою, пошелѣ на чашокѣ отдохнуть подѣ шѣнію, и что заснулѣ на берегу ручья подѣ большихѣ шиповыхѣ кустовѣ.

Евгенія и Валентина пошли туда. Черезѣ минушу увидѣли онѣ издали спящаго и окруженнаго своими внучапами спарика. Онѣ приближались съ оспорожноспію, опасаясь его разбудить, и оспановились за нѣсколько шаговѣ, чтобы любоваться прогашельнѣйшею и привлекапельнѣйшею карпиною. Добрый спарикѣ погруженѣ былѣ вѣ глубокомѣ снѣ. Осьми, или девятилѣпная прекрасная девушка привязывала пихонько свой передникѣ къ шиповнику надѣ головою своего дѣда, чтобы составить покрывало, которое бы защитило его отѣ солнечнаго зноя; одинѣ изѣ ся братій помогалѣ ей вѣ сей работѣ, а двое, державши вѣ рукахѣ ивовыя вѣшвы, и споявши по сторонамѣ спарика на колѣняхѣ, отгоняли отѣ лица

его мухъ и комаровъ. Дѣвушка, увидѣвши Евгенію, дѣлала ей рукою знаки, чѣшобы она не шумѣла. Евгенія улыбнулась, и подходя на цыпочкахъ, поцаловала дѣвушку, и сказала ей пошхоньку: мнѣ надобно сѣ швоимъ дѣдушкою, когда онъ проснешся, поговорить. Поди шуда играшь со своими братцами, а какъ я тебя кликну, такъ возвратись. Дѣвушка и мальчики ошговаривались, и согласились удалиться шолько сѣ шѣмъ уговоромъ, чѣшобы Евгенія и Валсншина хорошечко отгоняли мухъ вмѣсто ихъ.

Послѣ сего договора, Евгенія взяла ивовыя вѣшвы и сѣла сѣ Валентиною подлѣ шиповника; а ребяпишки ушли изъ виду. Тогда Евгенія, вынувши кошелекъ свой изъ кармана, положила его на колѣни, чѣшобы взять десять луйдоровъ. Послѣ сего, опасаясь сдѣлать шумъ шешомъ денегъ, она остановилась и взглянувши на спарика, смотрѣла на него сѣ соболѣзнованіемъ. Какъ онъ спитъ покойно! говорила она: бѣдной и почпенной спарецъ!, . . . Сколько видѣ его прогашелецъ и достоинъ почпенія! семдесятъ пять лѣшъ! . . . Какіе годы!, . . . Въ шеченіи шакого времени сколько перенесъ онъ

онъ прудовъ! А нынѣ, когда уже силы покидаютъ его, онъ все таки принужденъ безпрестанно работать! — Проговоря сии слова, Евгенія пролила нѣсколько слезъ. Подумайте, сударыня, сказала Валентина, подумайте о радости, которую вы ему причините, давши ему десять луйдоровъ... Эпошъ даръ, перервала Евгенія, эша малая сумма не можешъ составить блаженства его жизни! О какъ сладостно бы было утвердить спокойствіе престарѣлыхъ его дней! На какую бы радость онъ проснулся! Десять луйдоровъ будущъ шолько вспоможеніемъ его бѣдности, но пятьдесятъ приведущъ его въ изобиліе. Пятьдесятъ луйдоровъ! То, чего будетъ стоить мое платье! Но какое же удовольствіе принесетъ мнѣ это платье? Его даже и не замѣшатъ; шамъ будетъ сто великолѣпнѣйшихъ. . . . Если на мнѣ будетъ платье обобраное золотыми бахрамами и блесками, не уже ли, Валентина, покажусь я опъ того Леонсу лучше? Сегодня онъ меня очень хвалилъ, а на мнѣ было шолько бѣлое платье, да васильки, которые онъ самъ пошпру нарвалъ въ полѣ. За десять луйдоровъ могу имѣть платье новое, которое хощя и будетъ проспо, однакожь приспанетъ ко мнѣ

болѣе, нежели богатое. Цвѣты и флеръ приличнѣе къ моимъ лѣтамъ. Какъ ты думаешь? -- „Я, сударыня? Признаюсь вамъ, что мнѣ бы очень хотѣлось видѣть васъ нарядною.„ — Ахъ, Валентина! посмотри на эпова спарца, и ты не спанешь болѣе занимаешься такою суешною мыслію. Подумай о удовольствіи, которое почувствую, извлекая изъ бѣдности эпова добродѣтельнаго человѣка! Съ какою бы радостию, Валентина, ужиналъ онъ севодни среди своихъ внучатъ! съ какою бы чистою радостию онъ ихъ цаловалъ и принималъ ихъ ласки! А завтра могла бы я о всемъ этомъ описать къ мапушкѣ. . . . Ахъ, мапушка! какъ бы ты ушѣшилась, читая письмо! . . . „Но вы только однѣ, сударыня, будете такъ просто одѣты на этомъ праздникѣ; это можетъ быть прошивно будетъ бапюшкѣ вашему — А можетъ быть и Леонсу.„ — Однакожь они оба благотворительны. — Пойдемъ, Валентина; я спрошуся съ Леонсомъ. Я не должна ничего дѣлать безъ его согласія. Но удалимся отсюда, потому что видѣ эпова спарика приводитъ меня въ такое искушеніе, которому я не въ силахъ буду прошивиться. Пойдемъ, пойдемъ искать Леон-

Леонса; мы опять сюда возвратимся. Пойдемъ. — Говоря сіи слова, Евгенія хотѣла вставать; но вдругъ услышала позади себя шумъ отъ листьевъ, заставившій ее оборотиться, и въ то же время увидѣла Леонса, которой изъ за-куста кинулся къ ея ногамъ. Спусти нѣсколько времени по уходѣ Евгеніиномъ, пошелъ онъ изъ замка за нею въ слѣдъ. Зная, что Евгенія ищетъ Оому, и не сомнѣваясь, чтобы сіе не было въ намѣреніи подать ему какой либо помощи, спрятавшись онъ позади шиповника, чтобы слышать Евгеніинъ и стариковъ разговоръ; и сидя тамъ, хотя Евгенія говорила только въ полголоса, не проронилъ онъ ни одного слова; потому что опдѣленъ отъ нее былъ только одними листочками. Любезная Евгенія! воскликнулъ онъ, упавши къ ногамъ ея, и обнимая ея колѣни: я все слышалъ. Занимаясь способами утвердить благополучіе эшова старика, ты утвердила мое собственнос; потому что эшотъ разговоръ далъ мнѣ знать, какой ты любви достойна.

Леонсъ еще говорилъ, какъ Оома проснулся. Евгенія вырвалась изъ рукъ Леонсовыхъ, и подошла къ старику, ко-

порой съ удивленіемъ на нее посмотрѣлъ и изъ почтенія къ ней хотѣлъ встать, Евгенія просила его не вставать. Онъ извинялся, примолвя: мнѣ надобно ипши работать. Иѣтъ, сказала Евгенія, отдохни севодни. . . — „А работа - моя? „ — Я тебѣ за нее заплачу. Возьми эшотъ кошелекъ. Дай Богъ, чтобы ты взялъ его съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ я отдаю тебѣ его! Евгенія съ нѣжнымъ и почтительнымъ видомъ наклоняется и кладетъ въ прясущіяся спариковы руки кошелекъ съ ~~пятидесятью~~ луйдорами. Леонъ, стоявши противъ Евгени, съ восхищеніемъ на нее смотрѣлъ. Никогда не казалась она глазамъ его такъ прелестною; никогда не дѣлала она въ сердцѣ его споль сладкаго и споль глубокаго впечатлѣнія.

Между тѣмъ спарикъ смотрѣлъ съ нѣкопорымъ внезапнымъ удивленіемъ на кошелекъ, положенной на его колѣни. Опръ роду своего не видалъ онъ такога числа денегъ. Онъ пропиралъ себѣ глаза и боялся, не спитъ ли еще и не спится ли эпо ему. Евгенія въ молчаніи наслаждалась его удивленіемъ. Наконецъ, сжавши крѣпко руки свои, воскликнулъ онъ; да
что

что сдѣлалъ я, Боже мой, чтобы заслужишь такой великой даръ? Онъ поднялъ голову, и смотря на Евгенію съ исполненными слезъ глазами, продолжалъ: Ахъ, сударыня! да дастъ вамъ Господь такихъ дѣтей, которыя бы на васъ похожи были! — Болѣе сего не могъ онъ ничего сказать, Слезы перервали его слова. Въ сіе время всѣ Омины ребяпишки прибѣжали. Евгенія просила старика прибратъ свой кошелекъ, и не сказывать никому о семъ происшествіи до пѣхъ поръ, пока она не позволишь ему о томъ говорить. Послѣ сего Евгенія еще поцаловала миленькую Симонешку, и проспаясь съ добрымъ старикомъ, возвратилась съ Леонсомъ въ замокъ. Евгенія по весьма естественной нѣжности не хотѣла, чтобы песъ ея узналъ о семъ приключеніи прежде праздника, на которой она должна была ѣхать, опасаясь, чтобы Графъ не далъ ей другаго бальнаго плашья. Наконецъ день сего праздника наступилъ. Графъ остался въ деревнѣ, и поручилъ Евгенію одной изъ своихъ родственницъ; Леонсъ поѣхалъ съ нею же въ Парижъ. На балъ Евгенія привлекла къ себѣ взоры всѣхъ людей не только прелестію своего вида, но и изящною простопою своего
плашья,

плащя, опличавшаго ее отъ всѣхъ прочихъ женщинъ. Золото, камни и жемчугъ не обременяли ея убранства; ни что не опнивало у нее природной ея ловкости, и она получила предъ всѣми преимуществво въ панцѣ и въ красотѣ.

Благополучіе спариково не однократно воображенію ея представлялось, и усугубляло ея радость; и смотря на безмѣрное и глупое великолѣпіе молодыхъ особъ ея лѣтъ, часто она сама себѣ говорила: какъ жалю о нихъ! онѣ не знаютъ истинныхъ веселій. — На другой день Леонсѣ привезѣ Евгенію опять въ деревню. Ему хотѣлось, чтобы отецъ его видѣлъ ее въ бальномъ плащѣ; ибо горѣлъ нетерпѣливостію рассказать ему спариково приключеніе. Леонсѣ зналъ своего отца, и наслаждался напередъ тѣмъ удовольствіемъ, которое надѣялся ему доставить. Въ самомъ дѣлѣ Графъ слушалъ приключеніе сіе съ радостію и чувствительностію. Онѣ нѣсколько разъ цаловалъ любви достойную Евгенію, и съ сего часа полюбилъ ее, какъ родную свою дочь. На другой день Евгенія и Леонсѣ пошли навѣспить старика. Леонсѣ объявилъ ему, что возьмешъ на себя спарикове

ніе

ніе о двухъ его внукахъ, а именно о маленькой Симонетшѣ, и второмъ ея братѣ. Первая была послана въ Парижъ и отдана въ ученье къ прачкѣ, а другой къ споляру. Графъ д'Амилли увѣнчалъ благополучіе стариково, давши ему корову и десятину земли подлѣ его избы. Госпожа Пальменъ, щастливая мать Евгеніи, возвращаясь изъ Турена, получила на дорогѣ письмо, въ которомъ было все сіе описано. — Любезныя дѣти! въ ваши лѣта не можно себѣ еще представить того впечатлѣнія, которос подобное письмо можешъ произвести въ сердцѣ матери. . . . Наконцѣ, нѣжная и прелестная Евгенія очутилась опять въ объятіяхъ Госпожи Пальменъ, которая провела остатокъ своихъ дней съ дочерію своею, столь достойною всей ея нѣжности. Евгенія сославляла всегда благополучіе своея матери, мужа и всей семьи своей. Она нашла въ своемъ сердцѣ и во всеобщемъ уваженіи истинную награду своихъ добродѣтелей, и Небо для увѣнчанія ея благополучія исполнило стариково желаніе; она имѣла достойныхъ ея дѣтей, усладившихъ ее всюю тою радостію, которую она своей матери дѣлала.

VI.

Тутъ Госпожа Правосудова прервала свою рѣчь, а Госпожа Добролюбова спросила: ну, дѣшн, понравилась ли вамъ эша повѣсть? — „Очень, мапушка, и я постараюсь походить нѣкогда на любезную Евгенію.“ — И я шо же; потому что она сдѣлала мать свою щаспливою. А я, сказалъ Петрѣ, буду подражать Леонсу. Но позвольте мнѣ, мапушка, сдѣлать вамъ вопросъ: Леонсѣ, спрятавшись за кустарникѣ, подслушивалъ Евгенію: эшо, кажется мнѣ, не очень хорошо. — „Я радуюсь, видя вѣ тебѣ такую нѣжность: она весьма основательна. Правда, Леонсѣ былъ увѣренъ, что Евгенія будетъ говорить только о спарикѣ, и что она никакой шайны не сообщаетъ Валентинѣ. Но не смотря на эшо, онѣ все таки дурно сдѣлалъ, спрятавшись и подслушивавши ее. Какъ скоро какое либо дѣйствіе само по себѣ осудительно, шо не надобно его позволять себѣ, какая бы причина къ шому насѣ ни побуждала. Я постараюсь, дѣшн мои, показать вамъ, что есть добро, и что есть худо; и когда вы получите эшо драгоценное познаніе, шо я увѣрена, что

что вы полюбите добродѣтель, которая всего любезнѣе, и возненавидите пороки. И тогда, ежели вы захотите быть счастливы и почитаемы, по скажите сами себѣ: я никогда не сдѣлаю осудительнаго дѣла, каково бы ни было положеніе, намѣреніе и побужденіе, могшее извинить бы его въ собственныхъ глазахъ моихъ.

Послѣ того Госпожа Добролюбова встала, и проспясь со всѣми, каждой пошелъ въ свою комнату. Ложась спать, Госпожа Добролюбова была весьма далека отъ предчувствованія той ужасной печали, которая овладѣла ею по пробужденіи ея. Мѣсяца съ два всѣ извѣстія, получаемыя ею изъ Москвы и изъ Арміи, увѣряли ее, что войны не будетъ. Каковажь была ея горесть, когда въ 8 часовъ поутру получила она изъ Москвы письмо, въ которомъ увѣдомляли ее, что война начинается, что непріятельская Армія въ полѣ, и что сраженіе неизбежно!

Дѣши ея, узнавши горестное сіе извѣстіе, раздѣляли съ родительницею своею печаль ея. Всѣ игры были прекращены, всѣ веселія забыты, и часы отдохновенія протекали въ грусти и слезахъ. Сіе состояніе продолжалось двѣ недѣли.

Нако-

Наконецъ, на канунъ перваго числа Мая, когда дѣти въ 9 часовъ поуспру слушали прилѣжно главу изъ Евангелія, копорую читали имъ вслухъ Своемысловъ, вдругъ слышали онѣ крикъ. Онѣ слышали между многими другими голосами голосъ матери своей. Съ препетомъ и изумленіемъ кинулись онѣ всѣ прое къ дверямъ и въ объятія къ матери, восклицавшей: слава Богу! слава Богу! извѣстіе о войнѣ проггалось; я получила отъ отца письмо: войны не будетъ, и онъ здоровъ. — Дѣти, заливаясь слезами, бросились съ воспоргомъ на шею къ родительницѣ, и и однимъ рыданіемъ могли только изъяснить крайнюю свою радость. — Госпожа Добролюбова, опершись о плечо нѣжной матери своей, и прижимая дѣтей къ своей груди, представляла всѣмъ собравшимся людямъ своимъ проггательнѣйшее зрѣлище. . . . По нѣкопоромъ молчаніи, прерывавшемся радостными слезами, Госпожа Добролюбова сѣла среди благополучной своей семьи, и прочла вслухъ полученное ею письмо.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей Части).

Л Ъ Т О (*).

Изъ блистательной страны эфирной низхо-
дитъ чадо солнца, лучезарное Лѣто.
Тордо шествуетъ оно, и приближеніе его
чувствуетъ Природа въ самой глубинѣ своей.
Сопровождаетъ его жары и вѣтры южные.
Отвращаетъ Весна румяное лице свое, и уда-
ляется, отдавая землю и небо подъ управленіе
его.

Спѣшу въ тѣнь лѣсовъ густѣйшихъ,
гдѣ едва лучъ солнечный проникаетъ мра-
чность, и, сидя на зеленыхъ берегахъ тихой
рѣки, воспѣваю славу Лѣта.

Вдохновеніе! оставь на время уединен-
ное жилище свое, рѣдко смертными находи-
мое; озари воображеніе мое лучемъ свѣта
твоего, духъ творческій въ избранныхъ чело-
вѣковъ вселяющаго, и всѣ душевныя силы въ
воспоргъ приводящаго!

А вы, юные друзья Музы моей, въ
копорыхъ явны еще истинныя красоты чело-
вѣчества: спокойный духъ, нѣжность сердца,
непришворная честность и свобода душе-
вная! — опроки! внимайте проспой пѣсни

Часть X: No. 26. М мо-

(*) Напечатанное въ концѣ IX Части сочиненіе,
подъ названіемъ Весна, и сіе предложено
читателямъ нашимъ для того, чтобы по-
знакомиться ихъ со слогомъ Поэзии.

моей, и не почтите меня недостойнымъ благоволенія вашего!

Съ какою удивительною силою ввержены были въ началѣ тяжелыя планеты въ безконечное пространство, дабы въ печеніи многихъ тысячелѣтій, истребившихъ миллионы Царствъ со всѣми ихъ мнимовѣчными памятниками, пребыть постоянными, неупомимыми въ печеніи своемъ, и раздѣлять всегда одинаково времена сутокъ и года; времена, безпрестанно въ вѣчность вливающіяся! Совершеннѣйшая рука правитъ цѣлымъ, никогда не общипываясь, никогда не обмѣриваясь, никогда не обвѣшиваясь.

Кратко теперь время ночи. Скоро показывается вѣспница приближающагося дня, заря утренняя, масть росы. Сперва открывается она на восхождѣ въ цвѣтѣ блѣднаго пурпура, по томъ принимаетъ видъ огненной, разпространяется по небесамъ, и блистаніемъ своимъ облака раздѣляетъ. Поспѣшно удаляется черная ночь. Вдругъ является молодой день, и представляетъ взору величественные виды. Камни покрыты блестящею росой, а верьхи высокихъ горъ туманомъ. Сіяютъ лазурію дымящіеся ручьи. Робкій заяцъ ужасается свѣта, открывающаго его врагамъ многочисленнымъ, и спѣшитъ съ поля въ непроходимой лѣсѣ; издалики взираетъ прыгающая серна на шествующаго

спран-

странника, вмѣстѣ съ зарею отъ сна воспавшаго. Пробуждается музыка, гласъ невиннаго веселія, и по всѣмъ окрестностямъ раздаются лѣсные гимны. Пробужденной пѣніемъ пѣтуха, оставляетъ поспѣшно одѣвшийся пасухъ хижину свою, всегдашнее жилище мира, и гонитъ въ порядкѣ стадо свое на шучную зелень.

Погруженной въ ложное сладострастіе, не уже ли не хочетъ еще человѣкъ пробудиться? Не уже ли не вспалъ еще съ ложа лѣннсти насладиться прохладными и тихими часами, копорые надлежитъ ему посвящать размышленію и священному пѣнію? Развѣ и для мудраго имѣетъ сонъ какія нибудь прелести? Развѣ пріятно быть въ мерпвомъ забненіи, лишаться половины весьма крапкой жизни, погружаться просвѣщенной душою во шмѣ, или въ беспорядочныхъ сновидѣніяхъ? Какъ желать пробыть въ семъ мрачномъ состояніи долѣе, нежели Природа пребуетъ? — Уже веселія пѣсни поздравляютъ того, кто воспалъ рано, кто воспалъ такъ, какъ человѣку воспавъ должно.

Возходитъ могущественной Царь дня, солнце, шоржествуя возхожденіе свое. Уменьшающіяся облака, огнемъ покрывающаяся лазурь и шекущимъ златомъ освѣщенные верхи горъ, возвѣщаютъ радостно приближеніе его. Вдругъ показывается оно съ одной стороны rossoю блистающей земли и разкрашеннаго воздуха въ безпредѣльномъ величествѣ. Свѣтъ

разливается по всему творенію. О свѣтъ, великой источникъ радостей! изъ всѣхъ матеріальныхъ вещей лучшая и первая! изліяніе Божества! лучезарная одежда Природы! безъ тебя бы все сокрывалось въ существенной мрачности: — Ты же, душа міровъ, солнце, въ которомъ величество Создателя являе всего открывается! дерзну ли я пѣть о тебѣ?

Твоею тайною, могущественною, привлекательною силою пребываетъ система твоя постоянна въ печеніи своемъ отъ отдаленныхъ предѣловъ Сатурна, свершающаго круговращеніе свое въ тридцать лѣтъ, до Меркурія, котораго кольцо покрывается свѣтомъ своимъ, и едва видимо окомъ философическимъ.

Правитель планетъ! безъ своего оживляющаго вліянія были бы онѣ темными шарами, бездѣйственными и мертвыми, а не цвѣтущими хранилищами жизни, яко теперь. Въ какіе многочисленные роды вливають лучи твои духъ жизни, отъ благороднаго чело-вѣка, до Эфемерона, нѣсколько часовъ живущаго! — Ты же правишь и царствомъ распеній, спецъ временъ года! изліяніемъ твоея силы распушь травы и древа: ты же и красишь ихъ. Сила твоя не ограничивается еще поверхностью земли; она глубоко проникаетъ въ нѣдра ея, дабы производить минералы. — Но слабъ я воспѣть достоинство,
кра-

красоту и полезность твою, источникъ свѣта и жизни, пріятности и веселія на землѣ. . . .

Но какъ же осмѣлюсь я пѣть о Тебѣ, Существо Всевысочайшее, одѣянное несозданнымъ свѣтомъ и сокрывающееся отъ глазъ человѣка, даже и самаго Ангела! Если бы Ты сокрылъ лице Свое, то мгновенно низверглось бы солнце, купно со всѣми угасшими звѣздами, въ прежнее свое ничтожество.

Если бы всякая косноязычная человѣческая хвала, Тебѣ, Отецъ всемогущій, на землѣ воспѣваемая, совершенно умолкла: тогда Твои возбудили бы гласъ всеобщій и среди самыхъ уединенныхъ дѣсовъ, гдѣ никогда нога человѣческая не бывала; возвѣспили бы всемогущество Твое, вѣчная Причина, Сподопъ и Цѣль всего сущаго!

Буди всегда единственнымъ веселіемъ моимъ разсмаиваніе Природы, чтеніе книги ея! Иногда вдохновенной ею, сплану въ восхищеніи переводить нѣкоторыя легкія мѣста изъ нее на слабой языкъ человѣческой.

Могущественное солнце, возходя на небѣ выше и выше, расплещетъ высокія облака въ чистой воздухъ, равно какъ и разноцвѣтные и упренніе туманы, вокругъ холмовъ носившіеся. Прохлада удаляется подъ густыя шѣни, гдѣ на зеленой и цвѣтами усѣянной муравѣ можно покойно засыпать и видѣть пріятные сны, а на берегахъ журчащихъ ручейковъ размышлять о будущей жизни. Между шѣмъ усиливающаяся вліянія

жара на челоуѣка, на звѣрей, на правы, на шихія полевья рѣки. Кто можетъ безъ сожалѣнія взирашь на цѣлны, ушромѣ разнуспившіеся, а шеперь уже увядающіе! Такъ увядаешъ красона юноши, когда онѣ предаешя влеченію спрасшей.

Жаркіе лучи солнца оживляющъ насѣкомыхъ. Изъ всякаго сучечка, изъ всякой ямки вылепаешъ ихъ множество. Всѣ онѣ украшены различными красками, образованными шаинспвеннымъ огнемъ. По природному влеченію лепяшъ нѣкоторые на освѣщенныя солнцемъ воды, другія въ лѣса, инья на луга. Все въ Природѣ исполнено жизни. Множество живущихъ тварей сокрываешя и опѣ самаго микроскопа. Всякой листочикъ ешъ малой мѣрѣ; но шаковые мѣры небесная Премудрость сокрыла опѣ глазъ нашихъ, дабы предохранить насъ опѣ всегдашняго разсѣянія.

Умолкни, дерзкой смерпной, возстающій пропивъ Творческой премудрости, говоря, что иное создано безъ всякой цѣли! Можетъ ли надушое невѣжештво порицать дѣла Его, когда малѣйшая часть ихъ выше круга духовнаго зрѣнія его? Не все шо безъ цѣли создано, чему я цѣли не нахожу. Челоуѣкъ! проникни прежде умомъ своимъ въ законы Премудраго, обозри всю цѣль существъ, и тогда уже суди о твореніи.

Пуспы деревни шеперь. Давно уже ушелъ на луга сельской юноша, укрѣпленной работою,

пою, матерію силъ пѣлесныхъ; туда ушла и юная креспьянка, красосою подобная розѣ; туда же ушли и родители ихъ. Влистають шамѣ, косы, валился бальзамическая шрава, спавягся высокіе стоги. Работу свою оживляють они пѣснями, изображающими невинность, простоту и веселіе работниковъ.

Наспупаетъ полдень. Солнце выпускаетъ пламенные лучи свои прямо на пѣмя. Ослабительной блескъ покрываетъ небо и землю, и все дышетъ огнемъ. Тщешно преклоняетъ человекъ голову къ землѣ, думая найти какую нибудь прохладу. Отъ земли подымается горячій паръ, и прелсленные солнечные лучи мучительны для зрѣнія. Жаръ проникаетъ въ самые корни растений и клонитъ ихъ къ землѣ: самые цвѣты воображенія засыхаютъ, самая душа увядаетъ. Косѣцъ, утомленной работою и несноснымъ вномемъ, обкладываетъ всего себя влажнымъ сѣномъ, испускающимъ благовоніе. Едва слышенъ голосъ сприказы, прыгающей по безмолвному лугу. Разслабленіе видно во всей Природѣ. Даже и рѣки кажутся издали помными, спѣша съ нешерпѣніемъ протекають несѣненные мѣста и подлишья подъ кровъ густыхъ деревъ.

Могучественной жаръ! умягчися и не устремляй на меня лучей своихъ съ шакою силою! Но шы изливаешься безпрестанно. Тщешно вздыхаю, съ одной стороны обращаюсь на другую и сильно желаю ночи.

Далека еще ночь, и жаркіе часы лишь только настали. Шаспливъ пѣснь; кто теперь закрывшъ пѣнію вѣшвистыхъ деревъ, неозаряемою ни однимъ лучемъ солнечнымъ; или покойно сидишь въ прохладной пещерѣ, обросшей густымъ кустарникомъ, и не чувствуешь того пламени, которое пожираетъ весь міръ. Поучительное изображеніе добродѣтельнаго мужа, сохраняющаго въ чистотѣ совѣсть и сердце въ спокойствіи, среди порокомъ правимаго міра!

Благословляю васъ, мирныя сѣни до облаковъ воздымающихся соснѣ! прохлада ваша пріятна сердцу, подобно какъ чистой ручей ушомленному оленю: она укрѣпляетъ нервы, освѣжаетъ чувства и бальзамъ жизни приводитъ снова въ быстрое печеніе.

Паритъ орелъ подъ самыми облаками, такъ что едва видяшь его глаза мои, копырымъ на сей воздушной высотѣ кажется онъ менѣе воробья. Между тѣмъ всѣ пѣвцы ошъ полдневнаго зноя залепаютъ въ средину кустовъ и шолько что перекликаются. Печальная горлинка одна въ дѣсу воркуетъ. Иногда прекращаетъ она жалобу свою: краткое молчаніе ушомленной горести! Мучительное воспоминаніе умерщвленнаго супруга ея, котораго ошнядо у нее коварство охотничково, представляется опять воображенію ея. Тушь горестная пѣснь звучнѣе раздается по дѣсу.

Мрачныя облака показываються на небѣ. Обремененныя минеральными парами, мало помалу онѣ сближаются и покрываютъ половину неба. Въ оной густѣйшей чернотѣ бродятъ селитра, сѣра и огненная пѣна жирной смолы, доколѣ въ ярости не разрываютъ еще вмѣстности своего. Вездѣ царствуетъ робкое молчаніе. Вдругъ глухой звукъ, предшественникъ бури, несетъ съ горъ на землю, возмущаетъ воды и безъ вѣтра потрясаетъ древа. Въ самыя низкія долины слетаютъ всѣ жижи воздуха; едва осмѣливается любящій грозу вранъ вверхъ подниматься. Неподвижно спятъ спада и на спрашныя небеса устремляютъ боязливые свои взоры, оставленные человекомъ, кошой укрывающа въ шалашъ свой,

Все въ внимательномъ страхѣ, все въ безмолвномъ ужасѣ. На южномъ мрачномъ небѣ сверкаетъ лучъ свѣта. Тьма разспрашивается по небу болѣе и болѣе, и слышенъ уже спрашной гласъ грома. Молнія расширяется, быспрѣе перерѣзываетъ пучи и скорѣе снова является; громъ усиливается — наконецъ ударъ свершается въ едину секунду съ блескомъ и потрясаетъ небо и землю.

Разрываются облака и изливаютъ на землю воду всю рѣками. Однакожь пламя все еще на небесахъ не угасаетъ; сильно гремитъ еще ужасной громъ. Почернѣла на ходмѣ споя-

щая высокая сосна, опаленная молнією; въ долинахъ лежатъ кучи побитаго скоша. Видна еще во взорахъ крошкихъ овецъ спокойная безпечность; въ глазахъ воображенія не преспавали онѣ жевать правки. Не вспаешъ еще съ земли оглушенной громомъ волѣ. Гору сію нѣсколько уже сполѣтій осѣнялъ высокой дубъ, далеко разпростирая въ нѣдрахъ ея корень свой: но гдѣ теперь древо сіе, шоль долгое время могущество времени презиравшее?

Такое явленіе покрываетъ лица порочныхъ смертною блѣдностію, и возмущаетъ чувства ихъ. Но не всегда ударъ судьбы падаетъ на главу злодѣевъ. Селадонъ, юноша, былъ другомъ Амеліи: она блистала красотою цвѣтущаго утра, а онѣ красотою лучезарнаго дня. Любовь соединяла сердца ихъ. Но любовь сія была не та гнусная спрость, которая унижаетъ человѣчество. Любовь ихъ была истинная дружба, основанная на сходствѣ сердечныхъ склонностей. Главной предметъ въ жизни былъ у нихъ одинъ: они старались быть людьми. Жизнь ихъ была чистая рѣчка, не возмущаемая суешными заботами. — Селадонъ и Амелія, прогуливаясь въ густой рощѣ, долго не чувствовали поднимающейся грозы, будучи заняты сладчайшими разговорами. Наконецъ сильные удары грома превалили безчувственность сію. Амелія посмотрѣла на черное небо, вздохнула, обратилась къ

Села-

Селадону, обняла его и слезами своими оросила его лице. Тщетно упованіе на Высочайшую Власть старалось испреблять, спрахъ ея: онъ возраспалъ и поспрясалъ всю ея внутренность. Примѣшилъ Селадонъ ужасъ ея; глаза его, подобно очамъ Ангельскимъ, взирающимъ на кончающагося праведника, исполнились сожалѣнія и живѣйшей любви. „Не спрашись, любезная невинность! (такъ говоритъ онъ) Покрывшій шеперь небо грозною мрачностію взираетъ на тебя окомъ милоспи. Удары гнѣва лепшатъ мимо тебя. Самой шотъ гласъ, которой гремитъ ужасами для сердца злаго, кропкими устами Серафима вѣщаетъ миръ пвсему сердцу. Щаспливъ и я, что подлѣ тебя нахожуся и совершенство прижимаю къ груди своей. ВЪ самое сіе мгновеніе ока (ша инспвенныя судьбы неба!) поражаетъ Амелію молнія; изъ объятій Селадоновыхъ упадаетъ она на землю мертвая. . . Кому изобразить ужасъ его! онъ спойтъ неподвижно, подобно (слабое сравненіе!) изъ мрамора высѣченному гореспному родителю, споящему у гроба единокорднаго сына своего вѣ вѣчномъ молчаніи, вѣ вѣчной скорби.

Облака раздѣляются, упоньчаются и бѣлбютъ. Небо показывается вѣ обыкновенной лазурной одеждѣ своей. Воздухъ очищается; — Духъ жизни носится повсюду. Поля блискаютъ злаными лучами. Радость одуше-

одушевляетъ живописныхъ и вся Природа улыбается.

Лучи солнца не столь уже жарки. Огненной юноша бѣжитъ къ прозрачному пруду, показывающему всю песчаную поверхность дна своего. Нѣсколько минутъ спишетъ онъ и посмотритъ на зеркальную воду, въ которой образуются окрестности. Потомъ бросается съ головою въ прудъ, но мгновенно показываясь опять на поверхности русые волосы и розовыя щеки его. Проворно разбиваетъ руками и ногами своими волны, и легко плаваетъ по изволению своему во всѣ стороны пруда.

Такое упражненіе спасительно для здравія. Часто купаніе истребляетъ изъ внутренности нашей сѣмя опасной болѣзни, которое уже готово было разпуститьсь. Самая душа получаетъ отъ тѣлесной чистоты тайную симпатическую силу.

Настаетъ часъ прогулки, пріятнѣйшій часъ для того, кто въ уединенныхъ мѣстахъ привыкъ дружески бесѣдовать съ Природою. Сколь восхищительны таковыя бесѣды! Что чувствовало сердце мое, когда въ исходѣ прелестнаго Мая, въ тихіе часы вечера, гулялъ я на брегахъ широкой рѣки, въ кошорой, яко въ чистѣйшемъ зеркалѣ, видѣнъ былъ образъ заходящаго солнца! Разсмотрѣніе довело меня до размышленія, размышле-

ніе

ніе до восторга. О Юнгъ! тебѣ обязанъ я склонностію къ уединенію, сею спасительною склонностію, питающею сердце мое сладостію несказанною! — Уединеніе! ты научаешь человѣка тому, что ему болѣе всего знатъ надлежитъ: ты учишь его познавать самаго себя. Будь благословенно; уединеніе!

Низко уже солнце. Премѣняющіяся облака служатъ ему великолѣпнымъ престоломъ. Уже часть круга его заходитъ — не видимъ уже цѣлой половины — просіялъ лучъ огненной — солнце совсѣмъ сокрылось.

Пріятный лѣтній вечеръ приближается, сопровождается тысящю тѣней. Сперва посылаешь онъ на землю шончайшія тѣни; а по томъ идутъ за ними потихоньку и густѣйшія и покрываютъ поверхность шара нашего; прохладнѣйшее вѣяніе колеблетъ древесные листочки и воды, и разноситъ летящій съ распеній бѣлой пухъ по всѣмъ мѣстамъ. Безпристрастная и чадолюбивая Природа ничего не презираетъ. Заботясь о пищѣ и малѣйшихъ чадъ своихъ и сбѣ одеждѣ будущаго года, направляетъ она изъ луга въ лугъ полетъ крылатыхъ сѣмянъ.

Пастухъ гонитъ домой стада; пріятно играя на своей свирѣли. Онъ осматривается и осматриваетъ пѣ долины, на кошорыхъ, по деревенскимъ сказкамъ, всякую лѣтнюю

ночь собираются колдуньи, прыгаютъ, играютъ и поютъ. Но далеко обходитъ онъ могилу того несчастнаго, которой самъ опялъ у себя жизнь; не приближается и къ той пустой избушкѣ, которая стоитъ среди поля, думая (такъ мечтаетъ ночью воображеніе), что тутъ живетъ нечистой духъ.

Блится огненной червь. Вечеръ смѣняется ночью, которая скинула уже съ себя толстую и плотную одежду зимы, и одѣвается только одною легкою темноватою мантіею. Лѣса, деревни, камни и верьхи горъ, которые долго были освѣщаемы вечернею зарею, кажется, всѣ плывутъ. Отъ земли обращаясь взоръ на небо, гдѣ блищаетъ нѣжная Венера, прекраснѣйшая лампада ночи. Между тѣмъ, какъ увеселяюся разсмащиваніемъ ночнаго неба, несущая огненные воздушные пары вкось по воздуху, или прямо лепяпъ внизъ. Къ сіяющимъ шарамъ, которые одушевляютъ и украшаютъ небо; къ солнцамъ другихъ міровъ, жизнь изливающимъ, возвращается изъ неизмѣримаго пространства скоротечная Комета и низходитъ къ солнцу; когда же склонится къ шбнямъ земли, разпустивши по небу величественной хвостъ свой, тогда препещутъ южные Народы. Но мудрые, которыхъ души озарены свѣтомъ Философіи, благословляютъ сего славнаго чужестранца. Вѣдаютъ они, что явленіе сіе есть знакъ благости Создательной, хотя

точно и не могутъ опредѣлить причины онаго. Можетъ быть хвостъ Кометы сей, состоящій изъ множесва паровъ, орошаетъ съѣжею влажностію безчисленные міры; можетъ быть слабѣющія солнцы надѣляетъ она новымъ горючимъ веществомъ и пылаетъ вѣчной огнь.

Существо премудрое! не можетъ человекъ опредѣлить путей Твоихъ; но премурость, благость, и силу Твою можетъ онъ чувствовать въ безконечномъ твореніи. И сего уже для него довольно. Болѣе и болѣе увѣряясь въ сихъ свойствахъ Твоихъ, будетъ онъ радостенъ во все теченіе здѣшней жизни, и, съ живою надеждою на лучшее состояніе, предастъ духъ свой въ руки Твои.

КОНЕЦЪ Х' ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Содержащихся въ сей Части повѣстей:

	Стран
<i>Исправленная лѣность.</i> - -	3
<i>Исторія Господина Чудина.</i> - -	71.
<i>Евгенія и Леонсъ.</i> - - -	168.
<i>Лѣто.</i> - - -	193
